

М. Д. Беляев — создатель и первый хранитель
Мемориального музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке, 12

Всероссийский музей А. С. Пушкина

Мемориальный музей-квартира А. С. Пушкина

**ПУШКИН
И ПРИДВОРНАЯ СРЕДА
ЕГО ВРЕМЕНИ**

Беляевские чтения

Сборник научных статей

Выпуск V

Санкт-Петербург
2015

ББК 83.3 (2Рос=Рус) + 83.3 (2) л6

П91

Редакционный совет:

*О. В. Богданова, Р. В. Иезуитова, А. В. Ильичев, С. М. Некрасов,
Г. М. Седова* (ответственный редактор)

Рецензент

С. В. Березкина

П91 Пушкин и придворная среда его времени. Беляевские чтения: сборник научных статей. Вып. V / под. ред. Г. М. Седовой. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2015. — 184 с.; ил.

ISBN 978-5-4380-0133-1

Сборник научных статей, созданный на основе докладов участников Пятых Беляевских чтений, охватывает широкий круг проблем, связанных с изучением придворной среды пушкинского времени: быт и нравы светского Петербурга, вопросы взаимоотношений поэта и власти, отражение темы великосветской столичной жизни в современной музейной практике.

ББК 83.3 (2Рос=Рус) + 83.3 (2) л6

*В оформлении обложки использованы литография К. П. Беггрова
«Петербург. Арка Главного штаба» (1822),
акварель М. Н. Воробьева «Петербург. Острова» (1819)
из фондов Всероссийского музея А. С. Пушкина*

© Коллектив авторов, 2015

© Всероссийский музей
А. С. Пушкина, 2015

© Екатерина Арт (Омельченко),
обложка, 2015

ISBN 978-5-4380-0133-1

Содержание

Предисловие (С. М. Некрасов)	7

I

<i>П. В. Седов (Санкт-Петербург)</i> . «Водились Пушкины с царями»: род Пушкиных и придворное общество второй половины XVII века	11
<i>И. С. Сидоров (Москва)</i> . Два приглашения в Елагино-островский дворец	30
<i>Т. И. Галкина (Санкт-Петербург)</i> . «Что ж из того, что он камер-юнкер» (отклик Гоголя на присвоение Пушкину придворного звания)	44
<i>Г. М. Седова (Санкт-Петербург)</i> . «Молю Феба и Казанскую Богоматерь...» (молитва и икона в семейной жизни Пушкина и в музейной экспозиции)	53

II

<i>А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург)</i> . Две книги графа Хвостова из библиотеки Пушкина	79
<i>Л. Б. Михайлова (Санкт-Петербург)</i> . «На жизни есть минувшего следы...» (современники Пушкина в письмах М. А. Пещуровой 1840-х годов)	86
<i>Т. Р. Мазур (Санкт-Петербург)</i> . «Самый обыкновенный, старого века человек» (князь М. А. Дондуков-Корсаков) ...	102

III

<i>В. Е. Орлов (Москва)</i> . К расшифровке преддуэльных писем Пушкина	119

<i>А. А. Погодина (Москва)</i> . Пимен Орлов — портретист светского Петербурга 1834–1841 годов	141
<i>В. А. Невская (Москва)</i> . Тема придворной жизни в музейной экспозиции (опыт прочтения)	153
<i>К. О. Валегина, А. С. Иощенко (Санкт-Петербург)</i> . Художественные надгробия пушкинской эпохи в собрании Государственного музея городской скульптуры	168
Указатель имен	178

Предисловие

Пятые Беляевские чтения состоялись во Всероссийском музее А. С. Пушкина в 2015 году, объявленном Указом Президента Российской Федерации Годом литературы, и носили особый характер, так как проходили в год 90-летнего юбилея Музея-квартиры А. С. Пушкина, празднование которого включено в программу IV Санкт-Петербургского культурного форума.

Впервые Беляевские чтения были проведены в 2005 году и приурочены к пятидесятилетию Михаила Дмитриевича Беляева (1884–1955) — крупного теоретика и практика музейного дела, одного из создателей и первого хранителя музея-квартиры поэта в доме на Мойке, 12.

Чтения продолжают традицию публичных научных заседаний, начатую в 1925 году, когда в бывшей пушкинской гостиной, еще не воссозданной в мемориальном плане, ученые-филологи, пушкинисты, историки и краеведы обсуждали актуальные вопросы биографии и творчества Пушкина, предлагали новые подходы к решению проблем построения будущей музейной экспозиции. В последние десятилетия, на новом этапе существования музея, Беляевские чтения по-прежнему объединяют исследователей, сфера интересов которых охватывает широкий спектр историко-литературных и текстологических проблем пушкиноведения, хронологически связанных с последним периодом жизни поэта.

В Пятых чтениях, которые прошли 9 февраля 2015 года, в канун 178-й годовщины со дня кончины Пушкина, приняли участие филологи, историки, искусствоведы, культурологи, практики музейного дела из Санкт-Петербурга и Москвы. К обсуждению были предложены проблемы, связанные с изучением жизни петербургского светского общества, ставшего в 1830-х годах сферой писательских и личных интересов Пушкина. Статьи участников Чтений публикуются в настоящем сборнике.

Книга состоит из трех разделов. Первый посвящен многогранной и актуальной проблеме взаимоотношений личности поэта и власти. Открывает раздел статья П. В. Седова, в которой сопо-

Предисловие

ставлены представления Пушкина о роли своих предков при московском дворе XVII века с данными исторических источников. В статье И. С. Сидорова рассмотрены реальные события придворной жизни Пушкина летом 1836 года. Реакция одного из литературных героев Н. В. Гоголя на звание «камер-юнкер» проанализирована Т. И. Галкиной. В статье Г. М. Седовой молитвы и иконы из семьи Пушкина представлены как часть повседневной жизни поэта.

Второй раздел, посвященный конкретным лицам из светского пушкинского окружения, открывает статья А. Ю. Балакина о книжных дарах графа Д. И. Хвостова Пушкину. В статьях Л. Б. Михайловой и Т. Р. Мазур проанализированы эпистолярные и мемуарные источники, позволяющие увидеть светских знакомых поэта в их частной жизни, неизменно связанной с культурными и общественными событиями эпохи.

Третий раздел обращает читателя к новым, современным подходам к биографии Пушкина и ее музейному воплощению. В раздел включены текстологические наблюдения В. Е. Орлова над черновиками писем поэта; статья А. А. Погодиной, представляющая светских знакомых Пушкина через творчество художника П. Орлова; статьи В. А. Невской об экспозиционных решениях темы светского Петербурга в московском Государственном музее А. С. Пушкина и сотрудников Музея городской скульптуры К. О. Валегиной и А. С. Иощенко об истории захоронений современников Пушкина в Александро-Невской Лавре.

Увидевший свет в юбилейный для Мемориального музея-квартиры А. С. Пушкина год, сборник подводит определенные итоги и намечает перспективные направления в изучении проблем пушкиноведения, связанных с последним периодом жизни Пушкина.

Директор Всероссийского музея А. С. Пушкина,
доктор культурологии, профессор
С. М. Некрасов

I

П. В. Седов

«Водились Пушкины с царями»:
род Пушкиных и придворное общество
второй половины XVII века

В стихотворении «Моя родословная» для характеристики отношений своих предков с российскими самодержцами Пушкин выбрал необычный глагол:

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин (III, 262).

В литературе принято понимать слово «водились» лишь как утверждение близости Пушкиных с царями. Именно так воспринимал смысл этих строк Б. Л. Модзалевский: «Тем с большей любовью и благородной гордостью поэт останавливался на именах боковых родичей, из которых многие, действительно, оставили по себе след как личности незаурядные»¹. С. Б. Веселовский также полагал, что выражение «Водились Пушкины с царями» следует понимать как обозначение величия их рода: «Возвышение Пушкиных, начавшееся в последней четверти XVI века, продолжалось при

Седов Павел Владимирович — доктор исторических наук, заведующий Отделом древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН. Автор более 70 научных работ, в том числе монографии «Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века» (2008). Сфера научных интересов: история России XVII в.

первых Романовых, хотя в бурях Смутного времени Пушкины понесли довольно значительные потери. Пушкины были на подъеме приблизительно сто лет и в третьей четверти XVII века достигли вершины славы и могущества». Далее С. Б. Веселовский подчеркнул, что поэту был известен Приговор Земского собора 1613 года, избравшего на царство Михаила Романова, об этой грамоте напоминают строки: «Мы к оной руку приложили». При этом исследователь заметил, что А. С. Пушкин не знал другого документа (он был опубликован лишь в 1836 г.) — Приговора 1598 года об избрании на царство Бориса Годунова, к которому приложили руки десять представителей рода Пушкиных; «по сравнению с другими дворянскими родами, — писал С. Б. Веселовский, — это количество участников собора 1598 года из рода Пушкиных представляется совершенно исключительным. Добавим к этому, что из десяти участников избрания на царство Бориса Годунова двое, Ивашка Михайлович и Михаил Евстафьевич, были из числа тех четырех Пушкиных, которые в 1613 году избирали на царство Михаила Романова»². Итак, в классических трудах Б. Л. Модзалевского и С. Б. Веселовского по истории рода Пушкиных смысл слова «водились» определенно сведен к чувству гордости поэта за своих предков.

Обратимся к авторской правке стихотворения «Моя родословная» и проследим, как поэт подбирал точное слово для обозначения отношений Пушкиных с царями. «Водились Пушкины с царями», — так он написал сначала (III, 874). Полагаю, что авторы шестнадцатитомного издания собрания сочинений безосновательно прокомментировали это слово как «описку»³, тем самым решительно исправив смысл пушкинской редакции. Может быть, авторитет Б. Л. Модзалевского и С. Б. Веселовского не позволил допустить ино-

го толкования. Между тем строка «Возились Пушкины с царями» не только не лишена смысла, но, напротив, весьма точно отражает участие некоторых представителей рода в событиях Смуты начала XVII века.

В мае 1605 года Гаврила Григорьевич Слепой Пушкин «напросился» у Лжедмитрия I свергнуть Годуновых с престола, что и исполнил, задушив царя Фёдора Борисовича и его мать, — эта драматическая сцена венчает драму «Борис Годунов». Именно за эту службу самозванец пожаловал Гавриле Григорьевичу Пушкину чин думного дворянина и «великого сокольничего». В этом контексте слово «возились» исполнено зловещего смысла, и в нем нет и намека на тщеславную гордость славными деяниями своих предков. Припомним и слова, вложенные в уста Бориса Годунова: «Противен мне род Пушкиных мятежный» (VII, 45).

Другой случай, когда представитель рода Пушкиных буквально «возился» с царем, относится к свержению Василия Шуйского и его последующему насильственному пострижению. Князь Василий Тюфякин, Гаврила Пушкин, князь Федор Волконский и другие заговорщики 19 июля 1610 года насильно постригли низверженного царя. Василий Шуйский решительно отказывался произнести полагающиеся при постриге слова, и пока заговорщики держали его, Василий Тюфякин взял на себя дерзость отречься от мира за Василия Шуйского. За этот грех патриарх Гермоген отлучил князя Тюфякина от Церкви.

Можно добавить также, что в 1611 году стольник Борис Иванович Пушкин (затем окольник) ездил в посольстве из Москвы под Смоленск предлагать польскому королю Сигизмунду III русский трон для его сына Владислава. Это предложение лишь поначалу было попыткой замирииться с поляками и вывести страну из Смуты, а потом превратилось уже в «воз-

ню» вокруг кандидатуры польского королевича Владислава, от имени которого «семибоярщина» сидела в Кремле. Как раз для того, чтобы избавить страну от кандидатуры польского королевича, князь Д. М. Пожарский и К. Минин и привели нижегородское ополчение к Москве в 1612 году.

Логично предположить, что написав сначала «Возились Пушкины с царями», поэт не стал дробить свое повествование на детали и нашел более точное слово, характеризующее роль Пушкиных как в Смуту, так и в первое время после нее — при Михаиле Романове. Ведь многие Пушкины героически сражались на стороне земских сил, например думный дворянин Иван Михайлович был убит поляками во время сожжения Москвы 19 марта 1611 года (он пал смертью героя в тот же день, когда князь Дмитрий Пожарский бился с поляками на Сретенке и был тяжело ранен в голову).

Полагаем, что слово «возились», вобрав в себя мятежный дух Пушкиных эпохи Смуты, уступило место более емкому выражению — «водились».

Любопытно, что Пушкин употребил слово «возились» еще раз в незаконченной поэме «Езерский», в которой, как известно, отразились размышления поэта над историей своего рода. В VIII строфе первой черновой редакции поэмы участие Езерских в придворной жизни после смерти Петра I описано так:

И тут Езерские возились,
В связи то с этим то с другим
На счастье Меншикова злились,
Хитрили с злоб<ным> <?> Трубецким (V, 402).

При дальнейшем редактировании Пушкин отказался от этого текста.

Поэт не перестал размышлять о величии своих предков, видя его в «самостоянье» относительно царской власти. Оказался совершенно незамеченным тот факт, что в поэме «Езерский» подразумевается совершенно конкретный исторический факт:

Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской:
За спор то с тем он, то с другим
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под страшный гнев,
И умер, Сицких пересев (V, 98).

Старинный боярский род князей Сицких упомянут здесь неслучайно: 21 марта 1635 года стольники Григорий и Степан Гавриловичи Пушкины местничались с князем Ю. А. Сицким, и именно за царским столом⁴. Откуда поэт мог узнать об этом историческом факте? В настоящее время он известен из так называемых Дворцовых Разрядов, которые опубликованы много лет спустя после смерти Пушкина. Остается предположить, что известные слова поэта: «Под гербовой своей печатью я кипу грамот схоронил» не были лишь поэтическим преувеличением. Служащие архива Иностранных дел часто делали выписки по официальным и частным запросам дворян об их предках из разрядных книг и поместных документов при помощи алфавитов, составленных в конце XVIII века.

Рассмотрим далее положение представителей рода Пушкиных во второй половине XVII века. Выбор этого хронологического отрезка обусловлен двумя причинами. Во-первых, сведения о представителях рода Пушкиных в думных и московских чинах второй половины XVII века наиболее отрывочны и неполны. Во-вторых, именно в это время формируется придворное общество, которое поставило представителей

старой русской аристократии в новое положение относительно царской власти, — тема, которая волновала поэта. Отмена местничества в 1682 году не покончила вовсе со служебно-родовым старшинством, но поставило его в бóльшую зависимость от придворного статуса. Это обстоятельство хорошо понимал поэт:

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рожденьем знатность,
И чем новее, тем знатней (III, 261).

Придворная знать второй половины XVII века вбирала в себя новые роды, которые, выражаясь словами поэта, «ваксили царские сапоги». Стрелецкий голова Артемон Сергеевич Матвеев стал первым боярином в конце царствования Алексея Михайловича, а сын городского дворянина Иван Максимович Языков приобрел аналогичный статус в конце царствования Федора Алексеевича; «глубокий дворских обхождений проникатель» — так современники окрестили Языкова, который выдвинулся благодаря службе в царской комнате и был непосредственным участником отмены местничества.

Новым явлением второй половины XVII века стало выделение в самостоятельный чин спальников, или комнатных стольников. Они и раньше упоминаются в источниках, но теперь их стали записывать отдельным чином, и число их возросло с полутора десятка до сотни. Все спальники полным составом подписались под «Соборным деянием» об отмене местничества 1682 года сразу за думными людьми. Так впервые было формально обозначено вхождение спальников в состав правящей элиты государства.

До самого последнего времени значение спальников при московском дворе XVII века было недооценено. Их роль

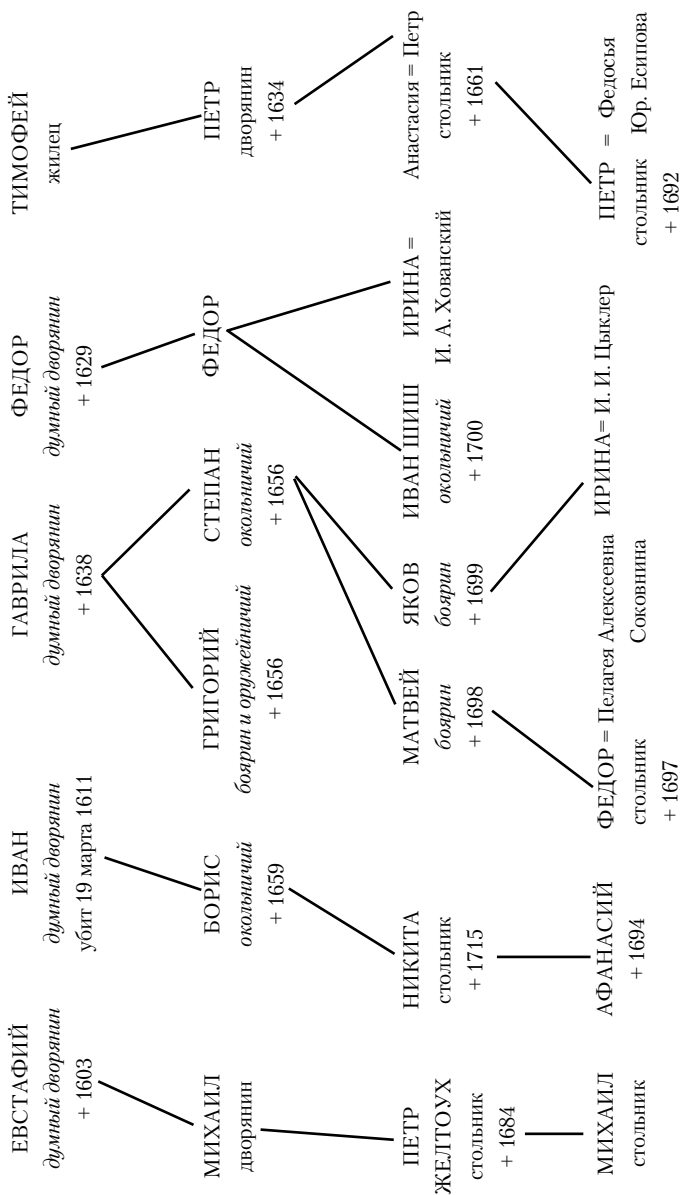
в повседневной жизни царской комнаты мало известна, что отразило отсутствие специального интереса исследователей к придворной истории Московского государства. Между тем самодержавие невозможно без придворной жизни, поскольку неограниченная царская власть делает исключительно государя источником политической воли, единственным безусловным источником справедливости и всякой милости. Самым влиятельным придворным становился тот, кто ближе стоял к государю.

Спальники прислуживали царю в комнате, спали на лавках в соседней комнате, надзирали за выносом царского горшка, что в допетровской Руси из-за постоянной боязни колдовства было делом великой государственной важности. За редким исключением именно спальники во время застолий царю «пить наливали». Они же ехали за царской каретой, были ходячими кошельками государя при повседневных тратах, своим словом передавали царскую волю во дворце и в приказах. В дальнейшем большинство из них получали думные чины и заседали в Комнатной думе, где цари по заведенной традиции обсуждали «сам третей у постели» наиболее важные решения. Первым среди спальников почитался тот, кто исполнял должность «у крюка в комнате», то есть дежурил у входного дверного крюка; именно он впускал или не впускал придворных в царскую комнату, а если не впускал, то через него передавали царю необходимые вести.

В XVII веке высокое положение при дворе было связано в первую очередь именно с думными чинами и спальниками. В первой половине века думные чины имели шесть представителей рода Пушкиных (см. рис.): думный дворянин Евстафий Михайлович (умер в 1603 г.), его брат думный дворянин Иван Михайлович (убит в 1611 г.), думный дворянин Гаврила Григорьевич (умер в 1638 г.), окольныйчий Борис

Выдающиеся представители рода Пушкиных в XVII веке

П. В. Седов

Иванович (умер в 1659 г.), боярин и оружейничий Григорий Гаврилович (умер в 1656 г.), Степан Гаврилович (умер в 1656 г.). Пушкины тесным кланом заседали в Думе, и дело здесь не столько в количестве, сколько в особой роли Григория Гавриловича как боярина и оружейничего в начале царствования Алексея Михайловича. Оружейничий — это своего рода министр двора XVII века.

Однако большим промахом всех представителей рода Пушкиных первой половины XVII века было то, что ни одному из них не удалось пристроить своих детей в царские спальники. Поэтому после смерти в 1650-х годах троих Пушкиных, имевших думные чины, никто из этого рода не был пожалован в Думу на протяжении следующих полутора десятков лет.

Лишь в 1672 году Матвей Степанович Пушкин пожалован в окольничие. В «Начале автобиографии» Пушкин писал: «Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольничий Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру)» (XII, 311).

Сведения об этом поэт мог почерпнуть единственно из Собрания Государственных грамот и договоров. В IV томе Собрания (издание 1826 г.) опубликован текст «Соборного деяния об отмене местничества» 12 января 1682 года. До сих пор это самая аутентичная публикация документа, включая имена архиереев, членов Думы, а также спальников и 12 стольников, которые скрепили общее решение своими подписями.

Мнение Пушкина о том, что подпись его предка Матвея Степановича под «Соборным деянием» «мало делает чести его характеру», проистекает из представлений поэта о желае-

мых для него отношениях дворянства с монархом: отношениях, построенных на долге, чести и службе с одной стороны, и уважении старинных привилегий родового дворянства со стороны государя.

Подобные представления были весьма далеки от реалий XVII века. Окольничий Матвей Степанович Пушкин, как и прочие думные люди и придворные, не имел серьезных оснований противиться отмене местничества, поскольку, как это установлено исследователями в конце XIX и в XX веке, эта важная реформа означала не унижение знати, а ее трансформацию в придворную аристократию.

Существенно подчеркнуть, что Пушкин не обратил внимание на то, что среди подписей под «Соборным деянием» об отмене местничества есть имя еще одного его предка — стольника Петра Петровича Пушкина. Это тем более странно, что Петр Петрович, в отличие от Матвея Степановича, предок поэта по прямой линии — это его прапрадед. В отличие от Матвея Степановича Пушкина, чья подпись под «Соборным деянием» носила формальный характер, Петр Петрович непосредственно участвовал в обсуждении реформы. Поэт мог знать об этом из текста самого «Соборного деяния».

Конечно, Петр Петрович участвовал в отмене местничества как фигура второго ряда, он не принимал решений, не направлял реформу, но как член комиссии, которая подготавливала реализацию реформы, мог и даже должен был высказываться.

Как можно объяснить подобное «невнимательное» чтение поэтом исторического документа? Полагаю, что Пушкин писал это по памяти. Высказывая свои мысли о положении собственного рода в русской истории, он выступает как поэт, мыслитель, но не как архивариус.

В середине и во второй половине XVII века было два Петра Петровича Пушкина — отец и сын. В указателе к Дворцовым Разрядам они отнесены к одному лицу, но специалисты без труда разделяют сведения о них, поскольку старший Петр Петрович умер в 1661 году, а его сын упоминается на службе уже после кончины отца.

В Дворцовых разрядах под 23 мая 1675 года сделана запись о докладе царю результатов допроса стольника князя Ивана Петрова сына Козловского «и людей его, а дву человек у него у князь Ивана пытали, одного Казимерком зовут». Сам князь И. П. Козловский признался, что «жил с племянницею своею с двоюродною» с Анастасией Афанасьевной, вдовою Петра Петровича Пушкина «лет з десять и болши». В том же проступке Козловский «винился» и патриарху. Царь указал вдову П. П. Пушкина «послать под начал» в Страстной монастырь на Тверской улице, а ее дядя был отдан «за пристава» дьяку Михаилу Чирикову⁵.

Князь И. П. Козловский хлебнул позора полной мерой. В боярском списке против его имени было помечено, что 16 января 1676 года «за вину» велено его разжаловать в московские дворяне, но на следующий день после смерти царя Алексея Михайловича, 30 января того же года, князь был прощен и «пожалован по-прежнему»⁶.

Можно себе представить, что при этом чувствовали несчастная вдова Анастасия Афанасьевна и ее 35-летний сын Петр Петрович Пушкин. Подобного рода истории случались в дворянской среде, но их никогда не записывали в разряды. Об этом могли сплетничать, могли и помянуть на людях во время перебранки на Постельном Крыльце, где придворные толпились во время присутствия во дворце, но чтобы внести в официальные разряды — такой традиции не было, и сделано это было, конечно же, с определенным расчетом.

Как раз в 1674–1675 годах в разряды были занесены несколько аналогичных записей, служащих к бесчестью ряда придворных фамилий. Все они относились к недругам боярина Артемона Сергеевича Матвеева — наиболее влиятельного боярина конца царствования Алексея Михайловича. В 1671 году А. С. Матвеев устроил вторую свадьбу царя с Натальей Кирилловной Нарышкиной и как глава придворного клана Нарышкиных быстро вошел в силу при дворе. Он стал теснить своих недругов и старательно вносил в официальные разряды каждый промах или неблагоприятный эпизод их службы при дворе⁷.

Пушкины держали сторону противников А. С. Матвеева и Нарышкиных и разделили общую участь придворных, которые пользовались царским фавором при жизни первой супруги царя, Марии Ильиничны из рода Милославских, и впали в немилость после второго царского брака.

Среди врагов А. С. Матвеева одно из первых мест занимал боярин князь Алексей Андреевич Голицын, глава Владимирского Судного приказа. Вторым судьей этого приказа был стольник Петр Михайлович Пушкин Желтоух. В декабре 1674 года царь наложил на князя А. А. Голицына форменную опалу и уволил его от руководства этим важнейшим судебным приказом вместе со стольником П. М. Пушкиным. Новый глава Владимирского Судного приказа стольник М. И. Морозов тоже был среди недругов А. С. Матвеева и, что характерно, его новым помощником в приказе стал опять же представитель пушкинского рода — Петр Петрович Пушкин.

Всего полгода спустя А. С. Матвеев инициировал скандал против матери Петра Петровича Пушкина, о чем и была сделана подробная запись в разрядах. Петр Петрович Пушкин разбирали судебные дела именно придворных, и неблагоприят-

ное поведение его матери должно было дискредитировать его как приказного судью. Какими бы ни были отношения А. С. Матвеева и Пушкиных ранее, отныне они были навсегда испорчены. Такое не забывают и не прощают.

Злопамятная логика придворной борьбы прочно связала Пушкиных с Милославскими. Сразу же вслед за воцарением Петра 27 апреля 1682 года окольниковому Матвею Степановичу Пушкину было указано покинуть столицу: отправиться на подавление восставших башкир. Однако стрелецкое восстание в мае того же года низвергло власть Нарышкиных и привело к власти царевну Софью, главу придворного клана Милославских. Уже 21 мая окольниковый М. С. Пушкин был оставлен в Москве и получил чрезвычайно важный в дни восстания пост главы Разбойного приказа⁸. По требованию восставших стрельцов на трон был возведен второй царь, рожденный от Милославской, — Иван Алексеевич. Во время торжественного застолья в Грановитой палате 27 июня 1682 года по случаю венчания второго государя у царского стола стояли представители противоборствующих придворных кланов: воспитатель царя Петра кравчий князь Б. А. Голицын, а с ним стольник Петр Петрович Пушкин, прапрадед поэта⁹.

С самого начала регентства царевны Софьи Пушкины пошли в гору. Иван Федорович Пушкин 29 июня 1682 года был пожалован в окольниковые¹⁰. Другой окольниковый — Матвей Степанович Пушкин — 29 августа 1682 года стал боярином¹¹. Стольник Яков Степанович Пушкин 12 января 1686 года был пожалован в окольниковые¹².

В период двоецарствия (1682–1696) двор был поделен на две части: одни придворные ездили в походы за царем Петром, другие за царем Иваном. Пушкины неизменно входили в двор царя Ивана¹³. Сын боярина Матвея Степановича

Пушкина, Федор Матвеевич, 26 февраля 1693 года был пожалован в спальники царя Ивана Алексеевича¹⁴ — единственный представитель рода Пушкиных, служивший в царской комнате.

Как потом оказалось, Пушкины поставили не на того царя. Режим регентства царевны Софьи, а вместе с ним всякое придворное влияние Милославских, закончились в августе 1689 года так называемым заговором Федора Шакловитого, обвиненного в замысле убить царя Петра. В эти решающие дни Матвей Степанович Пушкин успел вовремя приехать к царю Петру в Троице-Сергиев монастырь, чем спас себя. Но при этом он сочувствовал «столпу» режима регентства царевны Софьи — боярину князю В. В. Голицыну. Двоюродный брат последнего — боярин князь Б. А. Голицын принадлежал к ближайшему окружению царя Петра и пытался спасти своего родственника, сопровождавшего в тот момент царя Иоанна в московский Ивановский монастырь. В это же время в Троице-Сергиевом монастыре князь Б. А. Голицын отвел в сторону, «под избушку», доверенного человека и «приказывал ему при боярине Матвее Степановиче Пушкине» передать совет князю В. В. Голицыну скорее ехать в Троицу к царю Петру, иначе с ним поступят как с изменником, подобно Ф. Л. Шакловитому. М. С. Пушкин не только присутствовал при этом тайном разговоре доверенных людей, но и сразу же затем послал от себя письмо к князю В. В. Голицыну с таким же советом. Впрочем, влиятельный боярин не послушался советов, остался при царевне Софье в Москве¹⁵, что и способствовало его опале и ссылке.

В 1691 году в Москве велся розыск о расстриге Ивашке, который передал князю Б. А. Голицыну устное послание от его сосланного в Сибирь двоюродного брата. Опальный

надеялся вернуться в Москву и передал на словах, что царю Петру «только год жить». Князь Борис Алексеевич узнал посланца: «видал де тебя у Матвея Степановича Пушкина»¹⁶.

Развязка взаимной ненависти Милославских и Нарышкиных наступила в 1697 году в связи с памятным для царского двора делом бывшего стрелецкого полковника Ивана Цыклера. Цыклер имел неосторожность сказать стрельцу Григорию Силину, что есть возможность убить царя Петра на Красной площади или в самом Кремле. Силин донес об этом разговоре, и началось следствие. В ходе дознания были взяты родственники Цыклера, с которыми он вел подобные же речи — Соковнины и Пушкины. Федор Пушкин, сын боярина Матвея Степановича, признался под пыткой, что говорил такие слова: «от государя де стало им тошно, как бы де ему, Федору, где-нибудь с ним, государем, съехатца, и он бы с ним не разъехался, хотя б де он, Федор, ожил или пропал». Следующие десять ударов выбили из Федора Пушкина признание, что его речи вызваны гневом царя на его отца. Другие подследственные утверждали, будто бы Федор Пушкин говорил о царе, что тот живет без страха Божьего, не по-христиански, и что нет у него ни Бога, ни веры. Но сам Федор Пушкин в этом не признавался даже под пыткой.

Зато Федор Пушкин подтвердил другой разговор со своим тестем и известным старовером окольничим Алексеем Прокофьевичем Соковниным, родным братом боярыни Федосьи Морозовой, замученной еще царем Алексеем Михайловичем: «говорил ему, Алексею, про государя: погубил де он, государь, всех, и за то мочно его государя убить, и то де будет безгрешно для того, что он погубил всех, да и для того: на отца ево, Федора, ево государев гнев». Присутство-

вавший при разговоре сын окольного — Василий Соковнин промолвил при этом: «посылают де нас за море учитца, а неведомо чему». Алексей Соковнин сообщил Федору Пушкину: «Хочет де государь отца твоего на святках ругать и до смерти убить, а дом ваш разорить». Федор же на это ответил, что тогда он убьет царя, в чем и признался под пыткой.

По свидетельству современника Андрея Матвеева, сына боярина Артемона Сергеевича, Федор Пушкин не был инициатором заговора против царя и пострадал по своей простоте: «по обязательству своего крайнего с Соковниным свойства, по простоте своей некоторые о его величества высочайшей особе чести, неопасшия, непристойные слова говорил»¹⁷.

Четвертого марта 1697 года состоялась казнь проходивших по делу Ивана Цыклера, Алексея Соковнина и Федора Пушкина, а также еще трех человек. Царская воля отделила Федора Матвеевича Пушкина от главных заговорщиков: Цыклера и Соковнина четвертовали, тогда как Пушкину сразу отрубили голову. Во время казни под эшафот поставили гроб умершего к тому времени боярина Ивана Михайловича Милославского. Гроб привезли к месту казни на свиньях и поставили так, чтобы кровь казненных пролилась на останки ненавистного для царя Петра главу рода Милославских. Боярина Матвея Степановича Пушкина лишили чина и сослали в Сибирь¹⁸.

В контексте всех этих событий, известных А. С. Пушкину, правда без некоторых подробностей, но в целом довольно верно, слова поэта «Водились Пушкины с царями» приобретают не столько тщеславный, сколько ироничный оттенок. Перечтем еще раз строки стихотворения «Моя родословная» и сопоставим с «Автобиографией».

В стихотворении «Моя родословная» подчеркнута, что Пушкины были славны до начала династии Романовых и отличились во времена нижегородского ополчения (1611–1612). Затем они «руку приложили» (III, 262) к утверждению грамоты об избрании Михаила Федоровича на царство в феврале 1613 года. Что же получили Пушкины за поддержку новой династии?

В «Автобиографии» из всех многочисленных славных дел представителей своего рода при Романовых Пушкин последовательно выбирает не те, которыми было принято гордиться в дворянской среде, что подчеркивается комментариями поэта: подпись окольного М. С. Пушкина под «Соборным деянием об уничтожении местничества» мало делает чести его характеру. При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой, Александр Петрович, был женат на меньшей дочери графа Головина, первого андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия, зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии, и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях» (XII, 311).

В стихотворении поэт итожит историю своего рода XVII века словами: «И присмирел наш род суровый» (III, 262). Не могу объяснить здесь слово «суровый» иначе, чем намеком на приверженность Пушкиных конца XVII века старобрядчеству. В «Словаре языка Пушкина» подобный смысл слова «суровый» можно сопоставить с его значением в поэме «Анджело»:

<...> муж опытный, не новый
В искусстве властвовать, обычаем суровый,
Блдеющий в трудах, ученьи и посте,
За нравы строгие прославленный везде (V, 108).

Итак, пушкинские слова «водились (возились) Пушкины с царями» более чем многозначны. Применительно к событиям Смуты — один смысл, относительно времени царя Михаила Федоровича и начала царствования Алексея Михайловича — другой. В контексте формирования придворного общества второй половины XVII века угасание рода Пушкиных было вызвано как раз тем, что они не служили в царской комнате и, в отличие от других придворных фамилий, не «водились» с царями, а если и водились, то не с тем, с кем следовало. В отношении Петра I эти слова и подавно находятся в кричащем противоречии с исторической действительностью, что поэт не скрыл от своего читателя.

Примечания

- ¹ Модзалевский Б. Л. Род Пушкина // Пушкин А. С. [Собр. соч.] / под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1907. Т. 1. С. 9 (сер. «Библиотека великих писателей»).
- ² Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории. М., 1990. С. 62–164.
- ³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 3. С. 874 (коммент. М. А. Цявловского).
- ⁴ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные е. и. в. канцелярией (Далее — ДР). СПб., 1855. Т. II. Стб. 443; См. также: Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 173. № 1345.
- ⁵ ДР. Т. III. Стб. 1401–1402, 1416–1417.
- ⁶ Российский государственный архив древних актов (Далее — РГАДА). Ф. 210. Боярские списки. № 14. Л. 19.
- ⁷ См. об этом: Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века СПб., 2008. С. 138–147.
- ⁸ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VII. С. 317, 319.

«Водились Пушкины с царями»...

- ⁹ См.: Восстание в Москве 1682 года. Сб. документов. М., 1976. С. 261.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 21. Л. 8.
- ¹¹ Там же. № 22. Л. 3 об.
- ¹² Там же. № 24. Л. 467 об.
- ¹³ ДР. СПб., 1855. Т. IV. Стб. 425.
- ¹⁴ Там же. Стб. 768–769.
- ¹⁵ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1885. Т. II. Стб. 788.
- ¹⁶ Там же. СПб., 1888. Т. III. Стб. 1075, 1085.
- ¹⁷ Желябужский И. А. Дневные записки // Рождение империи / сост. А. Либерман, С. Шокарев. М., 1997. С. 413.
- ¹⁸ См.: Богословский М. М. Петр Великий. Материалы для биографии. М., 2005. С. 389–395; Бушкович, Пол. Петр Великий. Борьба за власть, 1671–1725. СПб., 2009. С. 194–198.

Два приглашения в Елагиноостровский дворец

Восьмого августа 1836 года, как записано в камер-фурьерском журнале, «въ 12 часовъ полуночи, Его Величество Государь Императоръ Отсудствовали изъ дачи Александри въ предназначенный имъ дальній путь»¹. Николай I отправился в традиционную инспекторскую поездку по стране.

После его отъезда императрица Александра Федоровна с детьми почти весь август оставалась в Петергофе, точнее — на упомянутой даче в Александрии. Но 22 августа она «прибыла въ Елагино-Островскій Дворецъ въ Половинѣ 6го часа по полудни. <...> Въ Половинѣ 8го часа Ея Величество съ Государемъ Наслѣдникомъ, государынями Великими Княжнами Маріею, Ольгою Николаевнами изъ Дворца Елагина Острова въ Ландавѣ выѣздъ имѣла въ Каменно-Островской Театръ, — гдѣ и присутствовала въ Ложѣ при представленіи Французскими Актерами Піэссы»².

Сидоров Игорь Саввич — сотрудник Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина; член Пушкинской комиссии при ИМЛИ РАН, один из редакторов и авторов издаваемой Пушкинской комиссией «Хроники жизни и творчества А. С. Пушкина». Публиковался в журналах «Вопросы литературы», «Philologica», «Исторический архив» и ряде научных сборников. Специализируется на информационных технологиях в области культуры. Сфера исследовательских интересов: биография А. С. Пушкина в контексте культуры и быта его времени.

Александра Федоровна проживет во дворце на Елагином острове до 6 сентября и уедет в Царское Село. Из записей в камер-фурьерских журналах за август и сентябрь известно, что императрица неоднократно прогуливалась и в коляске, и верхом как по Елагину, так и по соседнему Каменному острову, на котором располагался не только театр, но и дворец великого князя Михаила Павловича. Сам великий князь в это время пребывал за границей, но во дворце жила великая княгиня Елена Павловна, с которой Александра Федоровна постоянно общалась.

Пушкин и Наталья Николаевна в это время жили на Каменном острове, на даче, и дважды были приглашены императрицей в Елагиноостровский дворец. Об этом свидетельствуют записи всё в тех же камер-фурьерских журналах. Об этих приглашениях и пойдет речь в статье, и опираться я буду в основном именно на записи в камер-фурьерских журналах, так как другой информации об интересующих нас двух вечерах очень мало.

Чтобы было понятнее, что можно извлечь из камер-фурьерских записей, обратимся к танцевальному вечеру в Аничковом дворце 29 ноября того же года, так как по этому вечеру имеется больше информации, чем по какому-либо другому. В ноябрьский камер-фурьерский журнал оказался вплетен и список, по которому приглашали гостей 29 ноября. Сопоставление списка приглашаемых с записью в самом журнале позволяет лучше понять, какую информацию несет запись в журнале.

Несколько слов о типичной структуре записи в камер-фурьерском журнале о бале на примере записи о 29 ноября. Описание бала всегда начинается с такой информации (в данном случае речь идет об Аничковом дворце):

Къ половинѣ 9^м часа вечера по приглашенію отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы къ Танцевальному Собранію

Съезжались въ Собственный Его Императорскаго Величества Дворецъ Знатныя обоего пола Особы, а также Гвардіи нѣкоторыя Оберъ-Офицеры. Дамы въ круглыхъ платьяхъ, а Кавалеры Статскія въ Мундирныхъ Фракахъ, Военные въ обыкновенной Формѣ, — и Собирались в Биліартной и Бѣлой Комнатахъ.

45^м мин: 9^м часа Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ, Государынею Великою Княжною Маріею Николаевною и Принцемъ Ольденбургскимъ изъ Внутреннихъ Апартаментовъ выходъ имѣли въ Собрание въ Бѣлую Комнату гдѣ и начался Балъ Французскимъ Кадрилемъ³.

Естественно, в каких-то деталях это вступление для разных балов может отличаться, но не принципиально. Сами танцы никогда никак не описываются. Бал всегда прерывался на ужин, и вот тут-то в записи всегда перечисляются все гости, участвовавшие в ужине, то есть приглашенные на этот бал.

Снова — запись о 29 ноября:

Въ половинѣ 12^м часа, Ихъ Императорскія Величества съ Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ и Собраниемъ Особъ Шествовали изъ Бѣлой Комнаты въ угольное Круглое заллѣ къ вечернему Столу, приготовленному за разными круглыми Столами какъ въ ономъ а также и въ желтой Комнатѣ.

За Высочайшимъ Столомъ въ кругломъ заллѣ Кушали Ея Величество.

Ста:<тс-> Дама Кня<гиня> Салтыкова,

и далее называются все, удостоенные чести сидеть за одним столом с императрицей⁴.

После этого перечисляются все остальные гости уже не по столам, а подряд, но в соответствии с их положением при дворе, их чинами и титулами, от старших к младшим.

И, наконец, следует заключительный пассаж:

По окончаніи ужина Высочайшія Особы проходили въ Бѣлой Заллѣ, вторительно на Балъ, который и продолжался до 2^х часов. —

Два приглашения в Елагиноостровский дворец

полу-ночи въ которое время Их Величества и Его Высочество Государь Наслѣдникъ откланялись Собранію и проходили во Внутреннія Апартаменты – и Гости разѣхались⁵.

Практически именно так описаны в камер-фурьерских журналах все дворцовые балы.

Посмотрим теперь на упомянутый сохранившийся список, по которому приглашали гостей на бал 29 ноября. Лица в списке перечислены, естественно, в соответствии с их положением при дворе, их чинами и титулами, от старших к младшим, начиная, в данном случае, с принца Ольденбургского, статс-дам и фрейлин и кончая офицерами различных гвардейских полков, приглашенных в качестве танцевальных кавалеров. Иногда их так и называли: «танцующие» офицеры⁶.

Первоначальный список по тем или иным причинам может меняться, но незначительно. Чаще всего в него вносятся не упомянутые ранее лица. Так, в список приглашенных 29 ноября добавлены граф Н. Н. Новосильцев, который будет удостоен чести сидеть за одним столом с императрицей, и граф А. Ф. Орлов. У княгини Барятинской помечено, что она приглашена с племянницей, графинею Келлер. Добавлен и первоначально отсутствовавший в списке камер-юнкер Пушкин с супругой⁷. Уточняются имена дежурных генерал-адъютанта, генерал-майора, флигель-адъютанта. Из числа танцующих офицеров вычеркивается поручик конной артиллерии Есаков, а вместо него вписывается другой поручик того же полка – Карамзин 2-й, т. е. Александр Карамзин. Добавляются еще танцующие офицеры.

Затем ряд лиц отмечается черточками, вероятно, в соответствии с указаниями императрицы. Сопоставление с записью в журнале позволяет понять, что этими черточками отмечены лица, которые будут приглашены за императорский стол.

Наконец, наверное, уже в течение бала (а скорее всего — при рассаживании за столы) камер-фурьер отмечает в списке тех, кто на бале отсутствует. В списке 29 ноября они помечены буквой «н».

Запись в журнале делается, естественно, уже после бала.

При сопоставлении журнальной записи со списком приглашенных становится понятно, что в запись о бале вносились все приглашенные гости — и те, кто присутствовал, и те, кого по какой-то причине не было. Вероятно, было важно отметить всех, удостоенных приглашения. Иногда, как в случае бала 29 ноября, отметки об отсутствии переносились из списка в журнальную запись. Но знакомство с записями о других балах позволяет понять, что это делалось не всегда. Нередко список приглашенных гостей переносился в журнал без всяких помет. Возможно, их не было и в самом списке.

Так, 31 июля 1836 года в Красном Селе, около которого проходили маневры и где должен был состояться в этот день традиционный фейерверк, вечером в шатре императрицы (называемом в камер-фурьерском журнале «палаткою») также состоялся бал. Согласно журнальной записи, среди гостей, участвовавших в ужине, находились «<фрейлина> Гончарова», «Супруга Камеръ Юнкера Пушкина», «Ротмистръ Полетико съ Супругою», «<ротмистр> Петрово-Соловова съ Супругою»⁸. Ни одной пометы о чьем-либо отсутствии в журнальной записи нет. Между тем названная в качестве гостыи фрейлина Екатерина Гончарова на следующий день напишет в письме к брату:

Мы выехали вчера из дому в двенадцать часов с половиной пополудни и в 4 часа прибыли в деревню Павловское, где стоят кавалергарды, которые в специально приготовленной для нас палатке дали нам превосходный обед, после чего мы должны были отправиться большим обществом на фейерверк. Из дам были

Два приглашения в Елагиноостровский дворец

только Соловая <Н. А., жена упомянутого в журнале ротмистра Г. Ф. Петрово-Соловова>, Полетика <Идалия Григорьевна, жена упомянутого там же ротмистра А. М. Полетики>, Ермолова <Ж.-Ш., жена генерал-майора М. А. Ермолова> и мы трое <Екатерина и Александра Гончаровы и Наталья Николаевна>, вот и все, и затем офицеры полка, множество дипломатов и приезжих иностранцев, и если бы испортившаяся погода <сорвавшая фейерверк> не прогнала нас из палатки в избу к Соловому, можно было бы сказать, что все было очень мило. Едва лишь в лагере стало известно о приезде всех этих дам и о нашем, императрица, которая тоже там была, сейчас же пригласила нас на бал, в свою палатку, но так как мы все были в закрытых платьях и башмаках, и к тому же некоторые из нас в трауре <Наталья Николаевна соблюдала траур по свекрови>, *никто туда не пошел* <курсив мой. — И. С.>, и мы провели весь вечер в избе у окон, слушая, как играет духовой оркестр кавалергардов⁹.

То есть Наталья Николаевна с Екатериной Гончаровой и другие приехавшие дамы были внесены по указанию императрицы в список приглашенных, и этот список впоследствии, без всяких помет, был перенесен в журнальную запись.

Познакомившись с возможными особенностями записей в камер-фурьерском журнале, обратимся, наконец, к интересующим нас записям о 30 августа и 5 сентября 1836 года.

К 30 августа со дня смерти матери Пушкина, Надежды Осиповны, прошло пять месяцев, и Пушкин продолжал соблюдать траур. Во время траура посещать балы не полагалось. Про Наталью Николаевну определенно известно, что она с 28 августа несколько дней была «очень нездорова»¹⁰.

Тридцатого августа 1836 года, как записано в камер-фурьерском журнале, «к 8^{ми} часамъ вечера собрались въ Елагино-Островскій Дворецъ, въ круглое зало, приглашенная отъ Ея Величества по списку обоего пола Особы»¹¹. Среди приглашенных были и «Камеръ Юнкеръ Пушкинъ съ Супругою»¹².

Однако многие из приглашенных не приехали. В журнале рядом с именами отсутствующих — отметки, причем не в виде буквы «н», а полным словом (приписанным после оформления записи, судя по почерку и чернилам). Так, фрейлина Шернваль «не была», фрейлины Калиновская и Толстая «не были», «Дама Гра<фи>ня Бобринская 1^а и 2^а не были», генерал-майор Мейендорф «не былъ». Был приглашен «Флиг: Адьют: Кн: Бѣлосельскій съ Супругою»; под словом «супругою» помечено «не была». Офицеры Кавалергардского полка Бенкендорф и Бетанкур «не были»¹³.

Стоит такая помета и около записи о Пушкиных, под словом «Супругою». Как ее читать? Кто-то читает как «не была», относя ее только к слову «супруга», а кто-то — как «не было», относя ко всей записи о Пушкине с супругою.

Михаил Яшин пишет о 30 августа: «Нездоровье заставило Наталию Николаевну отказаться от приглашения императрицы в Елагиноостровский дворец. Пушкин же был во дворце. От приглашения императрицы, когда не было царя, он не отказывался»¹⁴. Яшин, без сомнения, прочитал помету в журнале как «не была», а надо отметить, что, судя по архивному листу использования, он смотрел эту запись многократно¹⁵.

Стелла Лазаревна Абрамович прочитала помету иначе: «30 августа. Воскресенье <...>Поэт был приглашен с женой в Елагин дворец, но Пушкин на вечер не приехал, по-видимому, сославшись на недомогание Натальи Николаевны (в камер-фурьерском журнале в списке присутствующих против фамилии Пушкиных стоит помета: „Не было“)»¹⁶.

С. Л. Абрамович смотрела этот камер-фурьерский журнал дважды¹⁷.

Н. А. Тархова со ссылкой на книгу С. Л. Абрамович отмечает в «Летописи жизни и творчества Александра Пушки-

на»: «Август, 30. Воскресенье. В день Святого Александра и день тезоименитства наследника цесаревича Александра Николаевича Пушкины были приглашены в Елагин дворец, но, по-видимому, из-за недомогания Натальи Николаевны не поехали (в камер-фурьерском журнале против фамилии Пушкиных стоит помета: „Не было“)¹⁸.

Заметим, что здесь же есть ссылка и на статью М. Яшина, но его мнение не воспроизведено и никак не прокомментировано.

Наконец, в книге «А. С. Пушкин: Документы к биографии: 1830–1837» интересующая нас помета прочитана как «не было», причем почему-то эта помета отнесена сразу к четырём записям¹⁹:

Камергер кн. Волконский 1-й и 2-й	}	не было
Криднер с супругою		
камер-юнкер Пушкин с супругою		
Австр. офицер кн. Гогенлоэ		

Это — явное недоразумение. Но важно то, что помета была прочитана как «не было», т. е., как и у С. Л. Абрамович, отнесена и к Наталье Николаевне, и к Пушкину.

Я же принимаю точку зрения М. Яшина, полагавшего что Пушкин 30 августа в Елагиноостровском дворце был, и попытаюсь это аргументировать, чего сам М. Яшин, к сожалению, не сделал.

Начну с формального замечания.

Напомню, что в камер-фурьерском журнале отметки об отсутствии стоят не только около упоминания о Пушкиных. Следует обратить внимание на то, что в записи журнала о вечере 30 августа во всех остальных местах, если отмечалось отсутствие двух человек, то писалось: «не были» (встречается 3 раза); если одного мужчины, то — «не былъ» (1 раз); если одной женщины, то «не была» (3 раза). Оборот «не

было» не использован ни разу. Поэтому непонятно, почему в отметке о Пушкиных был бы использован именно он.

С. Л. Абрамович пишет: «...против фамилии Пушкиных стоит помета: „Не было“», создавая у читателя вполне определенный зрительный образ записи. На самом деле, как и в случае с упомянутой пометой об отсутствии супруги флигель-адъютанта князя Белосельского, помета стоит не «против фамилии» Пушкиных или Белосельских, а (в обоих случаях) под словом «супругою». И в случае княгини Белосельской помета отчетливо читается как «не была».

С. Л. Абрамович и Н. А. Тархова предполагают, что Пушкин не был во дворце из-за «недомогания Натальи Николаевны» (или, во всяком случае, мог объяснить этим свое отсутствие). Такое предположение не кажется убедительным. Тот же князь Белосельский присутствовал на вечере, несмотря на отсутствие жены.

Казалось бы, более убедительной могла быть ссылка на то, что Пушкин мог не быть там, соблюдая траур по матери.

Этот аргумент рассмотрим более подробно. Как известно, позже, уже в Петербурге, императрица пригласит на бал в Аничков дворец 15 ноября одну Наталью Николаевну, и Жуковский объяснит в адресованной Пушкиной записке: «Императрица сама сказала мне, что не звала мужа вашего оттого, что он сам ей объявил, *что носит траур и отпускает всюду жену одну*; она прибавила, что начнет приглашать его, коль скоро он снимет траур»²⁰.

Если так обстояло дело в ноябре, то тем более это было справедливо в августе и сентябре, и, конечно, императрица в августе просто еще не знала, что Пушкин носит траур. А узнав, вероятно, что Пушкины живут рядом, на Каменном острове, пожелала украсить свои вечера присутствием Ната-

льи Николаевны. О Пушкиных ей могла сообщить, например, Наталья Кирилловна Загряжская, которая жила здесь же, на Каменном острове, и которую они навещали. А императрица приезжала к Загряжской в Натальин день 26 августа, чтобы поздравить ее с днем ангела²¹.

Но если Пушкин носит траур, не позволяющий посещать балы, то, казалось бы, ясно, что он не должен был быть в Елагиноостровском дворце ни 30 августа, ни 5 сентября. Действительно, именно поэтому я и считаю, что на бале 5 сентября Пушкин не был.

Но почему же тогда я считаю, что 30 августа Пушкин во дворце был?

Для этого разберем подробнее, что же происходило в Елагиноостровском дворце 30 августа. Это был день тезоименитства наследника Александра Николаевича, а кроме того, о чем обычно не вспоминают, это был день рождения средней дочери Николая I — Ольги. Ей в этот день исполнилось 14 лет.

Ни в оглавлении журнала, ни в самой записи об этом дне мы ни разу не встретим слова «бал».

Вспомним, как описывается начало бала 29 ноября:

45^м мин: 9^м часа Их Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ, Государынею Великою Княжною Марією Николаевною и Принцемъ Ольденбургскимъ изъ Внутреннихъ Апартаментовъ выходъ имѣли въ Собраніе въ Бѣлую Комнату гдѣ и начался Баль Французскимъ Кадрилемъ.

Теперь посмотрим на журнальную запись 30 августа:

40 минутъ 9^м часа Ея Величество съ Ихъ Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ, Великими Княжнами Ольгою и Александрю Николаевнами изволили изъ внутреннихъ своихъ Апартаментъ выдти въ круглое зало въ собраніе, гдѣ потомъ и начались разныя игры и танцы²².

Ни четырнадцатилетняя Ольга, ни тем более одиннадцатилетняя Александра ни на одном бале не присутствовали. Игры и танцы — другое дело. Танцы — это не обязательно бал, танцы могут быть и на обычном семейном вечере. Например, 17 сентября Пушкин с Натальей Николаевной и ее сестрами поедет в Царское Село отмечать именины Софьи Карамзиной, и там будут танцы, и Софья в письме к брату напишет, что «получился настоящий бал»²³, но это — просто сравнение. Бал — это мероприятие с особым статусом. Если отец Евгения Онегина «давал три бала ежегодно», то это не значит, что в остальные дни года в доме Онегиных на семейных вечерах никаких танцев не было.

И ужин 30 августа начался не в половине двенадцатого, как во время балов, а в половине одиннадцатого (дочери на нем, конечно, уже не присутствовали), и после ужина никакого продолжения не было:

По окончаніи ужина Ея Величество и Его Высочество возвратились въ Свои Апартаменты, а прочія обоего пола особы проѣзжали въ мѣста ихъ пребыванія²⁴.

Это был камерный, можно сказать семейный вечер, который императрица устроила для своих детей.

Какой предстоит вечер, наверняка, сообщалось приглашаемым, чтобы они подготавливались соответствующим образом, и на таком вечере Пушкин счел возможным присутствовать, так же, как будет присутствовать на именинах Софьи Карамзиной.

Но получив приглашение на бал 5 сентября (а это был настоящий торжественный бал по случаю храмового праздника подшефного императрице кавалергардского полка), Пушкин отпустил на него Наталью Николаевну, а сам, конечно, не поехал.

В записи камер-фурьерского журнала 5 сентября список гостей приведен без помет о чьем-либо отсутствии²⁵. Опираясь на то, что таких помет нет, С. Л. Абрамович²⁶, а за ней и Н. А. Тархова²⁷ сочли, что Пушкин был на бале вместе с Натальей Николаевной, и не обратили внимание на возникшее при этом противоречие с ноябрьскими словами императрицы.

М. Яшин использовал обтекаемую формулировку: «Вечером во дворце состоялись большой бал и ужин. Пушкин с женой были приглашены»²⁸. Воспользовались ли они этим приглашением, он не говорит.

Однако отсутствие в записи камер-фурьерского журнала каких-либо помет вовсе не означает, что абсолютно все приглашенные гости присутствовали на бале. Просто по какой-то причине камер-фурьер не отметил отсутствующих, как и в записи о бале 31 июля. Например, среди гостей 5 сентября значится фрейлина Шернваль (Александра Карловна Шернваль, младшая сестра знаменитой красавицы Авроры Карловны Шернваль), про которую в записи 30 августа, как мы видели, уже было отмечено «не была». Не могла она присутствовать и на бале 5 сентября, так как, согласно записи в тетради о пошлинном сборе с подорожных в канцелярии московского генерал-губернатора, 9 сентября она только еще будет получать подорожную для проезда из Москвы в Петербург вместе с другой своей сестрой — графиней Эмилией Карловной Мусиной-Пушкиной²⁹.

Вероятно, после этого бала, на котором Пушкин отсутствовал, он и вынужден будет объяснять императрице причину своего отсутствия, о которой та вспомнит 15 ноября. Когда именно могло произойти это объяснение, сказать сейчас трудно, но возможности для этого были, начиная даже со следующего после бала дня.

Шестого сентября «въ часъ пополудни Ея Величество съ Государемъ Наслѣдникомъ, Великими Княжнами Марією, Ольгою и Александрю Николаевнами выѣздъ имѣла въ фамильной Коляскѣ во Дворецъ на Каменномъ острову, а по посещеніи тамъ Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны, изволила проѣзжать прогуливаться по Каменному и Елагину Островамъ и потомъ возвратится <sic!> обратно въ Елагино-Островский Дворецъ 5 Минуть 4го Часа»³⁰. Во время этой прогулки по Каменному острову не исключена, например, и встреча с Пушкиным.

А если уже к 30 августа приглашаемые на торжества 5 сентября гости были оповещены о предстоящем бале (а, скорее всего, так и было), то Пушкин на вечере 30 августа мог сказать императрице о своем вынужденном отказе от бала и о том, что Наталья Николаевна приедет одна. Имя же его могло остаться в списке приглашенных, так как приглашения были уже сделаны, и оттуда перекочевать в журнальную запись.

Итак, по моему мнению, Пушкин присутствовал в Елагиноостровском дворце на камерном вечере 30 августа, но отсутствовал на бале 5 сентября 1836 года.

Примечания

- ¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1, сдаточная оп. 120/2322. Д. 120. Л. 31 об.
- ² Там же. Л. 50 об.
- ³ Там же. Д. 123. Л. 84 об.—85.
- ⁴ Там же. Л. 85 об.—86.
- ⁵ Там же. Л. 93.
- ⁶ См.: Там же. Д. 121. Л. 15, 17 об.
- ⁷ Там же. Д. 123. Л. 91.
- ⁸ Там же. Д. 119. Л. 159 об., 161 об.
- ⁹ *Ободовская И. М., Дементьев М. А.* Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1975. С. 314.
- ¹⁰ См.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 97.

Два приглашения в Елагиноостровский дворец

- 11 РГИА. Ф. 516. Оп. 1, сдаточная оп. 120/2322. Д. 120. Л. 72.
- 12 Там же. Л. 74.
- 13 Там же. Л. 73–74.
- 14 *Яшин М.* Дача на Каменном острове // Нева. 1965. № 2. С. 203.
- 15 Камер-фурьерский журнал за август 1836 г. выдавался М. Яшину 6.06.1956, 8.06.1959, 11.02.1960, 9.02.1961, 17.01 и 7.02.1962, 21.09 и 27.11.1964, 6.01, 2.02, 3.05 и 28.06.1965 (РГИА. Ф. 516. Оп. 1, сдаточная оп. 120/2322. Д. 120, лист использования).
- 16 *Абрамович С. Л.* Пушкин. Последний год: Хроника: Январь 1836 — январь 1837. М., 1991. С. 329.
- 17 Камер-фурьерский журнал за август 1836 г. выдавался С. Л. Абрамович 8.09.1986 и 27.06.1988 (РГИА. Ф. 516. Оп. 1, сдаточная оп. 120/2322. Д. 120, лист использования).
- 18 Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1999. Т. IV: (1833–1837). С. 493.
- 19 А. С. Пушкин: Документы к биографии: 1830–1837. СПб., 2010. С. 704.
- 20 *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году (Предыстория последней дуэли). Л., 1989. С. 144–145.
- 21 РГИА. Ф. 516. Оп. 1, сдаточная оп. 120/2322. Д. 120. Л. 54 об.
- 22 Там же. Л. 72.
- 23 См.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 109.
- 24 РГИА. Ф. 516. Оп. 1, сдаточная оп. 120/2322. Д. 120. Л. 74 об.
- 25 Там же. Д. 121. Л. 16–17 об.
- 26 *Абрамович С. Л.* Пушкин. Последний год. С. 337.
- 27 Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. IV. С. 496.
- 28 *Яшин М.* Дача на Каменном острове. С. 201.
- 29 ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 9. Ед. хр. 996. Л. 211 об.
- 30 РГИА. Ф. 516. Оп. 1, сдаточная оп. 120/2322. Д. 121. Л. 18 об.–19.

«Что ж из того, что он камер-юнкер...»
(отклик Гоголя на присвоение Пушкину
придворного звания)

Гоголевские герои — в большинстве своем законопослушные носители определенного чина. Чин героя во многом есть уже его характеристика. «Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин)»¹, то по меркам петербургской иерархии достигли герои Гоголя немного. Это «вечные титулярные советники» Поприщин и Башмачкин, один из которых почитает за честь очинять директорские перья, а другой всю жизнь переписывает чужие тексты.

Как будто преуспевающие и довольные собой Пирогов из «Невского проспекта» и Платон Ковалёв из «Носа» тоже недалеко ушли от этой мелкоты: Пирогов, всего лишь поручик (военный чин XII класса), «был очень доволен своим чином, хотя и говорил: „Что из того, что я поручик“» (3, 141). Платон Ковалёв имеет чин VIII класса — коллежского асессора, которому в табели о рангах соответствовал чин майора; «он никогда не называл себя коллежским асессором, но всегда майором» (3, 53), потому что майорский чин давал потомственное дворянство, а чин коллежского асессора не

Галкина Татьяна Ивановна — заведующая Мемориальным Музеем-дачей А. С. Пушкина. Автор ряда научных статей, книг «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина в Царском Селе» (1998), «Отечество нам Царское Село» (совм. с Л. Б. Михайловой, С. В. Павловой, 2011). Сфера научных интересов: творчество Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого.

давал (очевидно, Платон Кузьмич Ковалёв не происходил из дворян). Такой же чин у судьи Ляпкина-Тяпкина из «Ревизора» и у Яичницы из «Женитьбы». Об этом чине мечтает мелкий чиновник, «елистратишка простой» Иван Хлестаков: «Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да думаю, зачем» (4, 48). А дальше идут надворные советники Подколесин и уездный почтмейстер Иван Кузьмич Шпекин. Начальник отделения в «Записках сумасшедшего» — в чине надворного советника, по поводу чего Поприцин кичливо вопрошает: «Велика важность надворный советник! <...> Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных, или из унтер-офицерских детей? Я дворянин» (3, 198). И самый значительный чин, VI класса, носил Чичиков, что давало ему право, не будучи помещиком, приобретать крестьян.

Собственно, чины героев Гоголя колеблются от нижнего XIV класса (Хлестаков) до VI (Чичиков), но выше VI класса, в военные или статские генералы, ни один из них не прыгнет.

И среди этой нерушимой иерархии чинов и званий, этого калейдоскопа асессоров, секретарей и советников чин оказывается важнее человека: по Невскому проспекту идут не столько люди, сколько чины и должности; Ковалёв, разговаривая в Казанском соборе с убежавшим от него Носом, невольно принимает тон, обычный для чиновника средней руки при разговоре с большим начальством, потому что Нос — статский советник, тремя классами он превзошел своего недавнего обладателя.

Только в двух произведениях Гоголя упомянуты придворные звания. Это «Невский проспект» из сборника «Арабески», где названы камергеры и «камер-юнкеры в блестящем костюме», которые на воображаемом Пискарёвым балу «сдвинулись позади него совершенною стеною», не давая ему

провалиться от стыда за свой запачканный красками сюртук. То есть роль камер-юнкера в тексте — роль штаффажа.

Во второй повести Гоголя «Записки сумасшедшего» звание (до 1804 г. — чин) камер-юнкера упомянуто не раз, и роль этого звания отнюдь не штаффажная. «Записки...» входят в состав «Арабесок». По выходе в свет «Арабесок» в январе 1835 года Гоголь послал Пушкину два экземпляра с просьбой один оставить у себя, а другой с замечаниями вернуть ему. Выполнил ли Пушкин эту просьбу, неизвестно. Возможно, обсуждение нового сборника состоялось при личном свидании писателей на квартире болеющего в то время Гоголя (см. письмо Н. В. Гоголя к А. С. Пушкину около 22 января 1835 г. — 10, 347).

В библиотеке Пушкина сохранился разрезанный экземпляр «Арабесок», в которых наивысшей похвалы поэт удостоил повесть «Невский проспект» «как самое полное из его произведений» (XII, 27). Что касается «Записок сумасшедшего», никаких письменных отзывов Пушкина на это произведение не сохранилось. Этот факт представляется несколько странным со стороны поэта, который не мог не увидеть, насколько близка Гоголю тема сумасшествия героя, заданная в «Медном всаднике», написанном совсем недавно, осенью 1833 года, незадолго до начала создания «Записок сумасшедшего».

Герой повести — титулярный советник, столоначальник (сам Гоголь занимал лишь должность помощника начальника стола в Департаменте уделов, год сидения в котором выработал в будущем писателе только одно — умение красиво писать) Аксентий Иванович Поприцин — не самый мелкий канцелярский служащий. Подобно героям Новалиса и Тика, на грани безумия он приобретает способность слышать человеческую речь в голосах животных и из переписки двух соба-

«Что ж из того, что он камер-юнкер...»

чек, Меджи и Фиделя, узнает, что хозяйка Меджи, дочка директора департамента Софи, в которую герой безнадежно влюблен, увлечена неким камер-юнкером с черными бакенбардами по фамилии Теплов. Этого камер-юнкера собачка сравнивает с собственным кавалером по кличке Трезор, который не только внешне, но и по интеллектуальному уровню оказывается в ее глазах гораздо выше камер-юнкера: «Куда ж, подумала я сама в себе: если сравнить камер-юнкера с Трезором! Небо! Какая разница! Во-первых, у камер-юнкера совершенно гладкое широкое лицо и вокруг бакенбарды <...>. Талию Трезора и сравнить нельзя с камер-юнкерскою. А глаза, приемы, хватки совершенно не те. О, какая разница! Я не знаю, что она нашла в своем камер-юнкере. Отчего она им так восхищается?..» (3, 204) Но все эти доводы не имеют значения, и «скоро будет свадьба; потому что папá хочет непременно видеть Софи или за генералом, или за камер-юнкером, или за военным полковником...» (3, 205).

Само это перечисление военных званий отсылает читателя к комедии Грибоедова. Гоголь прекрасно знал «Горе от ума» и неслучайно наделил одного из героев «Невского проспекта», поручика Пирогова, талантом декламировать из нее стихи. Военный полковник у Грибоедова — Скалозуб, мечтающий о генеральском чине; княгиня Тугоуховская, желая приобрести в лице Чацкого жениха для одной из шести своих дочерей, интересуется: «Он камер-юнкер?»² Узнав, что Чацкий не богат и не камер-юнкер, княгиня немедленно отказывается звать его к себе на вечер.

Поприщин отчетливо понимает, что дочка директора департамента, предмет его любви (кстати, носящая имя грибоедовской героини), обязательно достанется генералу или камер-юнкеру, все преимущество которого в глазах Поприщина определяется его рангом. Это открытие пробуждает

оскорбленное человеческое достоинство в первоначально малопривлекательном герое, с его набором стандартных черт среднего чиновника: кругозором, ограниченным чтением «Пчелки»³, предрассудками («правильно писать может только дворянин» — 3, 195), подлыми рассуждениями о возможности брать взятки («Я не понимаю выгод служить в департаменте. Никаких совершенно ресурсов» — 3, 193), пошлыми вкусами, заставляющими его приписывать Пушкину авторство бездарного куплета («очень хорошие стишки <...>. Должно быть, Пушкина сочинение» — 3, 197), завистливыми рассуждениями в адрес ненавистного надворного советника, начальника отделения («Погоди, приятель! будем и мы полковником, а, может быть, если бог даст, то чем-нибудь и побольше. Заведем и мы себе репутацию еще и лучше твоей. Что ж ты себе забрал в голову, что кроме тебя уже нет вовсе порядочного человека» — 3, 198). Замечательно здесь значение, которое Аксентий Иванович вкладывает в определение «порядочный человек» — для него это обладатель чина, должности; это тот, кто имеет чин, должность; аналогичное значение имеет для него и слово «репутация».

Именно пробудившееся человеческое достоинство заставляет Поприщина произнести одну из ключевых фраз в повести: «Все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам, или генералам. Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал» (3, 205). Эта тирада Поприщина, как и сравнение камер-юнкера с псом, были исключены цензурой. «Вышла вчера довольно неприятная зацепка по цензуре по поводу „Записок сумасшедшего“» (10, 346), — писал Гоголь Пушкину на рубеже 1834–1835 годов.

На камер-юнкере буквально помешалась мысль Поприщина. Снова и снова Гоголь возвращает героя к этой теме:

«Что ж из того, что он камер-юнкер...»

«Что ж из того, что он камер-юнкер. Ведь это больше ничего кроме достоинство; не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять в руки. Ведь через то, что камер-юнкер, не прибавится третий глаз на лбу. Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как и у меня, как и у всякого; ведь он им нюхает, а не ест, чихает, а не кашляет» (3, 205–206).

В августе 1834 года повесть называлась «Записки сумасшедшего музыканта». К ноябрю 1834 года, когда она была закончена, место бедного музыканта занял мелкий чиновник. Цензурное разрешение на издание «Арабесок» было дано 10 ноября.

Для Гоголя 1833–1834 годы — наиболее плодотворные в творческом плане. «Я тружусь как лошадь...» (10, 339), — писал он М. А. Максимовичу 23 августа 1834 года. Это также время наиболее тесного общения Пушкина и Гоголя. Недаром осведомленный в литературных делах Е. А. Баратынский 7 февраля 1833 года пишет П. А. Вяземскому: «Вероятно, у вас бывает Гоголь, автор „Вечеров на Диканьке“, и наверное он часто видится с Пушкиным»⁴. Действительно, в эти годы Гоголь нередко бывает у Пушкина (Пушкин у Гоголя — реже), читает ему свои повести и пьесы, интересуется литературными делами Пушкина. Имя поэта постоянно встречается в гоголевских письмах этих лет. Гоголю известно, что Пушкин говорил с императором о возможности привлечения Погодина к совместной работе над «Историей Петра», что к маю 1833 года написана черновая редакция «Истории Пугачева»: «Это будет единственное у нас в этом роде сочинение <...>. Совершенный роман!» (10, 269) Гоголь в курсе, что, путешествуя, Пушкин написал «две большие пьесы», имея в виду «Медный всадник» и «Анджело». И новый социальный статус Пушкина, конечно, не ускользнул от пристального внимания Гоголя, писателя совершен-

но другой творческой индивидуальности, столь непохожей на Пушкина, — писателя, у которого к этому времени уже созрело и однажды уже прорвалось наружу критическое отношение к Пушкину.

Это было, разумеется, не отношение к самому поэту-творцу, авторитет которого для Гоголя всегда оставался неизменен, но к его светскому образу жизни, которому писатель невольно противопоставлял свое уединение свободного художника. Обычно чрезвычайно сдержанный в своих высказываниях о Пушкине, Гоголь в письме другу детства и юности А. С. Данилевскому, принимая дидактический тон и, возможно, желая похвастаться своей близостью к Пушкину перед скромным приятелем, пишет 8 февраля 1833 года: «Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирует всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и более необходимость не затащут его в деревню» (10, 259).

Вряд ли Гоголь пишет об образе жизни Пушкина по личным впечатлениям: он не был вхож в те дома, где Пушкин «транжирил» свою жизнь. Скорее всего, что-то похожее он услышал от кого-то из общих знакомых, от того же П. А. Плетнева, несколькими годами ранее активно содействовавшего не только служебной карьере Гоголя, но и его сближению с литературной средой и ставшего посредником в личном знакомстве Гоголя с Пушкиным. Плетнев, литературные «среды» которого Гоголь аккуратно посещал, пишет 17 февраля 1833 года В. А. Жуковскому: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной»⁵. Сам Гоголь никогда не бывал на балах; в силу особенности психологического склада писателя даже представить невозможно на

бале. Восемнадцатилетний Гоголь, оказавшись однажды даже не на бале, а на небольшой домашней вечеринке в провинциальном обществе, по воспоминанию украинского писателя А. П. Стороженко, был очень «неразвязан, неловок, краснел и конфузился»⁶.

Свое ироничное отношение к балам Гоголь высказал в «Записках сумасшедшего» в письме комнатной собачонки, простодушно недоумевающей по поводу своей хозяйки: «Я никак не понимаю, та chère, удовольствия ехать на бал. Софи приезжает с балу домой в 6 часов утра, и я всегда почти угадываю по ее бледному и тощему виду, что ей, бедняжке, не давали там есть. Я, признаюсь, никогда бы не могла так жить» (3, 203).

Можно не сомневаться, что похожее ироничное отношение вызывало у Гоголя звание камер-юнкера — звание, как правило, пожалованное императором, обеспечивавшее дворянину быстрое восхождение по служебной лестнице. Присвоение этого звания Пушкину в самом конце 1833 года не смогло пройти мимо его ехидного собрата по литературному цеху, бывшего писца в третьестепенном департаменте. Так что фигура камер-юнкера в «Записках сумасшедшего», скорее всего, писалась не без оглядки на Пушкина. Слишком часто даже само это слово повторяется в повести: 14 раз на небольшом отрезке текста — это слишком много, чтобы его можно было отнести только к какому-то заштатному герою, ухажеру директорской дочки.

Кстати, черновой вариант повести Гоголя под заглавием «Записки сумасшедшего музыканта», хранящийся в рукописном отделе РГБ, начат на листе, увенчанном заглавием «О Пушкине» — сокровенном заглавии написанной ранее статьи «Несколько слов о Пушкине», также вошедшей в состав «Арабесок». Это случайно или неслучайно написан-

ное заглавие Гоголь не зачеркнул и не изменил; само возникновение его в начале гоголевской повести поразительно. И не скрытый ли укор Пушкину слышится в несчастном вопле безумного Поприщина, вопле, уже сто восемьдесят лет раздающемся в русской литературе: «Все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам, или генералам» (3, 205).

Примечания

- ¹ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 3. Б. м.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 141. — Далее при ссылках на это издание в тексте указываются том и страница.
- ² *Грибоедов А. С.* Горе от ума // Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: в 3 т. СПб., 1913. Т. 2. С. 62.
- ³ Имеется в виду «Северная пчела» — русская политическая и литературная газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1825—1864 гг. Основана Фаддеем Булгариным.
- ⁴ Литературное наследство. М., 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. С. 545.
- ⁵ *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка: в 3 т. СПб., 1885. Т. 3. С. 524.
- ⁶ *Стороженко А. П.* Воспоминания // Гоголь в Нежинской гимназии высших наук. СПб., 2014. С. 186.

Г. М. Седова

«Молю Феба и Казанскую Богоматерь...»

(молитва и икона в семейной жизни
А. С. Пушкина и в музейной экспозиции)

«Тихо теплилась лампада перед стеклянным кивотом, в коем блистали золотые и серебряные оклады наследственных икон» (VIII, 29). Так начиналось описание светелки боярской дочери Наташи — невесты царского арапа Ганнибала в неоконченной повести Пушкина «Арап Петра Великого». В поэме «Бахчисарайский фонтан» «лампады свет уединенный» «пред ликом девы пресвятой» (IV, 164, 162) напоминал пленнице ханского гарема о далекой родине и об утраченном доме. Светом золотой лампады озарен «кивот» со «старинными образами» в спальне старой графини из повести «Пиковая дама» (VIII, 89), а в повести «Гробовщик» главный герой начинает свое домашнее обустройство с красного угла: «Вскоре порядок установился; кивот с образами, шкап с посудой, стол, диван и кровать заняли им определенные углы в задней комнате» (VIII, 239).

Седова Галина Михайловна — доктор филологических наук, заведующая Мемориальным музеем-квартирой А. С. Пушкина на Мойке, 12. Автор более 70 научных работ, в том числе трех монографий о А. С. Пушкине и его эпохе. Публиковалась в журналах «Русский язык за рубежом», «Нева», в научных сборниках «Временник Пушкинской комиссии», «Пушкин. Исследования и материалы», альманахе «Лед и пламень». Сфера научных интересов: биография и творчество А. С. Пушкина; история русской культуры и общественной мысли XIX в.; история музея в доме на Мойке, 12.

Старинные образа, киоты, лампы — неперенные спутники жизни многих литературных персонажей Пушкина. На страницах его произведений герои свершают молитвы накануне и после кровавой битвы («Руслан и Людмила»: IV, 42, 81, 82; «Кавказский пленник» — IV, 101); «Братья разбойники» — IV, 151), в дни рождения императора («Путешествие в Арзрум» — VIII, 474), творят погребальные молебны («Русалка» — VII, 207; «Борис Годунов» — VI, 71; «Дубровский» — VIII, 178; «Пир во время чумы» — VII, 176). В драме «Каменный гость» Дона Анна ежедневно приходит к могиле мужа, чтобы «за упокой души его молиться и плакать» (VII, 142). Любимая Пушкиным героиня — Татьяна Ларина — «молитвой улаждала /Госку волнуемой души» (V, 67). Даже коварный карла-чародей из поэмы «Руслан и Людмила» помнил о спасительной силе молитвы: плененный Русланом, он «чернокнижным языком /Усердно демонам молился» (IV, 68).

В повести «Станционный смотритель» чудотворная икона дарует помощь смиренному смотрителю Самсону Вырину, во всем покорному судьбе («от беды не отбожишься» — VIII, 100). Вечером того дня, когда лакей Минского грубо вытолкал старика на улицу, тот отслужил молебен в церкви Всех Скорбящих (а церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» находилась на Шпалерной улице) и, выйдя из храма на Литейный проспект, тотчас встретил щегольские дрожки Минского, которые и привели его к дому, где жила его беглянка-дочь.

Молитвы органично входят в тексты исторических сочинений Пушкина: «Истории Пугачевского бунта», подготовительных материалов к «Истории Петра Первого» и, разумеется, присутствуют в драме «Борис Годунов», написанной в Михайловском — наследственном гнезде, где иконы издавна занимали свои законные места.

Многочисленные обращения Пушкина в поэтических и прозаических произведениях, в личной переписке к молитвенным текстам и церковной гимнографии, цитирование им евангельских текстов давно обсуждается в пушкиноведении¹. Однако вопрос о том, какие иконы могли находиться рядом с поэтом в течение его жизни, по-прежнему остается не проясненным. Его решение важно не только в связи с изучением личности поэта и художника, но также в связи с построением музейных экспозиций.

* * *

Иконы Пушкин видел в родительском доме (правда, обращаясь к годам своего детства, поэт никогда не рисовал образ молящихся родителей, но вспоминал о молитвах бабушки — хранительницы домашнего очага), в Лицее, а после — на службе, при вступлении на которую каждый дворянин присягал перед святым образом, а затем был обязан хотя бы раз в год говеть, исповедоваться и участвовать в воскресных и праздничных литургиях.

Известно, что торжественная церемония открытия Царскосельского Лицея 19 октября 1811 года началась с молебна в придворной церкви. Воспитанники слушали его, находясь на хорах дворцовой церкви, а затем отправились в здание Лицея, которое духовенство окропило святой водой². В течение шести последующих лет Пушкин и его однокашники изучали закон Божий, говели³, причащались, не учились в дни церковных праздников и в так называемые табельные дни, когда вместо занятий они отправлялись в церковь для участия в Литургии и во Всенощном бдении, т. е. присутствовали при чтении Евангелия и совершении Евхаристии. В 1812 году, видя идущие на войну войска, лицей-

сты «напутствовали воинов сердечною молитвой»⁴. Утреннюю и вечернюю молитвы молодые люди читали по очереди вслух в Большом зале Лицея⁵.

Примечательно, что в те же 1810-е годы кадеты Морского кадетского корпуса собирались у себя в ротной зале перед завтраком и после ужина, чтобы также по очереди читать вслух молитвы перед иконой Казанской Божией Матери. Один из кадет рассказывал, что образ Богоматери в серебряной ризе находился в ротной зале постоянно, и перед ним всегда теплилась лампада⁶. Не исключено, что такому же обряду следовали и в Царскосельском Лицее. Помимо этого, в 1811 году перед самым началом лицейских занятий для каждого воспитанника были закуплены иконы, помещенные в их личные комнаты⁷.

Как известно, живя в Коломне после окончания Лицея, Пушкин бывал в Покровской церкви, о чем от лица лирического героя упомянул в поэме «Домик в Коломне»:

...Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье (V, 88).

В Кишиневе, где он состоял в должности чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе Бессарабской области, Пушкин также не мог не посещать церковные службы. За этим бдительно следил его новый начальник — добрейший генерал И. Н. Инзов. Известно, сколь эпатирующим было ответное поведение молодого поэта, считавшего, что он не заслужил участи поднадзорного, и поэтому «отвергающего правила веры и общественного порядка»⁸, дразнившего местное общество непризнанием авторитета местного

церковного клира. Показное ерничанье во время и по поводу церковных служб, едкие эпиграммы в адрес тогдашних малообразованных представителей кишиневского духовенства снискали ему славу опаснейшего смутьяна, а он тем временем читал Евангелие, о котором по прошествии полутора десятков лет напишет: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению, и погружаемся духом в ее божественное красноречие» (XII, 99).

В марте 1821 года, мечтая о скорейшем возвращении в столицу, Пушкин писал из Кишинева Н. И. Гнедичу: «Не скоро увижу я вас; здешние обстоятельства пахнут долгой, долгой разлукой! *Молю Феба и Казанскую Богоматерь* (курсив наш. — Г. С.), чтоб возвратился я к вам с молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой...» (XIII, 28). Совершенно в духе тогдашнего шутивно-ироничного восприятия жизни Пушкин сообщает приятелю, что ожидает снисхождения от покровителя искусств Феба (Аполлона), однако не забывает и о молитве Казанской Богоматери — более надежной с точки зрения христианина. Находилась ли эта икона рядом с Пушкиным (он мог привезти ее с собой или видеть в комнатах генерала Инзова, у которого тогда жил), прибегнул ли он к ней мысленно, несомненно одно: поэту и его адресату была знакома многовековая история образа, к кото-

рому принято было обращаться с молитвой при встрече с большой бедой.

Переписка родителей поэта с детьми (в наибольшем объеме сохранились их письма к дочери Ольге) свидетельствует о том, что при всей экзальтированности этого семейства и внешней приверженности к вольтерьянству и вольномыслию, в домашней жизни, как и большинство людей их круга, они неизменно следовали православным обрядам, в особенности в зрелом возрасте, когда идеи скептической философии уже не так сильно их волновали. Показательна в этой связи реакция отца поэта на получение в 1824 году известия об опале старшего сына. Он пришел в неопикуемый ужас, осознав, что Александр сослан на жительство в Михайловское в связи с интересом к «урокам чистого афеизма». Испугавшись, что подобные «уроки» могут также заинтересовать дочь и младшего сына, он срочно отправил их в Петербург.

По сохранившимся письмам старших Пушкиных можно представить картину их ежедневной жизни в начале 1830-х годов — с непременно посещением воскресных и праздничных богослужений⁹. Если по нездоровью Надежда Осиповна оставалась дома, то Сергей Львович ходил к обедне сам. Так было в день его рождения 23 мая 1834 года и в день рождения их старшего сына Александра 26 мая¹⁰. В апреле того же года родители рассказывали Ольге, что на Страстной неделе говели, радовались тому, что письмо от дочери застало их «в самый день причастия и как раз в момент возвращения из церкви»: «Ты первая нас поздравила...»¹¹. Накануне, посылая ей письмо, они рассчитывали, что оно подоспеет ко дню Пасхи¹². Н. О. Пушкина сообщала дочери имена общих знакомых, которых они застали на Пасхальном богослужении в Конюшенной церкви, о том, что в день Светлого Воскресенья обедали «всею семьей: мы двое и твои два брата»¹³, т. е. Александр

и Лев Сергеевичи. Возвратившись от обедни в день рождения дочери 20 декабря 1832 года, Надежда Осиповна заметила: «Мне нет нужды говорить тебе, какие молитвы я за тебя возносила, ты знаешь, что я желаю твоего счастья»¹⁴.

Когда старшие Пушкины жили в Михайловском, они часто бывали в Святых горах, ездили туда к обедне, по праздникам и просто на прогулки¹⁵. В сентябре 1834 года Надежда Осиповна писала из Михайловского, что трудится над каким-то рукодельем (вышивкой) для монастыря, но оно остановилось из-за нехватки шерстяных ниток¹⁶. Переживая в связи с намерением младшего сына перейти на гражданскую службу, Сергей Львович признавался дочери: «Что мне делать, как затаить эту скорбь в своем сердце и не сказать Господу: Да свершится Твоя воля»¹⁷. Утешая дочь, когда той не удалось исполнить задуманное, Надежда Осиповна успокаивала ее: «Господь все устраивает к лучшему, не огорчайся, что тебе не удались твои проекты»¹⁸.

Начиная с середины 1829 года почти в каждом из писем С. Л. и Н. О. Пушкиных, обращенных к дочери, можно отыскать теплые слова родительского участия и благословения: «да защитит (*в других случаях*: хранит, сохранит, благословит) тебя Небо (*в других случаях* Бог)»¹⁹, «надейся на милость Божию, и Господь возвратит тебе здоровье»²⁰, «да будет благословенье Неба всегда с тобой»²¹; «во имя Неба не отчаивайся, наберись терпения»²²; «прощай, старайся быть спокойной и не ропщи, Господь Бог все устроит к лучшему, милосердие Его бесконечно»²³; «Небо справедливо, все устроится, только старайся быть спокойной»²⁴; «да хранит тебя Бог! Положись целиком на Его бесконечную благодать, и молитвы за тебя, с коими я ежедневно к Нему обращаюсь, будут услышаны»²⁵; «почти не имею о чем тебе рассказать, разве только о своей привязанности к тебе, о своей любви,

о молитвах о твоём счастье, кои не перестаю возносить»²⁶; «надеюсь и молю Предвечного, чтобы в момент, когда получишь это <письмо>, ты была бы совершенно здорова»²⁷; «вся моя надежда на Божье Милосердие»²⁸; «благословляю тебя, моля Господа Бога, чтобы Он даровал тебе здоровье и спокойствие души и сердца»; «да благословит и сохранит тебя Господь»²⁹; «вверяю тебя Его благодати»³⁰, «Господь добр. Он убережет тебя»³¹; «да будут услышаны Предвечным мои молитвы о твоём счастье»³²; «где бы ты ни был<а>, мой добрый друг, мои молитвы, как и мои благословения, повсюду тебя будут сопровождать»³³.

Характерно, что все эти слова и признания стали встречаться в письмах родителей после того, как они узнали о беременности Ольги, а затем получили известие о рождении у нее сына. С этого времени православная традиция все отчетливее проявляется в их переписке, олицетворяя крепость семейных отношений.

По всей видимости, в схожем положении оказался и Пушкин, когда, женившись, он входил в новую роль — отца и главы семейства. В его письмах к жене, написанных начиная со времени появления на свет их первой дочери Марии и других детей, встречаем те же сердечные слова благословения (хотя и не в каждом письме, как у его родителей): «Христос с тобою и с Машею» (XV, 32); «Цалую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангел. Христос с Вами» (XV, 34); чаще — короче: «Христос с вами», «Христос с тобою» (XV, 35, 146, 155, 178, 185; XVI, 115), «Христос вас храни» (XV, 193), «Христос с Вами, дети мои» (XV, 84); «Христос воскрес, Христос с Вами» (XV, 130). Мог написать так: «Машку, Сашку рыжего и тебя цалую и крещу. Господь с Вами» (XV, 88). Любил повторять в конце писем: «благословляю» (XV, 113, 129, 132, 135, 137, 168, 170, 192; XVI,

116), по-разному варьируя словосочетания с этим словом: «...благословляю тебя, Машку и Сашку» (XV, 72, 76); «...благословляю детей от сердца» (XV, 80); «Благословляю вас от сердца...» (XVI, 49); «...благословляю вас от души» (XV, 167); «...детей за меня благослови» (XV, 159, 180); «Обнимаю тебя крепко — детей благословляю — тебя также» (XV, 181); «Благословляю всех Вас, детушки...» (XV, 150); «...благословляю ребят» (XV, 52); «Господь вас благослови» (XV, 180); «Цалую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; цалую Машку и так далее, до семи раз» (XV, 94). В письмах к жене встречаются и такие выражения: «Скажи тетке, что хоть я и ревную ее к тебе, но прошу Христом и Богом тебя не покидать и глядеть за тобою» (XV, 76), или: «Ахти, господи Сусе Христе! Машу цалую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христос с Вами. Благословляю и цалую Вас...» (XV, 89).

В переписке с женой находим не только прямые, но и косвенные указания на то, что в отношении к православным обрядам супруги Пушкины говорили друг с другом на общем, понятном им обоим, языке. Так, в апреле 1834 года, выражая беспокойство по поводу предстоящей встречи жены с ее вздорной матерью Н. И. Гончаровой, Пушкин писал: «Боюсь ужасно для тебя семейственных сцен. Помяни господи царя Давида и всю кротость его!» (XV, 134). Тем самым поэт напоминал жене об известной охранительной молитве, которую православные люди произносят при встрече с гневливым человеком: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, как Батюшка царь Давид был тих, кроток, терпелив и милостив, так чтоб все враги для рабы божьей (такой-то. — Г. С.) были тихи, смирны, терпеливы и милостивы».

Для Пушкина, как и для его родных, новомодное отрицание обрядовой стороны религиозной жизни заканчивалось

там, где начиналась их семья и вступали в силу обстоятельства повседневного бытия, связанные, в первую очередь, с благополучием и здоровьем близких. Данное противоречие коренилось в особенностях религиозного сознания первой трети XIX века, воспринимавшего Церковь и светскую власть как единое целое и механически переносившего на официальную Церковь всякое недоверие к действиям властей, любое негативное к ним отношение³⁴.

В результате, ратуя за изменения в общественном устройстве, человек пушкинского времени автоматически постулировал свободу относительно исполнения церковных обрядов. Однако это вовсе не означало разрыва с верой: человек с подобным мировоззрением оставался верующим даже тогда, когда отказывался от усердного следования обрядовой стороне церковной жизни. Неслучайно около 1829 или 1830 года, когда в восприятии многих современных исследователей Пушкин все еще находился в стороне от искренней веры, среди черновиков «Странствия» Онегина он записал по-французски заинтересовавшую его мысль: «Не допускать существования Бога — значит быть еще глупее, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге»³⁵ (XII, 482).

* * *

Известно, что С. Л. Пушкин благословил на брак младшего сына Льва образом Троицы, который в настоящее время находится в ГМЗ «Михайловское». На обороте иконы имеется надпись: «1843 года Октября 14 дня. Дано благославение на брак сыну Льву Сергеевичу Пушкину съ дъвицей Елисаветой Александровной Загряжской, Сергеем Львовичем Пушкиным»³⁶. По поводу помолвки старшего сына с Н. Н. Гончаровой сохранилось восторженное письмо родителей поэта,

где начальные строки написаны рукой С. Л. Пушкина: «Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчерашний день, дорогой Александр, когда мы получили от тебя письмо. Оно преисполнило меня чувством радости и благодарности. Да, друг мой. Это самое подходящее выражение. Давно уже слезы, пролитые при его чтении, не приносили мне такой отрады. Да благословит Небо тебя и твою милую подругу жизни, которая составит твоё счастье <...>. Да благословит тебя Небо, каждодневно молюсь и буду молиться о том, чтобы оно даровало тебе счастье» (XIV, 79; 407). Ниже почти дословно повторила слова мужа Надежда Осиповна Пушкина: «Да благословит тебя Небо, мой добрый друг, да будут услышаны молитвы, которые я воссылаю к нему, моля о твоём счастье, сердце мое переполнено, я не могу выразить всего того, что чувствую. Мне хотелось бы заключить тебя в свои объятия, благословить, сказать тебе вслух, до какой степени жизнь моя связана с твоим благополучием» (там же).

В семье поэта должен был храниться образ, которым С. Л. и Н. О. Пушкины благословили Александра Сергеевича и его жену, но сведения о нем не сохранились.

К числу домашних святынь относились не только иконы, но также ладанки с частицами святых мощей. По свидетельству А. П. Араповой, дочери Н. Н. Пушкиной от второго брака, металлическая ладанка с частицей ризы Господней издавна принадлежала роду Пушкиных³⁷. Старшему сыну полагалось служить перед ней молебен в день праздника Положения ризы 10 июля по старому стилю³⁸. В XX веке ладанка оставалась у внучки поэта Н. С. Шепелевой, а в настоящее время перешла к священнослужителю, которому Наталья Сергеевна доверила ее перед кончиной.

В ГМЗ «Михайловское» хранится еще одна святыня из семьи Пушкиных. Это образ «Вознесение Христово», на об-

ратной стороне которого рукой Натальи Николаевны написано: «Благословила Надежда Пушкина / при смерти своей, внучку Марию Пушкину»³⁹. Перед кончиной мать поэта так же могла благословить и других членов семейства, но об этом ничего не известно.

Свои святыни имелись в доме Гончаровых. Это икона Спаса Нерукотворного Образа, принадлежавшая пращуру Загряжских гетману Дорошенко, а также ладанки, ковчеги со святыми мощами. Сохранились описи домашнего имущества Полотняного Завода 1830-х годов, где в каждой комнате перечислены иконы, чаще — Богоматери или Спасителя, а также святых угодников, святых покровителей членов семьи⁴⁰.

Привычки, сформированные в детстве, жена поэта должна была сохранять и выйдя замуж. Размещала ли она иконы в каждой комнате своего нового дома, мы не знаем. Но особое место для молитвы, хотя бы в углу спальни, у нее, конечно же, имелось. В Полотняном Заводе для этой цели была устроена киотная, где, судя по переписке 1834 года (Наталья Николаевна провела тогда в Заводе целое лето), она уединялась для моления. Зная о ее привычке молиться ежедневно, Пушкин спрашивал в письме от 14 июля: «Всякой ли ты день молишься, стоя в углу?» (XV, 181). Очевидно, жена ответила, что в родительском доме имеет возможность молиться в отдельном помещении, на что в другом письме, от 3 августа 1834 года, Пушкин заметил: «Побранив тебя, беру нежно тебя за уши и цалую — благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас» (XV, 184–185). В сентябре того же года Пушкин предостерегал жену в письме, адресованном в Петербург: «...Брюхата ли ты? если брюхата, прошу, мой друг,

быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колени перед Машей (ни даже на молитве)» (XV, 193). Какие именно образа находились тогда в доме, неизвестно. Однако с большой долей вероятности можно полагать, что некоторые из них можно обнаружить на рисунках, которые петербургские художники исполнили в последние дни января 1837 года, когда столица прощалась с покойным Пушкиным.

Как известно, тело поэта было положено в гроб только на другой день после его кончины — 30 января. До этого момента (начиная со второй половины дня 29 января) оно покоилось на столе, покрытом обычной домашней простыней. Эта картина зафиксирована на двух рисунках. Один из них исполнен 28-летним художником-любителем, поэтом и переводчиком А. Н. Струговщиковым, другой — 26-летним учеником Карла Брюллова и А. Г. Венецианова, будущим портретным живописцем А. Н. Мокрицким⁴¹. Остальные известные на сегодняшний день рисунки выполнены 30 или 31 января, когда тело поэта уже покоилось в гробу. Это рисунки профессора Академии художеств Ф. А. Бруни, его ученика — будущего офортиста А. А. Козлова и карандашный эскиз В. А. Жуковского.

Поскольку, согласно традиции, на грудь покойного возлагался образ, перед которым псаломщик или дьякон днем и ночью читал Псалтырь, логично ожидать, что этот образ должен быть изображен на всех рисунках художников, видевших Пушкина после кончины. Однако на первом, дошедшем до нас, наброске А. Н. Струговщикова, датированном 29 января, иконы нет. Возможно, художник торопился и не заметил или не успел ее изобразить. Но не исключено, что в тот момент, когда он находился в квартире Пушкина, икону еще не успели возложить на грудь покойного.

Похоже, что А. Н. Струговщиков оказался в доме в те минуты, когда тело поэта только что перенесли из кабинета

в переднюю и наспех накрыли домашней простыней за неимением погребального покрывала. Покров с изображением креста, образов святых и молитвенных надписей, как и шандалы со свечами, зафиксированы на рисунках всех остальных художников. Очевидно, их внесли в дом накануне самой первой панихиды по Пушкину, отслуженной 29 января в восемь часов вечера.

Логично предположить, что к этому времени на груди покойного появилась и икона, которую находим на рисунке художника А. Н. Мокрицкого. Исходя из современной практики, это мог быть образ Спасителя или Богоматери, но в пушкинское время допускались отклонения от этого правила, о чем будет сказано ниже.

На рисунке А. Н. Мокрицкого отчетливо видны отсутствующие у А. Н. Струговщикова свечи, стоящие в напольных шандалах, а также опечатанная двумя печатями дверь кабинета поэта, запертая со стороны передней⁴². Мокрицкий также наметил рисунок погребального покрывала и обозначил образ на груди покойного с контурами Спасителя или Святого с нимбом вокруг головы. Был ли это образ, приобретенный вместе с покрывом и шандалами в храме, или же его взяли из домашнего киота, неизвестно. В гроб могли положить икону, перед которой в ночь с 27 на 28 января Пушкин исповедался и приобщился Св. Тайн.

Тот же образ со схематичными очертаниями фигуры Спасителя (или Святого) присутствует на поздней, 1880 года, гравюре Л. А. Серякова, выполненной, судя по надписи на ней, «художником К. О. Брожем с рисунка художника Мокрицкого»⁴³. На гравюре видно, что с оборотной стороны икона имела скрученную веревочку, т. е. была изъята из домашнего киота, а не куплена в храме. Однако на рисунке Мокрицкого эта крохотная деталь (веревочка) отсутствует⁴⁴.

Возможно, при изготовлении гравюры ее авторы обращались к другому рисунку — профессора Ф. А. Бруни, о котором речь впереди.

Профессор Академии художеств Ф. А. Бруни и его ученик А. А. Козлов появились в квартире на Мойке 30 января, когда друзья уже переложили тело Пушкина в гроб. Козлов рассказывал, что пришел вместе с учителем, рассчитывая посмотреть на то, как он будет работать, но Бруни «почему-то не нашел удобным в ту же минуту заняться этим рисунком» и уехал⁴⁵. Оставшись, двадцатилетний Козлов исполнил небольшой эскиз, который завершил по возвращении к себе домой⁴⁶. В настоящее время эскиз хранится в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинский Дом), а в музее на Мойке, 12, представлена картина «Пушкин в гробу», написанная тем же художником позже на холсте по заказу князя П. А. Вяземского.

Как на эскизе, так и на картине Козлова икона отсутствует. Художник мог не зафиксировать ее, сосредоточившись на фигуре Пушкина. Но позже, когда он писал картину для Вяземского, он добавил отсутствующий на эскизе шандал со свечой. Однако икону по-прежнему показывать не стал. Не исключено, что в тот момент, когда он оказался в доме Пушкина — утром 30 января — тело поэта только что переложили в гроб, и с образом, предназначенным для положения на грудь покойного, произошла какая-то заминка...

Профессор Ф. А. Бруни появился в доме во второй половине того же дня. В крохотной передней он выбрал такое место для работы, откуда мог рисовать Пушкина, глядя поверх голов многочисленных посетителей. Один из этих посетителей (В. Н. Давыдов) вспоминал, что Ф. А. Бруни сидел на двух поставленных друг на друга сундуках⁴⁷. К этому времени на груди покойного уже лежал образ, который Ф. А. Бру-

ни показал на своем рисунке. Однако глаз художника разглядел на нем очертания не одного, как у А. Н. Мокрицкого, а трех святых, стоящих фронтально в ряд и изображенных не погрудно или в $\frac{3}{4}$, как у А. Н. Мокрицкого, а в полный рост. Над головами святых показан плат с благословляющим Спасителем — деталь, также отсутствующая на рисунке А. Н. Мокрицкого.

В том же 1837 году с рисунка Ф. А. Бруни была изготовлена литография «Пушкин в гробу». Она продавалась в Петербурге «во всех эстампных магазинах по 5 рублей», о чем сообщал Н. В. Кукольник в своей «Художественной газете». Хотя литография была опубликована без подписи автора, редактор газеты знал его имя. Кукольник отметил, что данное изображение не входит «собственно в разряд портретов обыкновенных»⁴⁸. «Пушкин, — читаем в газетной статье, — изображен во гробе под саваном, икона на груди, голова на подушках, смерть уже обозначила на лице разрушительную силу свою, на устах застыло страдание. — Превосходный рисунок и отличная чистота отделки дают сему произведению почетное место в числе наших литографий. Ф. А. Бруни рисовал с натуры на другой день смерти Пушкина и сам же переводил рисунок свой на камень»⁴⁹.

Тот факт, что Бруни сам переводил рисунок на камень и при этом не изменил изображение на иконе, позволяет думать, что у художника не было сомнений по этому поводу. Он считал, что видел на груди поэта не образ Спасителя, а икону с тремя святыми. На рисунке В. А. Жуковского, исполненном 30 или 31 января накануне выноса тела поэта в церковь, также показан образ, но изображение на доске, увы, не прописано.

Можно было бы предположить, что А. Н. Мокрицкий ошибся, когда рисовал икону с одним персонажем, но он

настолько подробно остановился на прочих деталях, что ошибка с иконой представляется маловероятной. Скорее следует допустить, что после переложения тела поэта в гроб по какой-то причине один образ был заменен на другой. Не исключено, что теперь это мог быть образ небесного покровителя и защитника умершего. Традиция такой возможности не исключала. Однако следует понимать, что образ преподобного Александра Куштского, который был небесным покровителем поэта, в составе устойчивой группы святых не изображается. Конечно, это мог быть личный молитвенный образ — икона с уникальным набором святых, один из которых — небесный покровитель. Но почему его сразу не возложили на грудь покойного? Да и сведениями о том, что у Пушкина была подобная икона, мы не располагаем.

С молитвой об умершем уместно было обратиться не только к небесному патрону, но и к святому, чья память приходится на день его кончины. Это также не противоречило традиции. 29 января (по ст. ст.) Православная церковь вспоминает святителя Игнатия Богоносца — ученика Иоанна Богослова, епископа Антиохийского. Его изображения в составе группы из трех святых хорошо известны: обычно рядом с ним помещают святителей Афанасия и Кирилла Александрийских, чья память отмечается во второй половине того же месяца (18 января по ст. ст.). Таким образом в гроб вполне могла быть положена иконка с изображением святого Игнатия, приобретенная в день смерти Пушкина в соседнем храме либо взятая из числа домашних икон (упомянутая выше скрученная веревочка как раз указывала на этот вариант⁵⁰). В память о дедушке Афанасии Николаевиче Гончарове жена Пушкина могла хранить такой образ, но трудно представить, чтобы она пожелала положить его рядом с по-

койным мужем, тем более, если учитывать те непростые отношения, которые связывали этих людей при жизни. Также маловероятно, что кто-либо в доме решился заменить иконой со св. Афанасием, Кириллом и Игнатием Богоносцем образ Спасителя.

Наиболее известная икона с тремя святыми, традиционно изображаемыми вместе, — образ Трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Их память Православная церковь празднует 30 января (по ст. ст.). Поскольку по церковной традиции новый день начинается после заката дня предыдущего, то день Трех Святителей начался как раз в день кончины Пушкина 29 января.

Как заметил Ф. А. Бюлер, посетивший квартиру поэта утром 31 января, образ, лежавший на груди покойного, был весьма стертый⁵¹, т. е. принадлежал к числу домашних реликвий. Он мог перейти в семью от старших Пушкиных или Гончаровых, его мог принести В. А. Жуковский, который 29 января отмечал день своего рождения. Василий Великий был небесным покровителем Жуковского и соименником покойного дяди поэта — Василия Львовича Пушкина. Григорий Богослов — соименник нескольких предков Пушкина, а также его младшего сына.

Каждый из Трех Святителей присутствовал в творческом сознании поэта на протяжении многих лет его жизни. Хотя подробный анализ данного вопроса не является темой настоящего исследования, необходимо напомнить, что он активно обсуждается в пушкиноведении. Так, отмечено цитирование Пушкиным Заамвонной молитвы Литургии Иоанна Златоуста («Твоя от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся») в надписи на книге, подаренной Е. Н. Ушаковой: «Всякое даяние благо — Всяк дар совершен свыше есть»⁵², обращено внимание на связь стихотворения «Пророк» с мо-

литвой Иоанна Златоуста ко святому причастию⁵³, а стихотворения «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...») — с поучениями Иоанна Златоуста «О исповедании грехов перед Богом» и «О покаянии». В текстах святителя содержится призыв к христианину каяться в грехах после каждого прожитого дня, пребывая в ночном одиноком бдении («душа обыкновенно ночью представляет то, о чем размышляет днем»), со слезами вспоминать каждое прегрешение. «Тогда Господь простит их. „Аз есмь, говорит Бог, заглаждаяй беззакония твоя и не помяну неправд твоих“ (Ис. 43:25)»⁵⁴. У Пушкина об этом же читаем:

<...> В то время для меня влчатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю (III, 102).

Существенные смысловые переключки обнаруживаются между стихотворным ответом Пушкина святителю Филарету («...Я лил потоки слез нежданных / И ранам совести моей / Твоих речей благоуханных / Отраден чистый был елей» — III, 212) и словами Григория Богослова о чувстве вины, которое превыше силы слез: «Горячие проливаю слезы; но не выплakan с ними грех. Хотя иссяк их поток; однако же новыми преступлениями приготавливаю в себе другой...»⁵⁵, также как и с поучениями Иоанна Златоуста из его третьей

«Беседы о покаянии»: «Из глубины сердца почерпай скорбь, тронь оба близнеца — глаза, пролей потоки слез, затопи слезами свои прегрешения. <...> Плачь же и ты о грехе своем, <...> изведи потоки слез из самой глубины души, чтобы Господь, умилосердившись, простил тебе прегрешение»⁵⁶.

В стихотворении, посвященном лицейской годовщине 19 октября 1827 года, содержится аллюзия на текст Литургии Василия Великого: «Помяни, Господи, иже в пустынях и горах, и вертепах, и пропастях земных (Евр. 11: 38). <...> Плавающим сплавай, путешествующим спешествуй <...>. На судище, и в рудах, и в заточениях, и в горьких работах, и всякой скорби, и нужде и обстоянии сущих помяни, Боже» (Иудифь (9:11))⁵⁷. Слова этой ходатайственной молитвы явно прочитываются в обращении к друзьям-лицеистам:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли! (III, 80)

Разумеется, Пушкин был человеком светским и далеко не всегда соблюдал церковные обряды, но это не мешало ему оставаться в поле православной культуры. Он никогда не вел борьбы с религией и не мыслил свою жизнь, воспитание детей без опоры на нравственный авторитет православной традиции. В этой связи поиск икон, которые могли находиться рядом с поэтом в его доме, их возвращение в жилой интерьер пушкинской квартиры — дань исторической правде.

Примечания

¹ См.: *Виноградов В. В.* Церковнославянская стихия в языке Пушкина. Приемы ее стилистического применения и ее литературной ассимиляции // *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.; Л., 1935. С. 111–194;

- Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20–30-х годов // *Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина*. М., 1976. С. 213–269;
- Старк В. П.* Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // *Пушкин. Исследования и материалы*. Л., 1982. Т. 10. С. 5–21;
- Пумпянский Л. В.* Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина // *Пушкин. Исследования и материалы*. Л., 1982. Т. 10. С. 204–215;
- Марьянов Б. М.* Крушение легенды. Против клерикальных фальсификаций творчества А. С. Пушкина. Л., 1985;
- Панченко А. М.* Пушкин и русское православие. Статья первая // *Русская литература*. 1990. № 2. С. 39–41;
- Лесский Г. А.* Религия и нравственность в творчестве позднего Пушкина. М., 1992;
- Давыдов С.* Пушкин и Христианство // *Записки русской академической группы в США / Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA*. 1992–1993. Vol. 25. P. 67–94;
- Колодяжная Л. И.* Мотив покаяния в религиозной лирике Пушкина // *Журнал Московской Патриархии*. 1994. № 6. С. 97–102;
- Лепехин В. В.* «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (опыт подстрочного комментария) // *Журнал Московской Патриархии*. 1994. № 6. С. 87–96;
- Сурат И. З.* 1) Пушкин как религиозная проблема // *Новый мир*. 1994. № 1. С. 207–223; 2) «Стоит, белеясь, Ветилуя...» // *Новый мир*. 1995. № 6. С. 200–208;
- Котельников В. А.* Творческое присутствие Православия в литературе XIX в. // *Пушкинская эпоха и христианская культура*. СПб., 1995. Вып. VIII. С. 52–79;
- Лузягина Л. Н.* Религиозный текст в поэтическом сознании Пушкина 1830-х годов (стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...») // *Религия и Церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: в 2 т.* Киров, 1996. Т. 2. С. 67–69;
- Позов А. С.* Метафизика Пушкина. М., 1998;
- Кибальник С. А.* Художественная философия Пушкина. СПб., 1999;
- Непомнящий В. С.* Введение в художественный мир Пушкина // *Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира*. М., 1999. Вып. VI. С. 21–54. (Сер. «Пушкин в XX веке»);
- Мальчукова Т. Г.* Лирика Пушкина 1820-х годов в отношении к церковнославянской традиции (к интерпретации стихотворений „Воспоминание“ и „Пророк“ в контексте христианской культуры) // *Проблемы исторической поэтики*. 1998. Вып. 2. С. 151–177;
- Раскольников Ф. А.* Пушкин и религия // *Вопросы литературы*. 2004. № 3. С. 81–112;
- Багратион-Мухоманели И. Л.* «Языком высшей истины...»: отношение к Евангелию в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина // *Евангельский текст русской литературы*. Петрозаводск, 2013. Вып. XII. С. 68–81;
- Кичатов Ф. З.* Христианские мотивы в творчестве Пушкина // *Балтийский филологический курьер*. 2005. № 5. С. 187–207.
- ² См.: *Пушкин И. И.* Записки о Пушкине // *Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т.* СПб., 1998. Т. 1. С. 64.
- ³ В 1816 г. (27 марта) за две недели до Пасхи Пушкин сообщал в письме князю Вяземскому о том, что «недавно говел и исповедывался» (XIII, 3).

- 4 *Пушкин И. И.* Записки о Пушкине. С. 70.
- 5 Там же. С. 68.
- 6 [*Зеленой А. И.*] Морской кадетский корпус в воспоминаниях адмирала А. И. Зеленого // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 97.
- 7 Сообщено автору заведующей Музеем-Лицеем Л. Б. Михайловой.
- 8 *Долгоруков П. И.* 35-й год моей жизни, или Два дни ведра на 363 ненастья (Кишинев 1822 года) // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 344.
- 9 *Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов.* Т. 1: Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой. 1828–1835. СПб., 1993. С. 96, 98, 141, 144.
- 10 Там же. С. 224, 226, 227.
- 11 Там же. С. 220
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 122.
- 15 Там же. С. 48, 52.
- 16 Там же. С. 243.
- 17 Там же. С. 237.
- 18 Там же. С. 220.
- 19 Там же. С. 66, 70, 84, 91, 93, 113, 118, 134, 137, 189, 236, 247 и др.
- 20 Там же. С. 66.
- 21 Там же. С. 58.
- 22 Там же. С. 67.
- 23 Там же. С. 85.
- 24 Там же. С. 87 (слова Н. О. Пушкиной).
- 25 Там же (слова С. Л. Пушкина).
- 26 Там же. С. 121–122.
- 27 Там же. С. 137.
- 28 Там же. С. 139.
- 29 Там же. С. 189.
- 30 Там же. С. 235.
- 31 Там же. С. 221.
- 32 Там же. С. 191.
- 33 Там же. С. 160.
- 34 Подобное отношение к Церкви сложилось в практике российской жизни в XVIII в., в первую очередь, как реакция на реформаторскую деятельность Петра Первого, провозгласившего императора главой Церкви и превратившего русскую Церковь в один из аппаратов государственной власти.
- 35 «Ne pas admettre l'existence de Dieu c'est être plus absurde que ces peuples qui pensent du moins que le monde est posé sur un rhinoceros» (XII, 195).
- 36 *Ступина Е. А.* Главные праздники православного календаря в семье Пушкиных // Пушкинский уголок. Музейно-информационное издание. 2014. № 2 (9). С. 10.

- 37 *Арапова А. П.* Наталья Николаевна Пушкина-Ланская: К семейной хронике жены А. С. Пушкина. К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. М., 1994. С. 56.
- 38 В день праздника Положения риз полагалась также служба Животворящему Кресту Господню, поскольку в 1625 г. положение Ризы в Успенском соборе совершилось 27 марта — в день, который тогда приходился на Крестопоклонную неделю. В 1836 г. накануне этого праздника было написано стихотворение Пушкина «Мирская власть» (датировано 5 июля), лирический герой которого сосредоточен на судьбе Распятия, находящегося в одном из петербургских храмов. Подробнее об этом см.: *Седова Г. М.* «Ему было за что умирать у Черной речки...». СПб., 2012. С. 372–377.
- 39 *Ступина Е. А.* Главные праздники православного календаря семьи Пушкиных. С. 10.
- 40 В описи названы иконы: Корсунская, Смоленская, Тихвинская, Троеручица, Толгская, Казанская, Ахтырская, Благовещения, Калужская, «Утоли моя печали», «Исцеление болезней», «Взыскание погибших», «Умягчение злых сердец», «Положение риз Богородицы» и др. (РГАДА. Ф. 1265 (Гончаровы). Оп. 2. Д. 452. Л. 5–7; Оп. 1. Д. 2574. Л. 11–12).
- 41 На обороте рисунка А. Н. Мокрицкого имеется поздняя надпись с ошибочной датировкой: «Снят с натуры академиком Аполлоном Николаевичем Мокрицким вечером 30 января 1837 г. и подарен им Петру Андреевичу Каратыгину». В действительности, вечером 30 января художник мог видеть тело поэта только в гробу, а не на столе, как это показано на рисунке. На то, что надпись была сделана много лет спустя после смерти Пушкина, указывает упомянутое в ней звание академика, которое А. Н. Мокрицкий получил только в 1849 г., и сообщение о том, что рисунок демонстрировался на выставке 1880 г. При публикации рисунка в журнале «Русская старина» в 1880 г. (Т. XVIII. С. 531) его редактор П. Е. Ефремов сообщил, что, выполнив рисунок, Мокрицкий пришел к Карлу Брюллову, в гостях у которого застал известного драматурга Петра Андреевича Каратыгина (брата Василия Каратыгина). Последнему и достался рисунок — в подарок.
- 42 Известно, что это были печати В. А. Жуковского и Л. В. Дубельта. См.: *Жуковский В. А.* Письмо к С. Л. Пушкину. 15 февраля [1837 г.] // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 615.
- 43 Русская старина. 1880. Т. XXVIII. С. 565. Ни художник-иллюстратор Карл Осипович Брож (1836–1901), ни замечательный русский гравер Л. А. Серяков (1824–1881) не могли присутствовать у гроба Пушкина: один из них в январе 1837 г. не достиг даже годовалого возраста; другому хотя и было 13 лет, но он жил вдали от Петербурга.
- 44 Прочие расхождения гравюры с рисунком Мокрицкого (отличия в узоре на погребальном покрывале, в рисунке дверного полотна и др.) не являются предметом данного исследования.

- 45 См.: *Асиаиш С. М., Яхонтов А. Н.* Описание Пушкинского музея Императорского Александровского Лицея. СПб., 1899. С. 23.
- 46 Рисунок поступил в музей Александровского Лицея после Пушкинской выставки 1880 г. от искусствоведа, собирателя, отца знаменитого художника Андрея Ивановича Сомова с письменным изложением рассказа Козлова об обстоятельствах его создания.
- 47 *Давыдов В. Н.* Квартира А. С. Пушкина в конце января 1837 г. // Русская старина. 1887. Т. 54. С. 162.
- 48 *Кукольник Н. В.* Письмо в Париж // Художественная газета. 1837. № 9–10. С. 162.
- 49 Там же.
- 50 Барон Ф. А. Бюлер, который побывал в те дни в доме поэта, вспоминал: «На руках у покойного положен был простой образ, без всякого оклада, и до того стертый, что никакого изображения на нем нельзя было в скорости разглядеть» (*Бюлер Ф. А.* Записка А. С. Пушкина к кавалерист-девице Н. А. Дуровой // Русский архив. 1872. С. 202).
- 51 Там же.
- 52 См.: *Юрьева И. Ю.* «Библию, библию!»: Священное Писание в творчестве Пушкина // Московский пушкинист: Ежегод. сб. М., 1997. Вып. IV. С. 125.
- 53 *Архангельский А. Н.* «Огнь бо есть...». Словесность и церковность: литературный сопромат // Новый мир. 1994. № 2. С. 237; *Кичатов Ф. З.* Христианские мотивы в творчестве Пушкина. С. 198–200.
- 54 См.: *Мальчукова Т. Г.* Лирика Пушкина 1820-х годов в отношении к церковнославянской традиции... С. 162–165.
- 55 Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 2. С. 38 (репр. изд.).
- 56 *Иоани Златоуст, свт.* О покаянии, и об Ироде и Иоанне Крестителе // Полн. собр. творений святителя Иоанна Златоуста: в 12 т. СПб. Духовная Академия, 1898–1906. М., 1991–2004. Т. 8. Ч. 2: Беседы на Евангелие от св. Иоанна. М., 2008. С. 328 (репр. изд.); См. также: *Мальчукова Т. Г.* Лирика Пушкина 1820-х годов в отношении к церковнославянской традиции... С. 162.
- 57 Впервые об этом: *Юрьева И. Ю.* «Библию, библию!»: Священное Писание в творчестве Пушкина. С. 119–143.

II

Две книги графа Хвостова из библиотеки Пушкина

Среди книг А. С. Пушкина есть две брошюры, каждая из которых содержит по одному стихотворению графа Дмитрия Ивановича Хвостова. Обе они были изданы в Санкт-Петербурге в 1832 году, обе пережили все приключения пушкинской библиотеки и теперь хранятся в Пушкинском Доме. Одна из них — «Послание Марье Петровне Охлестышевой. Отправлено в Крестцы с Кубры 1825 г. Августа 20-го дня», другая — «Прощание поэта с землею». На обеих есть дарственные надписи, оставленные не автором, а видимо, кем-то из его секретарей. На первой: «Александрю Сергеевичу Пушкину от автора», на второй: «Е. П. Василию Андреевичу Жуковскому от автора»¹. Выяснению обстоятельств того, как и когда они попали к Пушкину, и посвящена эта статья.

1

В третьем томе «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» отмечено, что поэт получил «Послание Марье

Балакин Алексей Юрьевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ученый секретарь Пушкинской комиссии РАН. Публиковался в журналах «Русская литература», «Новое литературное обозрение», «Литературная учеба» и различных научных сборниках. Участник подготовки академических собраний сочинений А. С. Пушкина и И. А. Гончарова. Сфера научных интересов: текстология, творчество Пушкина и И. А. Гончарова.

Петровне Охлестышевой» в дар от автора в 1832 году, причем год отмечен знаком вопроса².

С этим посланием Пушкин мог ознакомиться гораздо раньше 1832 года. Как свидетельствовал сам Хвостов, оно было «сочинено на Кубре в августе месяце 1825 года, напечатано в том же году в *Невском Альманахе* г. Аладьина и на особливом листочке»³. Действительно, впервые оно было опубликовано в «Невском альманахе на 1826 год» (СПб., 1825) под заглавием «М. П. О. Послание»⁴ и выпущено отдельной брошюрой уже с измененным заглавием: «Послание М..... П..... О..... в селе Слободке на Кубре, 1825 года Августа 10 дня» (СПб., 1825), а спустя несколько лет вошло в пятый том Полного собрания стихотворений Хвостова (1830). Но неугомонный метроман был склонен к перфекционизму и постоянно дорабатывал свои сочинения, ранее увидевшие печать. Эта участь постигла и послание к Охлестышевой: в 1832 году оно было исправлено, также выпущено «на особливом листочке» и еще раз включено в Полное собрание стихотворений Хвостова — уже в седьмой том, вышедший спустя два года⁵.

Нам неизвестно, по какой причине Хвостов актуализовал свой старый текст, что заставило исправить его и выпустить новым изданием. Но мы знаем, когда он стал его распространять.

Педантичный граф сохранял всю свою переписку, регулярно формируя из полученных писем и черновых отпусков толстые тома, переплетая их и составляя аннотированные оглавления. В этих томах материалы располагаются, как правило, в хронологическом порядке. Если открыть том, где собрана переписка за 1832 год, то в оглавлении можно увидеть следующую запись: «14. На одном листе четыре черновых письма при посылке стихов к Охлестышевой»⁶. К сожа-

лению, этот лист не сохранился, а «четыре черновых письма» в оглавлении не датированы, но их расположение в книге позволяет очертить границы датировки. Перед этим несохранившимся черновиком располагается «записка Шталмейстера Двора Е. И. В. князя Долгорукого» к Хвостову, от 19 января, а после — письмо к нему же поэта-слепца Н. М. Шатрова от 25 января; в последнем ничего не говорится о послании к Охлестышевой, хотя Хвостов регулярно слал коллеге свои поэтические новинки.

Дальше уже идут письма с благодарностями за присланную брошюру. 27 января Хвостову из Москвы пишет его старинный враг-приятель И. И. Дмитриев: «Чувствительно благодарю ваше Сиятельство за обязательное ваше письмо и сообщение мне трех экземпляров вашей поэзии, из коих один я отдал племяннику, а другой моей крестнице, которая дала мне слово выучить наизусть ваши стихи»⁷. Еще раньше Хвостов получает короткую записку с благодарностями от В. А. Жуковского, датированную 30 января⁸. 9 февраля Хвостову отвечает редактор «Московских ведомостей» и «Дамского журнала» П. И. Шаликов, который время от времени публиковал в своих изданиях панегирики стихам престарелого графа: «О послании к Охлестышевой также напечатается по желанию Вашему, то есть с замечаниями на те места, которые Вы указываете...»⁹; впрочем, подобная заметка свет, кажется, так и не увидела.

Конечно, у нас нет данных для того, чтобы назвать день, когда «Послание Марье Петровне Охлестышевой» получил Пушкин. Однако мы можем предположить, что среди «четырех черновых писем» была записка и ему. Следовательно, дата, приведенная в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина», поддается локализации, и в новом ее издании она должна выглядеть так: «1832, январь, после 19».

В 1952 году в 58-м томе «Литературного наследства» в примечании к публикации фрагмента письма Хвостова к Н. М. Языкову от 18 января 1832 года, которое сопровождало отправку своему юному коллеге послания графа к Пушкину, было указано, что «24 марта 1832 г. Хвостов послал П. А. Плетневу еще какое-то свое произведение», и далее следовал фрагмент письма: «Сие-то стихотворение мое, как духовную состарившегося певца, к Вам посылаю. Прошу принять благосклонно отголосок мой при смерти, и, в одолжение мне, при свидании, из числа приложенных экземпляров отдать один В. А. Жуковскому, другой — А. С. Пушкину, третий — князю П. А. Вяземскому»¹⁰. Поскольку из публикации не было понятно, что именно передавал Пушкину Хвостов, и дошла ли посылка, то этот факт не был отмечен в пушкинской «Летописи жизни и творчества». Однако, если прочесть полный текст письма, все становится ясным:

Свидетельствуя мое усердное почтение знаменитому приятелю моему издавна Петру Александровичу Плетневу, посылаю мое последнее стихотворение. Славный Римский Лирик Гораций Флакк советовал оруженосцу в преклонных летах вешать на стену мечи, щиты и прочие военные принадлежности. Я последую его совету и говорю:

Покойся век моя золотая лира.

Сие-то стихотворение мое, как духовную состарившегося певца, к вам посылаю. Прошу принять благосклонно отголосок мой при смерти, и в одолжение мне, при свидании, из числа приложенных экземпляров, отдать один В. А. Жуковскому, другой А. С. Пушкину, третий Князю П. А. Вяземскому. Вы этим меня много одолжите, имеющего честь быть

с истинным почтением

Ваш, милостивый Государь мой
покорный слуга.

Граф Хвостов.

Две книги графа Хвостова из библиотеки Пушкина

Р. С. Я почти каждый вечер после шести часов дома. Ожидаю
Вашего посещения и очень рад буду Вас видеть.

24-го марта

1832-го года¹¹.

В этом письме Хвостов цитирует строчку из первой строфы своего стихотворения «Прощание поэта с землею», выпущенного отдельной брошюрой в марте 1832 года¹²:

Лучей златых в одежду облеченный,
Куда, зачем отселе я парю?
Мой здешний дом, мне прежде драгоценный,
Где повстречал я поздних лет зарю,
Мое теперь не восхищает око.
Иль вознесясь от стран земных высоко,
Забыл уже Темиру и Неву?
Или стал чужд телесного я мира?
Покойся век моя золотая лира!..
Как лебедь, я по воздуху плыву.

Таким образом, мы можем утверждать, что Плетневу для передачи Пушкину, Жуковскому и Вяземскому было послано отдельное издание именно этого стихотворения. Немногим ранее оно увидело свет в журнале «Северная Минерва»¹³, а спустя два года вошло в упомянутый седьмой том итогового собрания Хвостова.

Но если посылка Хвостовым своих новых стихов Жуковскому и Пушкину выглядит вполне закономерной, то просьба передать их Вяземскому кажется странной. Последний лишь недавно переехал в Петербург, не пересекался с графом по службе и на светских раутах и ранее не выказывал желания с ним встречаться. К тому же всем было известно, каким количеством эпиграмм язвительный князь почтил бесталанного графа. Думается, все решил случай: 19 февраля состоялся знаменитый обед в ознаменование переезда книжной лавки А. Ф. Смирдина. На следующий день Вяземский

в письме к жене так описывал это событие: «Вчера были мы на литературском обеде у книгопродавца Смирдина, который праздновал свое новоселье и угощал всю пишущую братью. Нас было человек около ста. Пили в память и за здоровье мертвых и живых авторов и меня грешного. <...> Само собою разумеется, что Хвостов написал и читал стихи на этот случай. Мы с ним лобызались очень нежно, и на вопрос мой, позволит ли он к себе приехать, отвечал он мне *qu'il en serait extasié* <что он будет в восторге>»¹⁴. Нам неизвестно, посетил ли Вяземский Хвостова, но нет сомнения, что граф воспользовался этим случайным сближением, чтоб завербовать в свои читатели еще одного знаменитого литератора¹⁵.

В 1832 году Плетнев часто виделся с Пушкиным, и трудно строить предположения, когда именно он мог выполнить просьбу Хвостова. Также сложно понять, почему он отдал своему другу не только предназначенный ему экземпляр брошюры, но и экземпляр Жуковского¹⁶. О том же, что в пушкинской библиотеке было два экземпляра «Прощания...», свидетельствует ее опись, где находим следующую запись: «1067. Прощание Поэта с Землею 2»¹⁷; вторым был, вне всякого сомнения, экземпляр с дарственной надписью Пушкину.

Как бы то ни было, в новом издании «Летописи жизни и творчества» Пушкина факт передачи ему «Прощания поэта с землею» должен быть отмечен (с датировкой «1832, после 24 марта»); необходимо также внести дополнение в описание пушкинской библиотеки, а из описания библиотеки Жуковского¹⁸ эту брошюру вывести.

Примечания

¹ См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 112. № 412, 413. У Пушкина также было отдельно

Две книги графа Хвостова из библиотеки Пушкина

- изданное стихотворение Хвостова «Двадцать второе Апреля в С.-Петербурге» (СПб., 1834), но до нас оно не дошло (см.: *Модзалевский Л. Б.* Библиотека Пушкина: Новые материалы // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 1010).
- 2 См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*: в 4 т. М., 1999. Т. 3: 1829–1832 / сост. Н. А. Тархова. С. 530.
- 3 *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1830. Т. 5. С. 383.
- 4 См.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965. С. 105.
- 5 См.: *Хвостов Д. И.* Стихотворения [на обл.: Полн. собр. стихотворений]. СПб., 1834. Т. 7. С. 83–88 (текст), 256–259 (примеч.).
- 6 ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 78. Л. 2 об.
- 7 Там же. Л. 36. В составленном Хвостовым оглавлении этой книги письмо проаннотировано так: «Письмо Ивана Ивановича Дмитриева о том, что заставляет наизусть твердить свою крестницу мои стихи к Охлестышевой» (Там же. Л. 2 об.).
- 8 Оpubл.: *Балакин А. Ю.* Пушкин — читатель графа Хвостова. 2. «...Он помолодел и тряхнул стариной» // *Русская литература*. 2014. № 4. С. 138.
- 9 ИРЛИ. Ф. 322. Ед. хр. 78. Л. 42 об.
- 10 *Литературное наследство*. М., 1952. Т. 58. С. 108.
- 11 ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 702; только подпись — автограф.
- 12 Цензурное разрешение — 1 марта.
- 13 См.: *Северная Минерва*. 1832. Ч. I. № 2. С. 140–142.
- 14 *Звенья*. М., 1951. Т. 9. С. 293; упомянутое стихотворение Хвостова опубл.: *Дамский журнал*. 1832. Ч. XXXVII. № 11. С. 168.
- 15 Хвостов послал «Прощание поэта с землею» и Дмитриеву, который 18 апреля писал П. П. Свиныну: «На-днях я получил <...> от Хвостова — прощание его с землею. Говорит, что он скоро полетит весь в лучах. Это любопытно было бы видеть» (*Дмитриев И. И.* Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 303–304; ср. письмо Дмитриева к Вяземскому от 21 июля: Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому. 1810–1836 годов. СПб., 1898. С. 50).
- 16 Можно предложить следующую гипотезу: 18 июня Жуковский уехал на лечение за границу, а Плетнев замешкался с передачей и не отдал ему брошюру до отъезда, решив, что впоследствии Пушкину это будет сделать сподручнее. Ранее высказывалось малоубедительное предположение, что Пушкин взял у Жуковского его экземпляр «Прощания поэта с землею» почитать и не вернул (см.: *Лобанов В. В.* О библиотеке В. А. Жуковского // *Альманах библиофила*. М., 1976. Вып. 3. С. 80).
- 17 ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 19. Ед. хр. 3. Л. 117 об.
- 18 См.: *Библиотека В. А. Жуковского: (Описание)* / сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981. С. 391. № 2805.

«На жизни есть минувшего следы...»
(современники А. С. Пушкина в письмах
М. А. Пещуровой 1840-х годов)

Существенным дополнением при изучении биографий известных людей являются мемуары, дневники, частная переписка современников. Следует отметить, что в отличие от мемуаров и дневников, частные письма, не содержащие в себе никаких юридических сведений и касающиеся в основном личных дел корреспондентов, не хранятся так бережно, как официальные бумаги. Поэтому сохранившиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН письма Марии Алексеевны Пещуровой к отцу представляют для нас особый интерес: героями этих писем были современники, друзья и просто знакомые Александра Сергеевича Пушкина, которым суждено было пережить великого поэта.

Михайлова Людмила Борисовна – кандидат культурологии, заведующая Мемориальным музеем-Лицеем. Автор книг и статей по истории Царско-сельского Лицея и Царского Села: «Дней Александровых прекрасное начало...» (1996), «Царскосельский Лицей и традиции русского Просвещения» (2006); «Отечество нам Царское Село» (совм. с Т. И. Галкиной, С. В. Павловой, 2011); «Императорский Лицей в воспоминаниях воспитанников» (2011) и др. Постоянный участник международных конференций по проблемам образования и сохранения культурного наследия. Сфера научных интересов: русское Просвещение, история Лицея, судьбы лицейских воспитанников.

Любое знакомство с частной перепиской начинается со сведений о том, кто, где и когда писал эти письма.

Мария Алексеевна Пещурова, старшая дочь сенатора Алексея Никитича Пещурова и Елизаветы Христофоровны, урожденной Комнено, родилась 8 апреля 1817 года. Канцлер Российской империи, в прошлом выпускник Императорского Лицея и соученик А. С. Пушкина, А. М. Горчаков приходился ее отцу двоюродным племянником, а ей — троюродным братом.

О детских годах Марии Алексеевны известно немного: вместе с сестрой-погодкой Софьей она получила неплохое домашнее образование. Старшие Пещуровы стремились научить дочерей всему, что могло пригодиться им в будущей жизни: музыке, пению, декламации, танцам, познаниям в разнообразных науках. Девочки воспитывались в атмосфере любви, заботы и понимания. Предположительно, Мария училась в одном из петербургских учебных заведений, хотя документальных подтверждений этому пока обнаружить не удалось.

По удивительному стечению обстоятельств сохранились воспоминания Софьи Михайловны Салтыковой, в замужестве Дельвиг, о семействе Пещуровых. Вот как она описывает встречу с ними:

В разгар нашего разговора мы вдруг увидели, что приехало семейство Пещуровых, состоящее из самого господина Пещурова... его супруги, крупной, чопорной женщины, и их двух дочерей, из которых старшей — 7, а другой — 6 лет.

Он и она, сказав несколько слов, не нашли ничего лучше, как выказать познания своих маленьких педанток, которые прямо невыносимы; их воспитывают точь-точь так, как М-ме Жанлис хочет, чтобы воспитывали детей: вот плоды ее смешного сочинения «Adele et Theodore» и всех тех, что она накропала на тему о воспитании.

Сперва эти две малютки разодрали нам уши фальшивою игрою в 4 руки в течение доброго получаса; затем, о, верх смеха, они принялись говорить стихи... Мать попросила потом папашу спросить у них что-нибудь из географии — и они рассказали нам, как попугаи, все губернии России, что на всех нагнало скуку.

Но это еще не все: окончив экзамен, этим маленьким противным созданиям велели сесть с прочим обществом и вмешиваться в разговор... Представь себе, что они пустились рассуждать обо всем, как можно было бы позволить рассуждать взрослым... они вставляли латинские слова в свои прекрасные речи...¹.

Трудно считать эти строки объективными: младшая дочь Пещуровых, Софья, обладала прекрасным музыкальным слухом и играть фальшиво, даже в детские годы, не могла. Именно музыкальные вечера Софьи Алексеевны, в замужестве Пальчиковой, привлекали многочисленное общество в Пскове, ей посвятил свою оперу «Сильф» композитор Н. П. Яхонтов, ее чистое и звучное меццо-сопрано доставляло огромное удовольствие слушателям. Сама же Мария Алексеевна, которая почти в каждом письме петербургского периода уделяет значительное место выступлениям итальянской оперной труппы, по достоинству оценивает исполнительские качества певицы-дилетантки:

Я провела с ней несколько очаровательных вечеров, смеясь и слушая, как она поет, — пишет она родителям 16 мая 1849 года. — У нее слабый голос, и она не может петь главных арий, но зато поет мелодии Шуберта и множество романсов. Увидев, что я грущу при звуках одного из них, она принялась петь другой, слова и музыка которого были такими веселыми и вдохновляющими, что я принялась смеяться от всей души с еще не просохшими слезами на глазах...²

Но даже этот недоброжелательный сторонний взгляд позволяет представить себе характер отношений в семье Пе-

щуровых, где в подрастающих детях уважали личность, и где они были включены в мир взрослых людей, в их разговоры.

Стремление быть вместе, не оставлять ближнего наедине со своими проблемами, жить в заботах друг о друге, делить радостные и грустные события — все это создавало особую атмосферу этой семьи, чему мы найдем подтверждение в семейной переписке 1840-х годов.

В этом доме все, даже посторонние, встречали радушие и понимание. Постоянное присутствие молодежи всех возрастов: племянников, двоюродных и троюродных братьев и сестер, близких и дальних родственников и их друзей не давало старшему поколению стариться, впадать в уныние.

Существует устойчивое мнение, что Мария Алексеевна видела Пушкина. Их первая встреча могла произойти осенью 1825 года, когда поэт приезжал в Лямоново в псковский дом губернатора Пещурова. Ей в ту пору было 7–8 лет, и в памяти не осталось воспоминаний об этих встречах. Нет тому и документальных подтверждений, кроме упоминаний в письмах Пушкина о встречах с А. Н. Пещуровым, которого он знал еще с лицейской поры.

Став в мае 1836 года фрейлиной двора³, она могла видеть поэта на приемах в Петербурге, но ее письма не содержат никаких упоминаний о поэте или его произведениях: лишь единожды она цитирует, правда, с ошибками, строки из «Бориса Годунова».

В 1847 году, в возрасте 30 лет, Мария Алексеевна вышла замуж за князя Владимира Александровича Трубецкого, который, будучи племянником декабриста Сергея Петровича Трубецкого, в детские годы воспитывался в доме дяди и его жены Екатерины Ивановны, урожденной Лаваль. Вскоре после венчания молодые уехали в Нижний Новгород, где

Трубецкой в течение 10 лет служил председателем уголовного суда. У Трубецких были дочери, но до совершеннолетия дожила только Дарья Владимировна Трубецкая, в замужестве — баронесса Фредерикс. Именно ей стало принадлежать семейное имение Лямоново. Предметом неусыпного внимания для Трубецких в это время стали осиротевшие дети священника Николая Александровича Добролюбова, с которым семейство Пещуровых поддерживало дружеские, доверительные отношения на протяжении всей жизни. С 1857 года местом жительства Трубецких становится Москва, где Владимир Александрович получил должность управляющего местной удельной конторой. В столице он дослужился до чина статского советника и был пожалован в камер-юнкеры двора. За 1859–1861 годы стал кавалером орденов Св. Станислава III степени и Св. Анны III степени.

В начале 1864 года Владимир Александрович становится Воронежским гражданским губернатором. Как жена гражданского губернатора Мария Алексеевна оставила о себе прекрасную память многочисленными благотворительными делами. В 1873 году с ней встречался известный историк литературы, цензор, профессор А. В. Никитенко, который оставил в дневнике следующую запись: «Январь 1873 г. 23, вторник. Вечер у графини А. Д. Блудовой. Большую часть вечера проговорил с княгиней Трубецкой, муж которой был губернатором в Воронеже. Она показалась мне умной и приятной женщиной»⁴.

В 1879 году Мария Алексеевна овдовела. Ей суждено было пережить мужа на десять лет, она скончалась в 1889 году.

Как когда-то в детские годы, овдовевшие сестры Пещуровы — Мария, Софья, Наталья и их незамужняя сестра Варвара, — собрались вместе в небольшом псковском имении

Нестюгино, которое стало для них последним приютом в земной жизни.

Ниже приводим несколько фрагментов из сохранившихся писем за март 1845 года. В это время А. Н. Пещуров как бывший гражданский губернатор Пскова был командирован в Псковскую губернию по причине страшного народного бедствия: голода. Вскоре в помощь к нему направят В. А. Трубецкого, с которым уже была знакома Мария Алексеевна.

Семья Пещуровых оставалась в Петербурге, и, чтобы как-то поддержать отца и вместе с тем сообщать ему петербургские новости, дочери распределили дни недели, и каждая писала письма в свой определенный день. Письма Марии Алексеевны отличаются от писем ее сестры Варвары. Они намного интереснее, содержательнее; у нее широкий круг общения. Это не только родные и близкие дому люди, но и многочисленные петербургские знакомые, великосветское общество, члены императорской семьи.

Содержание писем формирует наше отношение к их автору, позволяет судить о его представлениях, образе жизни, круге общения, интересах. Мария Алексеевна предстает в них начитанной, эрудированной, ироничной, с тонким чувством юмора. Неслучайно А. М. Горчаков в письме к А. Н. Пещурову напишет о ней: «Я люблю Марию как настоящую сестру и знаю ее прекрасные и серьезные качества, которые ее отличают...»⁵.

Она сообщает отцу обо всем, что происходит в столице. В то время новости из писем узнавали гораздо быстрее, чем из газет, которые запаздывали на неделю. Центральное место в переписке занимают вопросы быта, личных и семейных отношений, а потом уже новости и вопросы культурной жизни столицы. Письма отличаются субъективностью, от-

рывочностью, передачей всякого рода слухов, непроверенных фактов, обилием личных и бытовых подробностей, намеков и полунамеков, значительная часть которых понятна лишь автору письма и ее адресату.

Приведем несколько отрывков из них. Вот письмо от 9 марта 1845 года:

О чем я напишу вам, ангел *rara*? Не о пустоте, которую вы оставили своим отъездом⁶, ибо это будет очень грустно: первый вечер, проведенный без вас, первое утро, когда вы не явились к чаю, — обо всем этом я не хочу писать вам, разве лишь для того, чтобы умолять вас вернуться к нам, как можно скорее. Скажу вам, однако, что Анна Борисовна — явно для того, чтобы нас утешить, — достала из своих запасов хрустящее печенье в выдающемся количестве, которое незамедлительно исчезло. Осталось всего одна-две штуки, Оленька попросила для себя еще, Миша вышел и торжествующее вернулся с двумя печеньями, гордо положенными на поднос, одно рядом с другим, что вызвало неопишуемое воодушевление. В общем, похоже, запасы пополнились многими вещами, которые еще не окаменели, и поэтому достойны быть извлеченными оттуда⁷.

Перехожу к домашним новостям: Лев подарил Софии очаровательную собачку, которую зовут Дюшес; Марьяша много раз повторяла ее имя, и в итоге стала звать ее „*Чудес*“. Прекрасно, не так ли? Решительно, *ей Бог открыл языки*⁸.

В письме говорится, что накануне вечером Мария Алексеевна и ее тетка, родная сестра отца — незамужняя девица Елизавета Никитична Пещурова, известная по письмам Александра Горчакова лицейского периода как Бабинька, отправились в гости к графине Софье, так звали в семье Пещуровых Софью Ивановну Соллогуб, урожденную Архарову⁹, мать братьев Льва Александровича и писателя Владимира Александровича Соллогубов, которая «была совсем одна и очень обрадовалась нашему приходу. Как вы догады-

ваетесь, разговор не замолчал: мы побеседовали обо всем — от жизнеописания св. Бернара и книг, которые она сейчас читает, до светских новостей. Говорили о вашей экспедиции, которую она одобряет, как прекрасное предприятие, вдохновленное императором.

Относительно императора она сообщила, что недавно гусарские офицеры возвратились из дворца, очарованные его обходительностью. Они все вместе отправились благодарить его за производство новорожденного великого князя¹⁰ в офицеры их полка.

Император, выходявший от цесаревны¹¹, встретил их в коридоре и произнес, как они говорят, следующую превосходную речь: *„Рекомендую вам, господа, моего маленького, не прошу вас ему верно служить, потому что гусары мне известны, но прошу вас давать ему наставления, когда он будет офицером. Потому что до того времени, господа, Вы уйдете далеко, вероятно, Вы будете фельдмаршалами“* и т. д. И все это — с улыбкой, в хорошем расположении духа, так что они испытали восторг. Почему он не ведет себя так всегда? Можно было бы сказать ему то же, что говорит Трубецкой: *„Примите ласковый вид — он почти ничего вам не стоит и очень идет вам“*».

В этом письме появляется еще одно имя, знакомое А. С. Пушкину, — Надежда Львовна Соллогуб, в замужестве Свистунова. Это очень близкая подруга Марии Алексеевны, которую в письмах она называла Надин. Молодая женщина, родная сестра Льва Львовича Соллогуба, подарившего собачку Софии Пещуровой, сообщила своей тетке Софье Ивановне подробности о смерти и похоронах графини Софьи Владимировны Строгановой¹², которые та в подробностях пересказала гостям.

Мария Алексеевна осуждает мотовство и расточительность в столице. Она пишет, что когда в Псковской и Витебской губерниях «собственники отказываются от привычных блюд, чтобы отдать их бедным <...>, в Петербурге платят вдвое за билеты на концерт, стоящие 2 рубля серебром. Между тем десять рублей серебром — это стоимость *четверти* пшеницы, достаточной, чтобы питать в течение 15 дней целое семейство. Это воистину Содом и Гоморра, как говорит Александрина Воейкова:¹³ она утверждает, что на Петербург ниспадет огонь с неба, но его избегнем мы, „*Лот с семейством и еще несколько ангелов, только душенька, не оборачивайтесь, ради Бога, не оборачивайтесь*“. Я ответила ей на это, что заранее чувствую себя соляным столпом, ибо чувствую, что не оборачиваться будет выше моих сил».

В следующем письме от 12 марта 1845 года содержатся подробности похорон графини Строгановой, которые обсуждали еще в одном семействе знакомых А. С. Пушкина. Это дом Прасковьи Ивановны Мятлевой, матери поэта Ивана Петровича Мятлева и ее замужних дочерей: Софьи Петровны, в замужестве Галаховой, и Варвары Петровны, в замужестве Бибиковой. Пещуровы и Мятлевы стали родственниками через братьев Галаховых¹⁴, из которых старший, Александр, был мужем Софьи Мятлевой, а младший, Сергей — Натальи Пещуровой. Вот что сообщает Мария Алексеевна отцу: «Г-жа Мятлева села играть, и мы расположились вокруг ее стола вместе с остальными. Пришла г-жа Бибикова, падавшая от усталости после молитв, совершенных за все эти дни; она рассказывала о похоронах графини Строгановой, отмеченных, как говорят, необычайной пышностью и вместе с тем — холодностью, которую больно

было наблюдать. Г-жа Бибикина сказала, что накануне вечером перед похоронами, в тот момент, когда обычно прощаются с усопшим, священник напрасно ждал этого последнего прощания: никто не двинулся с места, только старая княгиня Белосельская-Белозерская отделилась от черной толпы и подошла к гробу, чтобы отдать последние почести величайшей из петербургских дам. Больше не двинулся с места никто — внуки и внучки, племянники и племянницы, все это скопище родственников оставалось неподвижным и безучастным, пока, наконец, Сергей Голицын не воскликнул, давая знак людям: „Ну, подавай крышку“. Те неловко взялись за дело — кажется, намереваясь забить гвозди, — тогда он оттолкнул одного с энергичным видом и сам начал делать это.

Покойница была в великолепном убранстве, вся в кружевах, гроб был также украшен роскошными кружевами, выбивавшимися из-под крышки. Эти господа запихали кружева внутрь с необычайным спокойствием и хладнокровием: казалось, они закрывают простой ящик. И в тот момент, когда обыкновенно родственники хотят быть вместе с ушедшим, никому не потребовались поддержка и утешение. Внуки несли гроб, остальные вышли через другую дверь, без всяких изъявлений сочувствия в отношении скорби, которой не было. Только двое рыдали посреди пустого зала — старый лакей графини и старый полковник, которого все звали полковником: он с незапамятных времен стал предметом мебели в доме княгини Натальи Петровны, а затем попечение о нем перешло по наследству к ее дочери. Вот и все»¹⁵.

Письмо от 18 марта 1845 года целиком посвящено детальному описанию крестин великого князя Александра Алексан-

дровича и тех наград, которые были по этому случаю розданы. В монографии С. С. Татищева¹⁶ приводится официальное описание этого торжества, но вот как живо, с многочисленными подробностями сообщает об этом участница и очевидец событий:

Сегодня я должна была бы сообщить вам многое, так как вчера была при дворе; если бы вы знали, *rara*, мой ангел, как мне не хватает вас на каждом шагу! Я не могу выразить этого в достаточной мере.

Но начнем сначала: я не опоздала и была на месте ровно в десять с половиной, или даже раньше, так как около четверти часа ждала у двери Антуанетту¹⁷, которая была не готова. Мы условились, что я заберу ее, а она потом привезет меня. Приехав, мы увидели у двери комнаты, где находится Караул, Жанно Толстого¹⁸ с лентой Св. Станислава. Антуанетта сказала ему, проходя: „*Поздравляю, на вашей улице праздник*“. — „*Как же-с*“, — ответил он, махнув рукой справа налево, и мы тотчас же предположили, что это *обновка*, каковой она и оказалась. Кроме этого, ему подарили табакерку, усыпанную алмазами.

Графа Нессельроде назначили канцлером: думаю, это сделано за поддержку им своей жены¹⁹, которая, впрочем, по виду не нуждается ни в какой поддержке. Если она и не является добродетельной женщиной Писания, то все же это в любом случае сильная женщина, и она, кажется, способна вынести кое-что большее, нежели ребенка. Говорят, что, помимо почета, ее в этом деле особенно устроил подарок — вы знаете, что госпожа канцлерша любит подарки, по меньшей мере так же, как почет.

Князь Пьер²⁰ получил 400 000 рублей серебром!!!!!! А князь Васильчиков²¹ — Таурогенский майорат с 3000 крестьян! Несмотря на эти громадные суммы, утверждают, что они очень недовольны и громко говорят о том, что назначение Нессельроде стало несправедливостью по отношению к ним. Что вы думаете об этом, милый *rara*? Полагаю, если бы нам дали треть этого состояния, мы бы с удовольствием отказались от всяких претензий на чины...

Церемония шла обычным ходом: входя, граф Нессельроде нес младенца на синей подушке, но при выходе подушка была уже из золотой ткани, покрытая накидкой с золотыми кистями, со связанными узлом лентой, которые были украшены голубой лентой.

В первый раз, когда назвали его²² имя, он испустил крики, говорящие о крепком сложении и предвещающие, что к этому голосу военным придется прислушиваться.

Передо мной снова стояла г-жа Лаваль²³, которую судьба всегда помещает поблизости от меня — нарочно, для того, чтобы я ею любовалась...

Даже эти небольшие фрагменты писем дают нам представление о том, как органично соединены в них семейные отношения с вопросами общественно-политической и культурной жизни столицы.

О ком еще пишет Мария Алексеевна? Это семьи Блудовых, Карамзиных, Лавалей. Герои ее сообщений — В. А. Соллогуб, Н. Л. Свистунова, урожденная Соллогуб, товарищ Пушкина по Лицею — А. М. Горчаков, соседи Пушкина по псковской губернии и многие другие; она описывает значительные события культурной жизни: выступление итальянской оперной труппы, пение Полины Виардо, любительские спектакли и благотворительные аукционы.

Для женской эпистолярной культуры XIX века было свойственно двуязычие — вся переписка с отцом велась на французском языке, только отдельные высказывания третьих лиц, просторечные выражения Мария Алексеевна пишет по-русски. Французский язык, не очень хорошие сохранность и читаемость отдельных фрагментов, стали причиной того, что письма неизвестны широкому кругу специалистов и читателей.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин, Дельвиг и их петербургские друзья в письмах С. М. Дельвига // Пушкин: Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР / под ред. Н. В. Измайлова, П. Е. Щеголева при участии Л. Б. Модзалевского. Л., 1929. С. 152.
- ² Рукописный отдел ИРЛИ. Ед. хр. 25 996.
- ³ Девушки: Анна Бороздина, Наталья Рихтер, княжна Мария Барятинская, Мария Пещурова и графиня Лидия Апраксина Всемиловейши пожалованы во фрейлины к ея Императорскому Величеству // Русский инвалид, или Военные ведомости. 1836. № 116. 11 мая.
- ⁴ *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. Л., 1956. Т. 3. С. 270.
- ⁵ *Модзалевский Б. Л.* К биографии канцлера князя А. М. Горчакова. (Письма его к А. Н. Пещурову) // Летопись Историко-Родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 4. Год второй. С. 3–8. Модзалевский публикует письма из семейного архива Пещуровых-Горчаковых на французском языке.
- ⁶ А. Н. Пещуров уехал из Петербурга 7 марта 1845 г.
- ⁷ Рукописный отдел ИРЛИ. Письма М. А. Пещуровой к А. Н. Пещурову. Ед. хр. 25 994. Здесь и далее пер. с франц. В. А. Петрова.
- ⁸ Слова и фразы, выделенные курсивом, написаны по-русски. Фраза об открытии языков принадлежала А. Н. Пещурову и часто употреблялась в семье.
- ⁹ Соллогуб Софья Ивановна (13.03.1791–30.07.1854), знакомая А. С. Пушкина и его родителей, с которой поэт встречался в петербургском обществе.
- ¹⁰ Великий князь Александр Александрович, будущий император Александр III, родился 26 февраля 1845 г. и был крещен 17 марта.
- ¹¹ Цесаревна Мария Александровна, жена цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II.
- ¹² Строганова Софья Владимировна, урожд. Голицына (11.11.1775 – 03.03.1845), фрейлина четырех императриц, младшая дочь Натальи Петровны Голицыной, урожд. Чернышевой (прототипа графини в «Пиковой даме»), сестра московского генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына и статс-дамы Екатерины Владимировны Апраксиной, жена генерала графа П. А. Строганова. Художница, меценатка, радетель о бедных и неимущих. Пушкин бывал в ее доме, посещал картинную галерею.
- ¹³ Воейкова Александра Александровна (14.10.1817–1893), дочь Александра Федоровича Воейкова, поэта и профессора Дерптского университета,

и Александры Андреевны, урожд. Протасовой, племянницы В. А. Жуковского, фрейлина великой княгини Марии Николаевны. Пушкин прекрасно знал всех членов семьи Воейковых. Образные высказывания Александрины Воейковой Мария Алексеевна не раз будет приводить в своих письмах.

- 14 Галахов Александр Павлович (10.09.1802–29.11.1863), выпускник Лицейского благородного пансиона (2 курс, вып. 1820 г.), в ноябре 1820 г. поступил на военную службу корнетом в л.-гв. Конный полк, 14 декабря 1825 г. участвовал в подавлении выступления декабристов. Вместе с ротмистром Петром Петровичем Мятлевым (1799–1827) сражался под окнами дома Мятлевых на углу Исаакиевской площади и Почтамтской улицы (современный адрес: Исаакиевская пл., д. 9). Конногвардейцы, несколько раз ходившие в атаку, осуществляли свои перестроения перед атакой вдоль дома, принадлежащего семье Мятлевых. В 1837 г. — полковник, в 1841 — флигель-адъютант, в 1846 — генерал-майор, в 1847 г. назначен Санкт-Петербургским обер-полицмейстером.

Галахов Сергей Павлович (05.08.1806–1878), выпускник Императорского Царскосельского Лицея (3 курс, вып. 1823 г.), зять Пещуровых с 1841 г. Оба брата Галаховы хорошо знали А. С. Пушкина, хотя не были его близкими друзьями. Оказали помощь при работе над «Историей Пугачева»: А. П. Галахов предоставил Пушкину собрание бумаг своего деда А. П. Галахова.

- 15 Даже газеты того времени, «СПб ведомости» и «Северная пчела», с большей теплотой написали о кончине этой удивительной женщины: «5 сего марта скончалась в Петербурге вдова генерал-лейтенанта, кавалерственная дама, графиня Софья Владимировна Строганова, урожденная Голицына. Она любила все изящное, покровительствовала литературе и художникам, была истинною матерью бедных».
- 16 *Татищев С. С.* Император Александр III. Его жизнь и царствование: в 2 т. Т. 1: Детство и юность Великого князя Александра Александровича. СПб., 2004. С. 37.
- 17 Блудова Антонина Дмитриевна (25.04.1813–09.04.1891), фрейлина, близкая подруга М. А. Пещуровой. Автор «Записок» о своей жизни и встречах с известными людьми того времени. Ей принадлежат удивительно проникновенные строки о Пушкине: «...Пушкин, со своим веселым заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных, блистательных слов и добродушных шуток, а потом растерзанный, измученный, убитый жестоким легкомыслием пустых, тупых умников салонных, не постигших ни нежности, ни гордости его огненной души...» (Русский архив. 1889. № 1. С. 62).

- ¹⁸ Жанно Толстой — Толстой Иван Матвеевич (08.05.1806–21.09.1867), сын Матвея Федоровича Толстого (1772–1815) и Прасковьи Михайловны Голенищевой-Кутузовой (1777–1844), дочери М. И. Кутузова. Служил по ведомству иностранных дел (1822–1838); камергер (1834); сопровождал наследника цесаревича Александра Николаевича за границу (1838); шталмейстер двора наследника цесаревича (1849); шталмейстер Высочайшего двора (1855). Пушкин прекрасно знал эту многочисленную семью, «сохраняя по самой смерти дружеские отношения с внуками» прославленного полководца.
- ¹⁹ Нессельроде Карл Васильевич (02.12.1780–11.03.1862), министр иностранных дел Российской империи на протяжении 40 лет: с 1816 по 1856 г. (абсолютный мировой рекорд по продолжительности пребывания на посту министра иностранных дел), а всего находился на российской дипломатической службе в течение 55 лет (1801–1856). Занимал министерский пост при трех императорах: став министром иностранных дел при Александре I, сохранил должность и при Николае I, и только через год после вступления на престол Александра II в связи с преклонным возрастом (76 лет) был с почетом препровожден в отставку. Нессельроде был начальником А. С. Пушкина в Коллегии иностранных дел. Поэт служит в Коллегии с июня 1817 по июль 1824 г., в 1831 г. Карл Васильевич принял Пушкина на службу в Министерство иностранных дел в чине коллежского секретаря. Нессельроде Мария Дмитриевна (02.06.1786–06.08.1849), урожд. графиня Гурьева, фрейлина (1802), статс-дама (1836), хозяйка великосветского салона, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины. Язвительность тона Марии Алексеевны совпадает с мнением Ф. Ф. Вигеля: «...Зрелая же, немного перезрелая дочь его, Марья Дмитриевна, как сочный плод, висела гордо и печально на родимом дереве и беспрепятственно дала Нессельроде сорвать себя с него. Золото с нею на него посыпалось: золото для таких людей, как он, то же, что магнит для железа» (*Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. V. С. 61–62*).
- Нести младенца по правилам должна была светлейшая княгиня, статс-дама Екатерина Васильевна Салтыкова (1791–1862), которая в этот момент была больна. Поэтому Марии Дмитриевне, который было уже почти 60 лет, пришлось подстраховаться, прикрепив подушку с младенцем к своему платью многочисленными лентами и бантами.
- ²⁰ Князь Пьер — Волконский Петр Михайлович (25.04.1776–27.08.1852), светлейший князь, военный и придворный деятель, генерал-фельдмаршал (1843), министр Императорского двора и уделов (1826–1852). Знал Пушкина в годы учебы в Лицее, жаловался на него императору Александру за

«На жизни есть минувшего следы...»

происшествие с его сестрой, фрейлиной В. М. Волконской; встречались они и позже.

- ²¹ Васильчиков Илларион Васильевич, князь (с 1839) (1776–05.03.1847), любимец Николая I, генерал от кавалерии, председатель Комитета министров и Государственного Совета. Пушкин хорошо знал всю семью Васильчиковых, его родная сестра Татьяна Васильевна была женой Д. В. Голицына, родного брата С. В. Строгановой, о похоронах которой говорилось выше.
- ²² Новорожденный великий князь Александр Александрович.
- ²³ Лаваль — речь идет о жене графа Ивана Степановича Лавалья (04.10.1761–20.04.1846) Александре Григорьевне, урожд. Козицкой (18.03.1772–17.11.1850). Пушкин был хорошо знаком с членами этой семьи.

Т. Р. Мазур

«Самый обыкновенный,
старого века человек»
(князь М. А. Дондуков-Корсаков
в воспоминаниях современников)

Имя князя Михаила Александровича Дондукова-Корсакова мы, как правило, вспоминаем лишь тогда, когда цитируем одну из эпиграмм А. С. Пушкина:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что есть чем сесть (III, 388).

Именно так, в исправленном «для дам» виде, звучал один из известных современникам вариант эпиграммы.

Михаил Александрович Дондуков-Корсаков происходил из нетитулованного рода Корсаковых¹. Как впоследствии писал его сын, князь Александр Михайлович, «род Карсаковых берет свое начало от литвина Венцеслава Жигмандовича Корсака, выехавшего из Литвы в Россию в 1380 году

Мазур Татьяна Риксовна — ведущий научный сотрудник Мемориального музея-квартиры А. С. Пушкина на Мойке, 12. Публиковалась в журналах «Литературная учеба» (2011), «Нева» (2013), в «Лицейской энциклопедии» и других научных сборниках.

Сфера научных интересов: современники А. С. Пушкина, история Музея-квартиры А. С. Пушкина, история музея Л. Н. Толстого в Петербурге.

в свите дочери князя, невесты Московского Великого князя Василия Дмитриевича»².

Хотелось бы отметить особенности правописания этой фамилии. Члены семьи писали фамилию через букву «А» — Карсаков. Однако в официальных документах, в частности в «Общем гербовнике Дворянских родов Всероссийской империи» 1816 года и «Русском биографическом словаре» (1905) фамилия пишется через «о» — Корсаков. Так фамилия Корсаковых представлена и Л. А. Черейским в книге «Пушкин и его окружение»³.

Михаил Александрович родился в 1792 году. Его отец, гвардии поручик Александр Степанович Корсаков, первым браком был женат на Екатерине Петровне Резановой, сестре Н. П. Резанова, одного из основателей Русско-Американской компании. У них было шестеро детей: Петр, Александр, Михаил, Николай (будущий лицеист, однокурсник Пушкина), Екатерина и Варвара. От второго брака детей было двое — Тимофей и Елена.

Первым наставником Михаила Александровича был дьячок, который жил в селе Буриги и с помощью «какой-то замысловатой методы» учил детей грамоте.

По окончании 2-го кадетского корпуса Михаил Корсаков служил в лейб-гвардии Преображенском полку, принимал участие в военных действиях против армии Наполеона в 1812–1814 годах, был награжден орденами Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени с бантом, прусскими орденами «Pour le Mérite» и Железного креста, а также медалями за кампанию 1812 года и за взятие Парижа. Участвовал в сражении при Кульме.

В ноябре 1819 года М. А. Корсаков был произведен в полковники. «Он был блестящий офицер Лейб-Гвардии Преображенского полка, член высшего аристократического обще-

ства в Петербурге и к тому же весьма образованный человек, так как в течение своей службы он постоянно сближался с людьми образованными, читал серьезные и ученые книги. <...> Можно сказать, что он сам себя воспитал»⁴, — писал его сын.

Пятого ноября 1819 года Михаил Александрович женился на княжне Марии Никитичне — единственной дочери Никиты Ивановича Дондукова-Корсакова (принадлежавшего по рождению к одной из ветвей рода Корсаковых) и Веры Ионовны, последней представительнице рода Дондуковых. Сын князя, Александр Михайлович, впоследствии составил и опубликовал историю своего древнего рода, но многие главы, посвященные членам семьи, трудно назвать объективными. Так, подробно рассказывая о характере отца, о его успешной придворной карьере, автор рисует исключительно положительный образ князя, не имеющего, по мнению окружающих и членов семьи, никаких отрицательных качеств.

Кроме того, в работе князя Александра Михайловича встречаются и биографические неточности. Вот как он рассказывает о получении своим дедом, Никитой Ивановичем, княжеского титула:

Будучи женат на княжне Дондуковой, последней представительнице своего рода, он возымел желание к своей фамилии Карсаков присоединить фамилию Дондуков и княжеский титул. Это желание его было исполнено, но впоследствии, через 17 лет, что не помешало, однако, Никите Ивановичу, вскоре после свадьбы не только именоваться князем Дондуковым-Карсаковым, но и носить княжеский титул. В Петербурге, в обществе, в семье и в деревне вскоре все начали называть его князем, хотя не было о том никакого Императорского указа. Более того: у нас перед глазами лежит паспорт, выданный ему для отправления за границу. И вот как там

написано: «показатели сего — князь Никита Иванович Дондуков-Карсаков с супругой княгиней Верой Ионовной с малолетней дочерью княжною Марией отправляются из России в чужие края сухим путем на четыре года». Паспорт этот выдан в С.-Петербурге гражданским губернатором 7 мая 1804 года, а Никите Ивановичу Всемилоостивейше разрешено именоваться князем Дондуковым-Карсаковым вместе с снисходящим от него потомством лишь указом от 10 сентября 1820 года.

И далее:

Но его потомство состояло лишь из единственной дочери Марии, которая вышедши замуж за Михаила Александровича Карсакова, этим самым утратила и княжеский титул и фамилию Дондуковых-Карсаковых. Когда у этой дочери его родилось несколько сыновей, то князь Никита Иванович просил у государя Императора разрешения, дабы титул и фамилия перешли к ее мужу. На что последовало разрешение от 26 июня 1829 года⁵.

Эта история о так называемом самовольном присвоении княжеского титула выглядит, на наш взгляд, довольно странно. Между тем в Российском государственном историческом архиве сохранились документы, опровергающие записки князя Александра Михайловича. Так, в «Прошении», написанном от имени Никиты Ивановича Дондукова-Карсакова, говорится:

Сего 1802 года июля в 15 день Имянным Вашего Императорского Величества Указом высочайше повелено мне принять Герб и Фамилию Князей Дондуковых, но герба оных Князей Дондуковых никакого не осталось и нигде оно не осталось. И сему всеподданнейше прошу к сему дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение принять и потом повелеть, Герб на фамилию Князей Дондуковых обще с присовокуплением к оному герба и фамилии Карсакова надобно сочинить и мне выдать. 17 июля 1813 год⁶.

В архиве хранится еще один интересный документ:

Правительствующего Сената департамента герольдии Дело о внесении рода Князя Дондукова-Корсакова, из Князей Калмыцких, в общий Гербовник Дворянских родов Всероссийской Империи. Указ правительствующему Сенату.

Снисходя на прошения Князя Никиты и Княжны Веры Дондуковых-Корсаковых, не имеющих детей мужского пола, Всемилошвейше дозволяем мужу дочери их Лейб Гвардии Преображенского Полка Полковнику Корсакову принять фамилию и герб и именоваться впредь Князем Дондуковым-Корсаковым. На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано так: АЛЕКСАНДР. Варшава, 10 сентября 1820 год». И далее: «Сия копия вследствие резолюции Правительствующего сената выдана Лейб Гвардии Преображенского Полка Полковнику Князю Дондукову-Корсакову по его прошению октября 20 дня 1820 года⁷.

Вскоре после свадьбы Михаилу Александровичу пришлось оставить военную службу: у него стала прогрессировать болезнь глаз. У врачей возникло серьезное опасение, что он, как и его отец, может ослепнуть. А. С. Корсаков потерял зрение внезапно, когда со взводом солдат лейб-гвардии Преображенского полка, в котором служил, шел по улице. Выйдя в отставку, он долго лечился, но, несмотря на кратковременное улучшение, остался слепым до конца жизни.

Через шесть лет здоровье Михаила Александровича значительно улучшилось, и он был назначен ко Двору Его Императорского Величества камергером, а 22 августа 1826 года вновь поступил на службу в Министерство внутренних дел чиновником по особым поручениям. С 1827 по 1830 год князь также исполнял обязанности предводителя дворянства в Гдовском уезде, а в 1830 году был определен Совесть-

ным судьей при Министерстве внутренних дел. Должность не предусматривала вознаграждения, но считалась в обществе влиятельной и чрезвычайно почетной, так как именно к Совестьному суду часто прибегали дворяне, чтобы разрешить запутанные семейные споры. Князь избирался на эту должность на два срока (шесть лет) и чрезвычайно дорожил оказанным ему доверием.

В 1832 году, во время эпидемии холеры, Дондуков-Корсаков принял на себя обязанности попечителя Адмиралтейской части Санкт-Петербурга для надзора и ухода за больными. В этом же году он стал членом Общества для поощрения лесного хозяйства, поскольку, по отзывам близких, был сведущ во всех отраслях сельского хозяйства. Тогда же, по предложению министра народного просвещения гр. С. С. Уварова, был назначен попечителем Санкт-Петербургского учебного округа и состоял в этой должности девять лет. Студенты и преподаватели называли Дондукова-Корсакова «любимым попечителем <...> преимущественно за его редкое вмешательство в университетские и студенческие дела»⁸.

Здание университета помещалось на одной из улиц, примыкающих к Семеновскому плацу; оно стояло на углу двух улиц — то был старый двух-этажный дом, очень неприглядной наружности — комнаты в нем были тесные, дом давно не ремонтировался, внутри и снаружи он был просто грязен, — писал князь Александр Михайлович. — Студенты были преимущественно люди бедные, голодные, одетые в форменные сюртуки с красным воротником, часто в лохмотьях⁹.

Во время службы князя университет переехал в «прекрасное помещение на Васильевском острове» — здание Двенадцати коллегий. Туда же был переведен и Педагогический институт.

«В 1835 году, — как сообщал «Русский биографический словарь» 1905 года, — к общему удивлению, выразителем которого явился Пушкин, он (М. А. Дондуков-Корсаков. — Т. М.) назначен был вторым вице-президентом Академии наук и председательствующим в комитете правления Академии»¹⁰. «На академии наши нашел черный год: едва в Российской почил Соколов, как в академии наук явился вице-президентом Дондуков-Корсаков, — писал А. С. Пушкин. — Уваров фокусник, а Дондуков-Корсаков его паяс. Кто-то сказал, что куда один, туда и другой: один кувыркается на канате, а другой под ним на полу» (XVI, 21).

«Общее удивление» Пушкин выразил, как отмечалось выше, в известной эпиграмме. Сохранились воспоминания издателя А. А. Краевского, записанные с его слов и опубликованные в журнале «Русский архив»:

Краевский часто виделся с Пушкиным в последние годы его жизни. Однажды, собираясь в Москву, Краевский зашел к Пушкину проститься и напомнил ему его обещание дать стихотворение «Московскому наблюдателю»: Пушкин достал свою тетрадь, вырвал из нее листок и подал его Краевскому. Это были стихи: «Последняя туча рассеянной бури». Прочитав его и складывая, чтобы положить в карман, Краевский видит на обороте листка еще небольшие стихи; но только что он прочел первый стих: «В Академии наук...», Пушкин мгновенно вырвал у него листок, переписал посылаемые «Московскому Наблюдателю», стихи на отдельной бумаге отдал Краевскому, а первый листок спрятал. Краевский помнил, что в последнем стихе было: «От того, что есть чем сесть». Через несколько месяцев Краевский приносит Пушкину корректуру «Современника». — «Некогда, некогда, говорит Пушкин; Надобно ехать в публичное заседание Академии. Хотите? Поедем вместе: посмотрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме.

Далее следует комментарий редакции журнала:

Злосчастная эпиграмма эта <...> имела роковое значение для Пушкина, который столько раз платился и, наконец, поплатился жизнью за неуправляемый язык свой. <...> Меткое слово, жгучий стих неуправляемо вырывались наружу, и сам он потом в дружеской беседе и в тетради своих заметок осуждал свою необузданность¹¹.

Историк русской литературы И. А. Шляпкин справедливо отмечал: «Известная эпиграмма Пушкина, конечно, немало способствовала дурным отношениям великого поэта и ситительного цензора»¹². (Напомним, что князь в это время исполнял также обязанности председателя Петербургского цензурного комитета.) Хорошо известна запись в дневнике поэта за 1835 год: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным кабинетом...»¹³. В апреле 1835 года поэт в неотправленном письме Бенкендорфу с горечью писал: «Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дундукова, урожденного Корсакова. Оба уже дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом» (XVI, 29).

Судя по сохранившейся переписке (известно три письма Пушкина и четыре письма князя), их отношения впоследствии стали более терпимыми.

Соболевский позже отмечал, что «поэт жалел об эпиграмме, когда лично узнал Дундука»¹⁴, и тем не менее фамилию Дондуков почти всегда писал через «у» (кроме, конечно, официальных писем).

Но не только Пушкин так писал фамилию князя. В издании Императорской Академии наук «Месяцеслов и общий штат российской империи на 1836 год» фамилия Дондукова-Корсакова упоминается пять раз и в двух случаях он назван *Дундуковым-Корсаковым*. В «Месяцеслове» за 1835 и 1837 годы таких опечаток нет. Возможно, это были ошибки наборщиков, но, как считает исследователь, скорее всего, это были описки чиновников, подающих списки¹⁵.

Говоря об отношении Дондукова-Корсакова к Пушкину, нельзя не вспомнить, с каким «чувством» князь передал Краевскому недовольство министра народного просвещения С. С. Уварова некрологом на смерть поэта, написанным В. Ф. Одоевским:

Я должен вам передать <...> что министр крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине!? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии!!» Помилуйте, за что такая честь? <...> Писать стишки не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить великое поприще!¹⁶

В столице князь (за исключением последних лет жизни) жил открытым домом, имел много знакомых, среди которых считался любезным и приятным собеседником, устраивал вечера, а иногда и балы, на которых бывали император и члены царской семьи. Князь Александр Михайлович отмечал:

У него была еще одна специальность: во всем Петербурге он считался лучшим игроком в карты, в смысле умения правильной игры, так что всякий считал за особенное удовольствие с ним играть. Он играл только в вист, преферанс, ералаш; его интересовал не выи-

грыш, а правильный ход игры <...> в азартные же игры или в игру на большие деньги он не пускался. За карточным столом, играя с высшими сановниками, он имел возможность узнавать все, что делалось в России, обсуждать политические вопросы, узнавать на счет этих вопросов воззрение разных людей, в том числе всех иностранных дипломатов с которыми он был знаком и везде встречался. Все это его интересовало и он не тяготился ездить в большой свет, на все балы, на все парадные обеды, все это не обходилось без его присутствия, а у Государственного Канцлера, графа Нессельроде, с которым он был близко знаком, он бывал постоянно, это был его любимый салон¹⁷.

Семья князя к тому времени была большой: пять сыновей, пять дочерей, две осиротевшие племянницы. По свидетельству князя Н. Д. Жевахова, известного религиозного деятеля, близкого знакомого Дондуковых-Корсаковых, князь «лично руководил воспитанием своих детей, внимательно следил за их духовным ростом, прислушивался к их духовным запросам и между ним и его детьми существовали близкие дружеские отношения»¹⁸.

Однако сохранились и другие воспоминания о семейных отношениях Михаила Александровича со своими детьми. Правнук князя Н. В. Волков-Муромцев, вспоминая о своем общении с М. М. Дондуковой-Корсаковой, писал: «Мне всегда говорили, что ее отец князь Михаил Александрович был невероятным тираном, что все дети его боялись. Она (М. М. Дондукова-Корсакова. — Т. М.) о нем в письмах брату никогда не упоминает, как будто он и не существует»¹⁹.

По состоянию здоровья Михаил Александрович был вынужден лечиться за границей. В 1861 году, в Брюсселе, он близко сошелся с Л. Н. Толстым, который приехал туда, чтобы заказать скульптору Гефсу бюст своего только что умер-

шого брата Николая. «Здесь я, напротив, живу очень тихо, — сообщал писатель брату Сергею. — Это уездный городок по сравнению с Лондоном и здесь у меня знакомые Дондуковы, старик, старуха, две больные дочери и одна 15 лет, стало быть ничего нет по части Гименея. Впрочем, по этой части уж очень плоха надежда, так как последние зубы поломались. Но дух бодр»²⁰.

Бывая практически ежедневно в доме князя, Толстой испытал «кроткое чувство семейности»²¹. Незадолго до приезда в Брюссель писатель в Гиере познакомился с племянницей князя Катенькой Корсаковой и в переписке с сестрой Марией Николаевной всерьез обсуждал возможность будущего брака. Это, по мнению Н. Н. Гусева, была «последняя перед женитьбой попытка Толстого устроить себе семейную жизнь»²². Софья Андреевна Толстая говорила, что Катенька и ее тетушка Е. А. Голицына послужили прототипами баронессы Шталь и ее воспитанницы Вареньки в романе «Анна Каренина»²³.

Переписка Толстого за время заграничной поездки свидетельствует о том исключительно большом месте, которое в его жизни занимала педагогика. Он не только изучал специальную литературу, но, очевидно, подбирал и соответствующую библиотеку, хлопотал о доставке книг в Россию. В этом ему значительную помощь оказал М. А. Дондуков-Корсаков. Так, вскоре после отъезда Толстого князь отправил ему подробное письмо о народных школах Бельгии: «По справкам, мною сделанным, оказывается, что никакого предписания циркуляра министра просвещения для народных школ в Бельгии не существует. Здесь преподавание свободно, и потому каждый, как говорится, во что горазд, т. е. каждый преподает по-своему»²⁴.

Вместе с отцом изучала систему народного образования в Европе и княжна Мари²⁵. Софья Андреевна Толстая, познакомившись с княжной в 1892 году, писала: «Я много слышала о ее добродетели и духовном совершенстве. <...> Сама она была точно не от мира сего, и главная задача ее жизни была в том, чтобы облегчать всякие страдания людей»²⁶.

В 1908 году, в разговоре о княжне Марии Михайловне, которая неоднократно пыталась вернуть писателя в лоно православной церкви, Толстой иронично заметил: «Это дочь „Академии наук“?»²⁷

Судя по сохранившимся письмам, князь высоко ценил творчество Толстого, дорожил их отношениями. В 1861 году он писал ему из Германии: «Я любил всегда литературные произведения графа Толстого, но сознаюсь, что простое приятное письмо ваше еще более для меня приятнее»²⁸.

Общение Дондукова с Толстым было недолгим, о чем Михаил Александрович очень сожалел: «По возвращении моем на родину дочь моя Мари, а по-вашему Марья Михайловна, сообщила мне письмо ваше от 18 мая. В нем вы сами называете себя преступным, а по-моему были вы, любезный Лев Николаевич, несколько виноватым, что прервали без всякой причины ваши отношения со мной, которые были столь нецеремонными и, смею сказать, самые дружеские»²⁹.

Писатель, в свою очередь, с большой теплотой и даже заботой относился к старому князю. В этом смысле чрезвычайно интересно письмо Толстого, написанное в 1861 году из Франкфурта-на-Майне и адресованное невестке князя Аделаиде Николаевне. Это послание вновь, через много лет, возвращает нас к известной пушкинской эпиграмме:

Тайна. Я для того написал это слово, чтобы, ежели вам случится получить это письмо при Князе, вы бы не сказали ему от кого, не читав письмо. Вот в чем дело, лобезная Княгиня Аделаида Николаевна, и просьба моя к вам: есть новое Герценовское издание всех запрещенных в России стихов. Так как Князь любит иметь все новости, я боюсь, чтобы он не купил книгу, а в ней есть глупые ребяческие стихи Пушкина на Князя Дундукова, хотя и не очень злые, но пошлые и насмешливые. Мне бы хотелось избежать этой неприятности для него и, зная вашу практичность и спокойствие, не говоря о других качествах, которые вы разделяете со своим семейством, я обращаюсь именно к вам. Отвратите от него как-нибудь эту во всех отношениях мерзкую книгу, или вырвите этот листок, ежели он ее купит³⁰.

Вспоминая о недолгом знакомстве с Михаилом Александровичем, Толстой неизменно отзывался о нем с теплотой: «Сангвиник, любит поест, вино...»³¹. В 1908 году, в разговоре о М. М. Дондуковой-Корсаковой Толстой заметил: «Он был добродушнейший человек. Действительно, ему не уместно было заседать»³². А спустя несколько месяцев писатель вновь вспомнил старого знакомого: «Напрасно Пушкин его так осудил. Он был самый обыкновенный, старого века человек»³³.

В последние годы жизни, по словам князя Александра Михайловича, «отцу пришлось испытать много горя, много разочарований: к тому же материальные его дела совершенно расстроились и его мучила мысль оставить после себя любимую им семью <...> в самом стеснительном и затруднительном положении в будущих средствах существования»³⁴.

Князь Михаил Александрович скончался после непродолжительной болезни 29 августа 1869 года на 75-м году жизни в своем имении Глубокое. Похоронен в семейном

склепе имения Полоная (ныне с. Полоное) Порховского уезда.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: *Корнева Н. М.* К истории родов Дондуковых, Корсаковых и Дондуковых-Корсаковых // Псков. 2001. № 14. С. 77–84; *Груздева Т. Н.* Владельцы имения Глубокое // Псков. 2004. № 21. С. 81.
- ² *Дондуков-Корсаков А. М.* Род князей Дондуковых-Корсаковых. Тифлис, 1886. С. 94–95.
- ³ *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 206.
- ⁴ *Дондуков-Корсаков А. М.* Род князей Дондуковых-Корсаковых. С. 73–74.
- ⁵ Там же. С. 61–62.
- ⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 353. С. 2.
- ⁷ Там же. Л. 24.
- ⁸ Цит. по: *Виттекер Ц. Х.* Граф С. С. Уваров и его время. СПб., 1999. С. 592.
- ⁹ *Дондуков-Корсаков А. М.* Род князей Дондуковых-Корсаковых. С. 94.
- ¹⁰ Русский биографический словарь. СПб., 1905. С. 592.
- ¹¹ Русский архив. М., 1892. Т. 2. С. 490.
- ¹² *Шляткин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 259.
- ¹³ Дневник Пушкина 1833–1855 / под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923. С. 26.
- ¹⁴ Цит. по: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 145.
- ¹⁵ Приношу благодарность И. С. Сидорову за предоставленные сведения.
- ¹⁶ Цит. по: *Вересаев В.* Пушкин в жизни. М., 1984. С. 615.
- ¹⁷ *Дондуков-Корсаков А. М.* Род князей Дондуковых-Корсаковых. С. 102–103.
- ¹⁸ *Жевахов Н. Д.* Княжна М. М. Дондукова-Корсакова. СПб., 1913. С. 6.
- ¹⁹ *Волков-Муромцев Н. В.* Юность. М., 1997. С. 66.
- ²⁰ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1928–1958. Т. 60. С. 372.
- ²¹ Там же. Т. 48. С. 32.
- ²² *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957. С. 418.
- ²³ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 449.
- ²⁴ Там же. Т. 60. С. 518.
- ²⁵ Подробнее об этом см.: *Жевахов Н. Д.* Княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова. СПб., 1913.
- ²⁶ *Толстая С. А.* Моя жизнь. М., 2011. Т. 2. С. 294–295.
- ²⁷ Цит. по: *Маковицкий Д. П.* Яснополянские записки. М., 1979. Т. 3. С. 211.
- ²⁸ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 60. С. 518.

- ²⁹ Там же. С. 520.
- ³⁰ Там же. С. 377.
- ³¹ Цит. по: *Маковицкий Д. П.* Яснополянские записки. Т. 1. С. 420.
- ³² Там же. Т. 3. С. 211.
- ³³ Там же. С. 408.
- ³⁴ Старина и новизна. Исторический сборник. СПб., 1902. Кн. 5. С. 191.

III

К расшифровке преддуэльных писем Пушкина

...Высшее общество, как справедливо заметил один из новейших писателей, составляет во всей Евр.<опа> одно семейство.

А. С. Пушкин. О ничтожестве литературы русской <1834>

Шестого февраля 1837 года, отвечая на вопросы комиссии военного суда, Жорж д'Антес¹ показал:

Генваря 26-го Нидерландский посланник Барон Геккерн получил от Камергера Пушкина оскорбительное письмо, касающееся до моей чести, которое якобы он неадресовал на мое имя единственно потому, что считаит меня подлецом и слишком низким. Все сие может подтвердится письмами находящимися у ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА².

Девятого февраля комиссия констатировала, что «письма, на кои ссылается д'Антес, получены от графа Нисельрода»³. С писем были сняты копии, сделан их перевод с фран-

* **Орлов** Владимир Евгеньевич — кандидат филологических наук, инженер, военный переводчик. Автор научных и научно-популярных книг и статей по вопросам медицины (иридодиагностике) и литературоведению. Печатался в «Роман-газете», в журналах «Вопросы литературы», «Филологические науки». Член редколлегии сборников статей Института мировой литературы (ИМЛИ РАН) «Московский пушкинист», «Пушкин в XXI веке»; составитель, редактор и переводчик 7 тома полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова (Изд-во «Воскресенье», 2015); директор Литературного форума «Золотой витязь». Сфера научных интересов: медицина; научный перевод; биография А. С. Пушкина в свете его эпистолярного наследия.

цузского языка, а сами они возвращены графу Нессельроде. Был ли в их числе подлинник январского письма Пушкина и где он находится в настоящее время — неизвестно. Все исследования январского письма проводились по хранящимся в настоящее время в ИРЛИ копии из военно-судного дела и так называемой «автокопии», которая, как считается, сделана самим поэтом и которая была приобретена в 1918 году у племянницы секунданта Пушкина К. К. Данзаса.

Впервые «автокопия» январского письма была воспроизведена факсимиле в книге А. Аммосова «Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина», изданной в 1863 году⁴. К книге приложены копии и других документов о дуэли, причем специально указано, что эти копии сняты с соответствующих подлинников, которые «все доставлены К. К. Данзасом» (здесь и далее разрядка моя. — В. О.).

Книга Аммосова вызывает ряд вопросов. Неясно, во-первых, как могли попасть к Данзасу подлинники документов, и сейчас хранящиеся в военно-судном деле, доступ к которому был, конечно же, ограничен, поскольку в нём оказались затронутыми иностранные дипломаты, император Николай I и высшие сановники империи. Во-вторых, как мог оказаться у Данзаса подлинник приложенного к книге письма Пушкина главе III отделения графу Бенкендорфу? Наконец, когда и при каких обстоятельствах вновь попала к Данзасу «своеручная копия» пушкинского письма, которую он направил 4 февраля 1837 года шефу жандармов с «покорнейшею просьбою» показать ее «Его Императорскому Величеству как покровителю и благодетелю несчастного семейства Пушкиных»⁵?

В тексте «автокопии» содержатся многочисленные сокращения, описки и даже ошибки, хотя она написана четким и неторопливым почерком. Сам почерк отличается от почер-

ка «французских» беловых писем поэта. «Автокопия» не подписана и не датирована Пушкиным.

Проведенный Н. В. Измайловым сравнительный анализ текстов «автокопии» и копии из военно-судного дела выявил значительные расхождения между ними⁶.

Часть вопросов снимается допущением, что приложение к аммосовской книге комплектовалось автором из документов военно-судного дела с привлечением других источников. Такое допущение необходимо и потому, что к книге Аммосова оказался приложенным «подлинник» письма Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 21 ноября 1836 года.

Ни в копии из военно-судного дела, ни в «автокопии» нет ни слова обвинения барону в авторстве порочивших имя поэта «пасквильных дипломов». В ноябрьском же письме к Бенкендорфу говорится:

Утром 4 ноября я получил три экземпляра безыменного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено я сразу же догадался, что оно от иностранца, человека высшего общества, дипломата. Я занялся розыском. Я убедился, что безыменное письмо — от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом известить правительство и общество. Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и вследствие этого не требуя ни правосудия, ни мщения, я не могу, да и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что я утверждаю⁷.

Почему спустя два месяца Пушкин не стал настаивать на том, что автором «безыменного» письма был Геккерн, не было выяснено.

Аммосов приводит в своей книге слова Данзаса о том, что «автором анонимных записок, по сходству почерка, Пушкин подозревал барона Геккерна, отца, и даже писал об

этом графу Б.»⁸. Из этого можно заключить, что сам Данзас не видел «дипломов на звание рогоносца», написанных, как известно, «печатными» буквами, т. е. почерком, не имеющим ничего общего с почерком Геккерна, и просто дословно воспроизвел аргументацию Пушкина.

Очевидно, в январской дуэльной истории Пушкин не хотел говорить о «пасквильных дипломах». Смещение акцентов в установлении истинных причин событий в сторону этих дипломов произошло в результате целенаправленных действий более осведомленных, чем Данзас, друзей поэта, что, впрочем, устраивало и его врагов. Князь П. А. Вяземский включил изложение пушкинского письма к Бенкендорфу в так называемый дуэльный сборник, появившийся в обществе вскоре после смерти Пушкина⁹.

Отвечая на высказываемое пушкинистами мнение, что К. К. Данзас не допустил бы публикации под своим именем фальшивки (во время выхода книги он был жив), можно рассматривать книгу Аммосова как результат предпринятого автором намеренного смешения действительных воспоминаний лицейского друга Пушкина и собственных «трудов».

Вернемся к «пасквильным дипломам». Если в январе 1837 года Пушкин не намеревался обвинять Геккерна в их написании, то следует, казалось бы, сказать прямо противоположное о ноябрьской ситуации, судя по написанному 21 ноября письму Пушкина к Бенкендорфу. Однако этому противоречит воспоминание В. А. Соллогуба о прочитанном ему в тот день письме, адресованном барону Геккерну. «Он (Пушкин) запер дверь и сказал: „Я прочитаю вам мое письмо к старику Геккерну. С сыном уже покончено. Вы мне теперь старичка подавайте“. Тут он прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику».

Вспоминая затем январские события и прочитанную им копию письма Пушкина к Геккерну от 25 января 1837 года, Соллогуб замечает: «Письмо, впрочем, было то же самое, которое он мне читал за два месяца, — многие места я узнал»¹⁰.

Из сообщения Соллогуба, единственного человека, которому Пушкин читал ноябрьское письмо к Геккерну, видно, что молодой друг поэта не нашел между ноябрьским и январским письмами существенной разницы. Значит, и в ноябрьском письме не было утверждения, что автором дипломов на звание рогоносца был Геккерн. Иначе Соллогуб не написал бы в своих воспоминаниях и такой фразы: «Кто был виновным в сочинении „ругательных дипломов“ осталось тогда еще тайной непроницаемой»¹¹.

Ноябрьское письмо А. С. Пушкина к Л. Геккерну дошло до нас в виде фрагментов.

Клочки бумаги, на которых были написаны эти фрагменты, составили, как считалось вначале, две черновые редакции январского письма. Б. В. Казанский¹² и Н. В. Измайлов¹³ провели анализ двух писем и их реконструкцию, доказав, что эти письма являются не черновыми редакциями январского письма Пушкина к Геккерну, а беловыми — ноябрьского. Отдавая должное огромной работе, ими проделанной, нельзя все же согласиться с принятой ими концепцией — возможностью реконструировать тексты писем посредством обоюдных заимствований. Полученные таким способом «текст А» у Измайлова и «сводный текст» у Казанского не отражают динамики событий с начала ноября 1836 года по 26 января 1837 года и изменение позиции поэта.

Приведем текст сохранившихся фрагментов первого пушкинского письма без позднейшей авторской правки, в переводе с французского языка.

Текст на первом листе письма:

Господин барон,

Прежде всего, позвольте сделать краткий обзор того, что только что произошло. — Поведение вашего сына было мне вполне известно и не могло быть мне безразлично, но так как оно не выходило из границ благопристойности и, кроме того, я знал, сколько моя жена заслуживает моей доверенности и моего <...>¹⁴ с тем, чтобы <...> на сердце молодой женщины <...>) муж, по крайней мере, если он не полупел, вполне естественно становится поверенным своей жены и ее твердым наставником. Признаться, я был не без тревоги. Случай, который в любое другое время был бы мне крайне неприятен, позволил весьма удачно выйти из положения: я получил безыменные письма. Я увидел, что время настало, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь забавную и столь жалкую, что моя жена, в удивлении от такой плоскости, не смогла удержаться от смеха и волнение, которое, быть может, некогда почувствовала она при виде этой великой и возвышенной страсти, угасло в отвращении самом покойном и как нельзя более заслуженном. Но вы, господин барон, какова была ваша собственная роль во всем этом деле?

Вы, представитель коронованной главы, вы были <...> старухе, вы разве только не подстерегали <...> углах, чтобы говорить ей о вашем сыне, и когда, большой венерической болезнью, он был изнурен лекарствами, вы говорили, подлец, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: возвратите мне сына —

Текст на втором листе письма:

Вы видите, что я не стесняю себя: но погодите, это еще не все: я же говорил вам, что дело запутывается. Возвратимся к безыменным письмам. Вы же догадываетесь, что они для вас интересны.

Следует еще раз подчеркнуть, что письмо написано Пушкиным первоначально как беловое. Об этом свидетельствуют четкий, разборчивый почерк и полная подпись. Все

правки внесены «для себя». Некоторые новые слова не вполне разборчивы. Это сделало черновым бывшее беловое письмо.

Освободив первоначально написанный Пушкиным текст от последующих наслоений, получим следующее продолжение первой редакции:

2 ноября вы узнали от вашего сына новость, которая доставила вам большое удовольствие. Он сказал вам, что я в замешательстве, что моя жена боится одного из этих писем и что она от всего этого теряет рассудок. Вы решили нанести окончательный удар. Я получил <...> экземпляров безыменного письма (из тех, которые были распространены), но так как это письмо было изготовлено с <...> был уверен, что найду моего сочинителя, и не беспокоился больше. Действительно, после менее чем трехдневного розыска, я...

.....
.....¹⁵ — Если дипломатия лишь искусство узнать, что делается у других, и посмеяться над их планами, вы отдадите мне справедливость, признав, что были побеждены по всем пунктам.

Две вымаранные поэтом полустроки чрезвычайно трудно поддаются расшифровке. Ясно, что в них Пушкин подводил итог предпринятых им розысков «сочинителя» и они не могли содержать слов общего характера, вроде «нашел, что искал», «открыл истину» и т. п., иначе поэт не стал бы так тщательно вымарывать их (см. рис. 1).

Мне удалось расшифровать текст этих двух полустроков: Пушкин тщательно вымарал, а затем дополнительно еще и замаскировал следующие слова: «*découvris le tentateur embar(r)as-sé irrévérencieusement*» (см. рис. 2).

И тогда все предложение переводится так: «Действительно, после менее чем трехдневного розыска, я обнаружил искателя, непочтительно поставленного в затруднительное положение».

Пушкин далее пишет:

Теперь я подхожу к цели моего письма. Быть может, вы желаете знать, что помешало мне до настоящего времени опозорить вас в глазах дворов вашего и нашего. Извольте, я вам сейчас это скажу. Я добр, простодушен <...> но у меня чувствительное сердце <...> Дуэли мне уже недостаточно <...> и чем бы она ни кончилась <...> достаточно отомщен ни <...> вашего сына, ни письмом <...> до малейшего следа этого подлого дела, из которого мне будет легко составить превосходную главу в истории рогоносцев.

Честь имею быть, господин барон, вашим покорнейшим слугою
А. Пушкин¹⁶.

Пушкин начал править свое письмо с того, что вымарал и замаскировал (очевидно, желая сохранить оригинал письма) две полустроки на лицевой стороне 2-го листа письма, написав над ними «savais à quoi m'en tenir» («знал, как мне поступить»), а затем стал редактировать текст, сокращая и вписывая в него новые слова и целые предложения. Так образовалась первая черновая редакция «второй белой редакции» письма, которое, как известно, тоже было найдено разорванным в кабинете Пушкина и дошло до нас в виде 16 (из 32) обрывков.

Вслед за Н. В. Измайловым и Б. В. Казанским я провел реконструкцию этой черновой и второй белой редакции пушкинского письма.

Текст первых двух страниц первой белой редакции письма Пушкин оставил практически без изменений.

Текст третьей страницы подвергся наибольшим изменениям. Во-первых, Пушкин вычеркнул первый абзац (от слов «Вы видите, что я не стесняю себя» до слов «Вы же догадываетесь, что они для вас интересны»), сразу перейдя к событиям, произошедшим 2 ноября 1836 года. Во-вторых, он произвел значительную правку продолжающего письмо фрагмента:

Вы решили нанести окончательный удар. <...> составлен (составлено, -лена — в зависимости от рода имени существительного, написанного перед глаголом. — В. О.) вами и <...> я получил несколько экземпляров (из тех, которые были распространены), но так как это письмо было изготовлено с <...> был уверен, что найду моего сочинителя, и не беспокоился больше. Действительно, после менее чем трехдневного розыска, я знал, как мне поступить.

Если дипломатия лишь искусство узнать, что делается у других, и посмеяться над их планами, вы отдадите мне справедливость, признав, что были побеждены на всех пунктах.

Теперь я подхожу к цели моего письма. Вы ее знаете. Я добр, простодушен <...> но у меня чувствительное сердце <...> Дуэли мне уже недостаточно <...> и чем бы она ни кончилась <...> достаточно отомщен ни <...> вашего сына, ни письмом <... ..> до малейшего следа этого подлого дела, из которого мне будет легко составить превосходную главу в моей истории рононосцев.

Честь имею быть, господин барон, вашим покорнейшим слугою
А. Пушкин.

Что касается реконструкции второй белой редакции письма Пушкина к Геккерну, то именно из нее делают вывод о «двухлетнем постоянстве» д'Антеса в его «великой и возвышенной страсти» к Наталье Николаевне, и именно она якобы подтверждает авторство Геккерна «дипломов на звание рононосца» (см. рис. 3).

Сначала — о «двухлетнем постоянстве». В промежуток из 22-х пробелов соответствующих строк с необъяснимо большим превышением укладывается 17-знаковый вариант Б. В. Казанского «*années finissent*», а Н. В. Измайлов так и не смог предложить какое-либо слово вместо многоточия в своем варианте «*deux ans ... finiroint*», который, впрочем, неверен и грамматически. Что касается «некоторого» или «известного» «впечатления на сердце молодой особы», то предложенное Измайловым слово «*impression*» не может поместиться в пропуск соответствующей строки. Казанский

же переводит удачно найденное им «quelque effet» тоже как «впечатление».

Главное, пожалуй, вот в чем. Начатая Пушкиным фраза «Я хорошо знал...» должна иметь характер какой-то общей сентенции, а «двухлетнее постоянство» не обязательно для произведения впечатления для любого молодого человека на любую «*молодую особу*» (словосочетание, никогда, кстати, не использовавшееся Пушкиным, если ему надо было что-то сказать о женщине или девушке): одному для этого надо больше времени, другому — меньше.

Я предложил выверенную по месту и по контексту реконструкцию текста фрагмента письма, или в переводе, с примыкающим к фрагменту последующим текстом:

...вмешаться, когда я сочту это кстати. Я хорошо знал, что красивая наружность, несчастная физиономия, настойчивость двух гонителей всегда производят, в конце концов, некоторое действие на сердце молодой женщины и что тогда муж, по крайней мере, если он не поглупел, вполне естественно становится поверенным своей жены и ее твердым наставником (см. рис. 4).

От второго листа письма сохранилось только пять обрывков. Их перевод: ...«<с вашим> сыном сличение, в намерении нанести задуманный удар. Список безыменного письма был составлен вами (перевод дословный; следовало бы перевести более точно стилистически: «С безыменного письма вами была снята копия», но тогда так не говорили. — В. О.) и <...> я получил три экземпляра <...> которые <были распространены>».

Итак, в тексте второй белой редакции ноябрьского письма мы находим подтверждение того, что Пушкин обвинил Геккернов не в авторстве «дипломов», а в снятии и рас-

пространении копий «безыменного» письма. Было ли это письмо от «искусителя» Натальи Николаевны или от «доброжелателя», оповещавшего Пушкина о мнимой измене его жены с д'Антесом с целью столкнуть его с кавалергардом? Я склоняюсь в пользу первого предположения.

Теперь о письме А. С. Пушкина к начальнику III отделения Его Императорского Величества канцелярии графу А. Х. Бенкендорфу. Письмо было написано 21 ноября 1836 года и, как считается, не отослано адресату.

Подлинник пушкинского письма был обнаружен сравнительно недавно, в архиве П. И. Миллера, секретаря шефа жандармов¹⁷. Черновик пушкинского письма к Бенкендорфу (четыре клочка плотной голубоватой бумаги, исписанные с обеих сторон) поступил в ИРЛИ в 1929 году в составе так называемого майковского собрания.

Пушкин взял для черновика сложенный пополам лист бумаги с неоконченным письмом к неизвестному лицу, перевернул его на 90° чистой стороной вверх и начал писать быстрым и все более небрежным, по мере работы над письмом, почерком. Заключительная часть написана поперек строк начальной его части. В результате воспроизведение и анализ пушкинского текста представляют определенные трудности (см. рис. 5).

Черновое письмо Пушкина к Бенкендорфу было издано В. И. Саитовым и им прочитано, хотя, по замечанию Б. В. Казанского, и «не вполне»¹⁸.

Черновик несет на себе следы правки, сделанной рукой Пушкина (кроме одного исключения — о нем см. ниже), и образует, в свою очередь, как бы две черновые редакции. Текст первой черновой редакции легко соотносится с текстом сохранившегося белого оригинала, в чем можно убедиться, сравнив их.

Нашего внимания заслуживает анализ подчеркнутой строки на оборотной стороне первого листа черновика.

Остается только догадываться, почему исследователи не заметили следов чьего-то чужого (не пушкинского!) вмешательства в текст строки и не увидели, что достоверной можно считать только первую букву «М» из прочитанной ими как «ММН» аббревиатуры: вторая буква переделана в «М» из другой буквы (предположительно из «j»), третья — вообще не «Н», а сочетание косой черты («/») со значком, напоминающим нижнюю часть строчной буквы «l»; поперечина же пресловутого «Н» — не что иное, как часть второй буквы «t» слова «tout» из написанной позже поперек страницы строки. Кроме того, в следе строки вытерты буквы, эту строку продолжающие (части этих букв, не принадлежащие каким-либо написанным словам черновика, остались в следе слова, начинающегося с буквы «М»), и тщательно, «не попушкински», подправлен остальной текст в местах пересечений слов. Чья фамилия стояла за пушкинской «М» или начиналась с нее? Или чей титул? (см. рис. 6).

Современная криминалистическая экспертиза вполне в состоянии ответить на этот вопрос. Тогда бы мы точно узнали, кого подозревал Пушкин (по крайней мере, до аудиенции у царя 23 ноября 1836 года) в авторстве письма, положившего начало трагедии. В этой связи заслуживают внимания свидетельство В. Соллогуба о том, что Пушкин назвал ему «одну даму», и утверждение Александра II: «Я знаю, кто был автором анонимного письма. Это — Несельроде», положенные в основу гипотезы В. Ходасевича о том, что автором анонимного письма (но не пасквильного «диплома», как предположил Ходасевич) была М. В. Несельроде — жена министра иностранных дел Российской империи, злейший враг Пушкина.

Далее. Б. В. Казанский, по отдельным верхушкам слов и акцентам, оставшимся от нижней строки написанного поперек начального текста, восстановил ее так: «*employés ducorps diplomatique*» — и дал такой перевод всей строки: «Я счел моим долгом предупредить правительство и общество, что один из чиновников дипломатического корпуса...». С реконструкцией Казанского нельзя согласиться по нескольким важным причинам. Хотя слово «*employé*» переводилось и переводится в настоящее время как «чиновник», но и в XIX веке и сейчас под ним подразумевается обыкновенный «служащий» типа канцеляриста, письмоводителя. Пушкин не мог оставить этих слов после дальнейшей правки черновика, когда он напишет об авторе анонимного письма как о «важной особе», а над этой строкой даст к существительному, начинающемуся с «*em*», определение «*étrangers*» (возможное чтение: «один из иностранных чиновников дипломатического корпуса»). Словари дают много слов, начинающихся с «*em*». Но контексту письма с учетом правила переноса соответствует только одно из них — существительное «*empirique*» («шарлатан»).

Окончательная черновая редакция письма, если судить по ее сохранившимся частям, почти идентична оригиналу, кроме нескольких исключений. Так, например, Пушкин вновь возвращается в ней к варианту, где говорит об авторе полученного им анонимного письма как о «человеке <высшего общества>», а не о «важной особе». Становится очевидным, что Пушкин хотя и разгадал, кто был автором «безыменного» письма, но не пожелал представить решающих доказательств в официальном письме, чтобы не компрометировать свою жену.

Письмо Пушкина к Бенкендорфу было предостережением в адрес двух загонщиков жертвы, посягавших на честь

Пушкина и его жены. Можно предположить, что на данной Пушкину аудиенции Николай I пообещал найти автора анонимного письма, полученного поэтом.

Барон и его «приемный сын» не могли допустить крушения своих честолюбивых планов и возобновили преследование Натальи Николаевны в надежде спровоцировать дуэль.

Пушкин посылает 25 января 1837 года Л. Геккерну письмо, которое барон выставит потом как формальную причину вызова Пушкина на поединок с д'Антесом.

Считается, что Пушкин, работая над январским письмом к Геккерну, взял за основу свое ноябрьское, 1836 года, письмо, слегка подправил его и 25 (ранее считалось — 26) января 1837 года отправил барону. В качестве доказательств обычно приводят: упомянутые «копию» январского письма из военно-судного дела и «автокопию» того же письма; письмо П. А. Вяземского великому князю Михаилу Павловичу¹⁹; воспоминания К. К. Данзаса и В. А. Соллогуба.

Письмо Вяземского и позднейшие воспоминания Данзаса и Соллогуба вполне укладываются в русло той интерпретации преддуэльных событий, которая была принята по приказу царя и устраивала как врагов Пушкина, так и его друзей — позволяя последним, как они думали, соблюсти интересы жены и детей Пушкина. «Надо признать, — отмечал П. Е. Щеголев, — что победу и в памяти современников, и в памяти потомства одержали они, друзья Пушкина. Своим пониманием Пушкина, которое было манифестировано ими сейчас же после смерти и по поводу ее, они заразили всех исследователей и биографов Пушкина»²⁰.

Обратимся ко второй белой редакции ноябрьского, 1836 года, письма Пушкина к Геккерну. Пушкин отредактировал на 2-й странице фразы о роли Геккерна:

Вы, господин барон, позвольте мне заметить, что роль, которая <...> во всем этом деле, не есть <...>. Вы, представитель коронованной главы, вы были сводником <...> вашему выблядку, или так называемому побочному сыну, вы управляли всем поведением этого молодого человека. Именно вы внушали ему низости <...> выдавать, и глупости, которые он <...> Подобный похабной старухе, вы <...> мою жену по всем углам, чтобы ей <...> сына, и когда, больной венерической болезнью, он был <...>.

Затем Пушкин карандашом написал над «сводником» слово, которое Б. В. Казанский и Н. В. Измайлов прочитали как «paternellement» и перевели его как «отечески». Но в оригинале нет второго «l»: Пушкин написал наречие «paternelement» («притворно отечески»), образовав его от прилагательного «paterne», а не от «paternel», и отсутствие в нем второго «l» в таком случае абсолютно верно.

Ошибку пушкинистов можно объяснить только «заимствованием» этого слова из «автокопии», которая в результате оказывается лишь списком с отредактированной Пушкиным второй редакции ноябрьского письма. И еще: ни стилистически, ни, в первую очередь, фактологически Пушкин не мог вставить в копию, если бы она была написана им самим, два слова «probablement» («вероятно») в одно, следующее за фразой о сводничестве Геккерна, предложение: «Все его (д'Антеса) поведение было, вероятно, управляемо вами; именно вы, вероятно внушали ему низости, которые он осмеливался выдавать, и глупости, которые он осмеливался писать».

Что касается «копии» из военно-судного дела, то и она оказывается дискредитированной упомянутыми «probablement» и «paternellement».

Итак, обе так называемые копии январского письма восходят к одному источнику — исправленной Пушкиным второй белой редакции ноябрьского письма.

Что же было в январском письме Пушкина?

Сохранилось пять клочков с текстом, написанным Пушкиным карандашом с чернильными поправками. Клочки складываются в неполный — три клочка средней части утраченного — лист.

Я не беспокоюсь, что моя жена еще слушает ваши притворно отеческие увещания, я не желаю, чтобы моя жена <...> некий наглый родственник г-н... после... и представлять ей гнусное поведение как жертвоприношение... одному монарху... в сплетнях... примешивать и я... предостеречь от этого... я имею вашу мерку, вас обоих, вы моей еще не имеете. —

Вы спросите, что помешало мне опозорить вас перед нашим двором и вашим, и обесславить вас в... , которая мстит за меня... это не воображаете... оставить еще... подлое дело, которого я... и пр. — но, я это повторяю, необходимо, чтобы все отношения между вашей семьей и моей отныне были прерваны. —

К этому черновику можно добавить еще пять клочков из майковского собрания. Тексты на клочках не повторяются, что дает возможность рассматривать их в некоторой, хотя, разумеется, и условной, совокупности:

«...Я не... вы сыграли втроем одну роль... наконец, мадам Экрен. Однако, ваш сын, недовольный... могу позволить, чтобы...»
«конечно, я не... отпускать ей... волочиться и...»
«...хорошо, г-н барон, ...всё это я не... позволить, чтобы...»
«Вот... Я желаю... было больше... которое недавно...»
«...пишет, что... Петербург. (?) В феврале... родственниками... должность... император... правительство... говорил о вас... твердите...»

Можно найти некоторые соответствия отдельных частей этих черновых текстов текстам «копий». Более продуктивно рассматривать их как самостоятельный эпистолярный

материал, так как в них нашли отражение моменты, отсутствующие в обеих редакциях ноябрьского письма и в пресловутых «копиях» январского письма. Во всяком случае, этот, несомненно пушкинский, эпистолярный материал, с большим основанием следует относить к январскому, 1837 года, письму Пушкина к Геккерну, чем сомнительные «копии».

То, что царь и его ближайшее окружение узнали о существовании, по меньшей мере двух, писем Пушкина к Геккерну, косвенно подтверждено в конфиденциальном письме императрицы Александры Федоровны к графине С. А. Бобринской: «Пушкин вел себя непростительно, он написал наглые письма (а не одно письмо. — В. О.) Геккерну, не оставив ему возможности избежать дуэли»²¹. Вспомним и о том, что в комиссию военного суда «письмо Пушкина» было передано через Нессельроде, которому Геккерн послал его в числе пяти документов. Но через некоторое время Геккерн направил Нессельроде еще один «документ, которого не хватало» в числе тех, что барон вручил ему ранее. Российский министр иностранных дел, который находился с послом Нидерландов в отношениях, выходящих за рамки официального протокола, не мог не выполнить требования официальной комиссии — предъявить ей важный документ. Можно уверенно предположить, что этим документом было настоящее январское письмо Пушкина, утаить которое барон теперь не мог, так как уже 4 февраля Данзас послал Бенкендорфу для императора «своеручную» копию этого письма, узнав, что его содержание «перетолковывается в городе весьма в невыгодную сторону для Пушкина».

Из приведенных выше отрывков черновика письма Пушкина видно, что оно не имело оскорбительного характера.

Поэтому его нельзя было выставить причиной вызова на дуэль, и Геккернам пришлось выдать за полученное ими в январе письмо список с неотосланного ноябрьского письма, которое могло попасть в руки интриганов, например, от Екатерины Гончаровой, ставшей женой д'Антеса. За «своеручную» копию январского письма, которую получил от Пушкина Данзас и которая была в руках Бенкендорфа, выдали, в свою очередь, упомянутую «автокопию».

Это полностью реабилитирует Пушкина и многократно усиливает вину двух интриганов, не желавших выполнить его справедливые требования.

...Вернемся на три года назад, в 1833 год. Как известно, д'Антес явился в Россию «на ловлю счастья и чинов» из Франции через Германию, заручившись там рекомендательным письмом наследного принца Вильгельма Прусского к одному из влиятельных царедворцев — генерал-майору Адлербергу. Этого письма было вполне достаточно для наилучшего устройства д'Антеса в России: Николай I был связан тесными узами с прусским королевским домом, его жена была дочерью прусского короля. Это объясняет интерес, проявленный к д'Антесу нидерландским посланником в России бароном Геккерном, оказавшимся проездом в одном из европейских городов, в гостинице которого лежал больной француз. Барон взял молодого человека под свое покровительство.

Д'Антес был зачислен в кавалергардский полк, находившийся под патронажем царицы и поставлявший высокородным девицам и дамам двора кавалеров для придворных балов. Служа в этом полку, д'Антес подружился со многими отпрысками виднейших фамилий. Его приятелями были сын министра иностранных дел Д. Нессельроде и фаворит императрицы А. Трубецкой.

Ни сам д'Антес, ни усыновивший его Геккерн не могли, конечно, не обратить внимания на успех, которым пользовалась красавица Наталья Николаевна, окруженная толпой восторженных обожателей, среди которых были и приближенные царя, и представители иностранной аристократии. Два интригана повели планомерную атаку на жену Пушкина, стремясь совратить ее и сделать игрушкой в своих руках.

Д'Антес, демонстрируя, по ироническому замечанию поэта, «великую и возвышенную страсть» к Наталье Николаевне, втерся в пушкинскую семью, где оказывал знаки внимания не только жене главы дома, но и ее сестре Екатерине, втягивая и ее в постыдную игру. Геккерн руководил поведением молодого человека и сам подкарауливал Пушкину по всем углам, где шептал ей о «любви» своего «сына», умолял «спасти» его. Позднее сын Вяземского писал, что объяснение «раздражения» поэта «следует видеть не в волокитстве молодого Геккерна, а в уговаривании стариком бросить мужа»²². Молодой женщине предлагались даже планы бегства за границу под дипломатической эгидой нидерландского посланника.

Мы, как и Пушкин, верим в совершенную невинность Натальи Николаевны. Она сама оказалась, по выражению П. А. Вяземского, жертвой «адских козней», которые были устроены против Пушкина и его жены.

Царедворец М. А. Корф спустя годы вспоминал рассказ царя о встрече с Пушкиным (не была ли эта встреча ноябрьской аудиенцией в Зимнем Дворце?):

Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю как очень добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о коммеражах, которым ее красота

подвергает ее в обществе; я советовал ей быть как можно осторожнее и беречь свою репутацию, сколько для нее самой, столько и для счастья ее мужа при известной его ревности. Она, видно, рассказала это мужу, потому что, увидясь где-то со мной, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. — Разве ты мог ожидать от меня иного? — спросил я его. — Не только мог, государь, но, признаюсь откровенно, я и Вас самих подозревал в ухаживании за моею женой²³.

Хорошо осведомленный Вяземский в своей записной книжке написал, что в деле было замешано «дипломатическое лицо».

Понимая, какие последствия могло иметь разоблачение интриги, в которой участвовали иностранцы и которая закончилась гибелью великого русского поэта, царь приказал «предать всю историю (дуэльную. — *В. О.*) забвению». Было приказано опечатать бумаги поэта и сжечь те из них, которые могли скомпрометировать кого-либо из высокопоставленных лиц. Были приняты меры для предотвращения народного возмущения, которое могло бы обратиться против «иностраннных шарлатанов» вокруг престола и поколебать сам престол.

В записке, показанной умирающему поэту придворным лейб-медиком Н. Ф. Арендтом, царь взял на себя заботы о семье Пушкина, посоветовав ему «умереть по-христиански».

Два непосредственных виновника и исполнителя кровавой драмы были удалены из России.

Конкретная вина всех возможных участников травли и гибели поэта еще требует уточнения. Многие могли бы прояснить два важнейших документа, и по сию пору скрываемых от общественности, — подлинник письма Пушкина к Геккерну от 25 января 1837 года и письмо Николая I

к принцу Оранскому, в котором русский царь описал своему родственнику, будущему голландскому королю, события, связанные с роковой дуэлью.

Примечания

- ¹ В настоящем издании фамилия д'Антес приводится согласно французской языковой норме. — *Ред.*
- ² Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккерном. Подлинное военно-судное дело 1837 г., СПб., 1900. С. 43.
- ³ Там же. С. 48.
- ⁴ *Аммосов А. [Н.]* Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина со слов его бывшего лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса. СПб., 1863.
- ⁵ Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пг., 1924. С. 91–92.
- ⁶ *Измайлов Н. В.* История текста писем Пушкина к Геккерну (17–21 ноября 1836 — 26 января 1837) // *Летописи Государственного литературного музея.* Кн. первая. Пушкин. М., 1936. С. 345–348.
- ⁷ Цит. по: *Аммосов А. [Н.]* Указ. соч. С. 43–45. Подлинник на французском языке.
- ⁸ Там же. С. 9.
- ⁹ *Эйдельман Н. Я.* О гибели Пушкина. По новым материалам // *Новый мир.* 1972. № 2. С. 202.
- ¹⁰ Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 345–346.
- ¹¹ Там же. С. 346.
- ¹² *Казанский Б. В.* Письмо Пушкина к Геккерну // *Звенья* М.; Л., 1936. Кн. VI. С. 5–94.
- ¹³ *Измайлов Н. В.* История текста писем Пушкина к Геккерну // *Летописи Гослитмузея.* М., 1936. Кн. 1. С. 338–357.
- ¹⁴ Здесь и далее в текстах писем Пушкина многоточием, заключенным в угловые скобки, обозначен относительно небольшой пропуск текста, двойным многоточием — пропуск большого фрагмента.
- ¹⁵ Две полустроки тщательно вымараны Пушкиным, в нескольких местах бумага прорвана. К некоторым словам приписаны маскирующие их знаки и части букв.
- ¹⁶ *Гроссман Л. П.* Французские свидетельства о дуэли и смерти Пушкина // *Пушкинский временник.* М.; Л. 1939. Т. 4–5. С. 428–433.
- ¹⁷ *Эйдельман Н. Я.* О гибели Пушкина. По новым материалам // *Новый мир.* 1972. № 2. С. 202.

- ¹⁸ *Казанский Б. В.* Указ. соч. С. 48.
- ¹⁹ См.: *Щеголев П. Е.* Указ. соч. С. 257–271.
- ²⁰ Там же. С. 173.
- ²¹ *Герштейн Э. Г.* Вокруг гибели Пушкина // *Новый мир.* 1962. № 2. С. 214.
Конечно, в данном случае в сообщении императрицы важна не ее оценка пушкинских писем, а подтверждение ею наличия нескольких писем Пушкина к Геккерну.
- ²² *Вяземский П. П. А. С.* Пушкин по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. СПб. 1880. С. 71.
- ²³ *Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 684.

Пимен Орлов — портретист светского Петербурга 1834—1841 годов

Одним из главнейших достоинств портрета — есть сходство. Хорошо ли, дурно написан портрет, — схож, ему прощают многое, иногда и все. — Но где не известны оригиналы, там остается рассматривать портреты как простые этюды с натуры, и обращать внимание на рисунок и письмо.

*Художественная газета. 1836. № 11–12.
С. 171.*

Среди лиц из окружения А. С. Пушкина нередко встречаются имена, связанные с жизнью и творчеством Пимена Никитича Орлова. Нам не удалось найти документальных свидетельств встреч поэта и художника, однако смело можно утверждать, что некоторые портреты Орлова могли быть известны А. С. Пушкину.

П. Н. Орлов (1812–1865), уроженец Войска Донского¹ свою творческую деятельность начинал как художник-самоучка. Приехав в Петербург, он стал «своекоштным» учени-

Погодина Анна Александровна — искусствовед, хранитель отдела живописи XVIII — первой половины XIX в. Государственной Третьяковской галереи (Москва). Участник академического каталога ГТГ; автор монографических исследований, альбомов и статей о творчестве русских художников В. А. Тропинина, А. Г. Венецианова, М. Н. Воробьёва, С. М. Воробьёва, А. Г. Варнека, П. Н. Орлова и др. Сфера исследовательских интересов: история русского искусства, русские художники XVIII в., 1-й половины — середины XIX в.

ком Императорской Академии художеств, начал «совершенствовать» свое мастерство портретиста и в 1834 году был «удостоен за живопись к получению серебряной медали 2 степени»².

Почти сразу же талантливый молодой человек приобрел покровителей, среди которых были М. Х. Шевич, сестра графа А. Х. Бенкендорфа, графиня С. В. Строганова.

Жизнь в столице была дорога, и чтобы заработать на обучение и на свои «жизненные потребности», Орлов стал исполнять портреты представителей петербургского светского общества: придворных дам, флигель-адъютантов, представителей новой и старой знати. Современник отмечал, что Орлов имел «случай работать в лучших петербургских домах и, всегда верный своему слову, верный условиям и совестливый в отношении к своим трудам, приобрел общую доверенность»³.

Наиболее ранние живописные работы, исполненные художником в Петербурге, датируются 1835 годом. Среди них — хранящиеся в Государственном Эрмитаже портреты генерала Ивана Алексеевича Орлова и Софьи Васильевны Орловой-Денисовой, фрейлины императрицы Александры Федоровны в 1834–1837 годах⁴.

Однофамилец портретиста И. А. Орлов (1795–1874) так же, как и художник, происходил из Войска Донского. Возможно, именно это обстоятельство («землячество» в столице) помогло художнику получить заказ на исполнение портрета, работа над которым, судя по подписи, была окончена 6 июня 1835 года. Флигель-адъютант Николая I и командир лейб-гвардии казачьего полка, генерал Орлов в январе 1835 года был уволен от службы. На портрете он изображен в мундире генерал-майора Донского казачьего войска. Военная биография модели «читается» по наградам — орденам

Св. Анны 2-й степени с императорской короной, Св. Владимира 3-й степени, «*Virtuti Militari*» 2-й степени, медалям «В память войны 1812 года», «За взятие Парижа», «За русско-турецкую войну 1828–1829 годов», «За взятие Варшавы», золотой сабле с надписью «За храбрость» и знаку за 15 лет беспорочной службы.

Модели на обоих портретах помещены на нейтральном темном фоне. Женский портрет «смотрится» более выигрышно за счет нового яркого придворного русского платья, введенного в феврале 1834 года.

В ноябре 1835 года Совет Академии отметил успехи Пимена Орлова среди учеников, удостоенных «по третьему рисовальному экзамену» к получению серебряных медалей второго достоинства «за живопись с натуры». Однако художник принадлежал к податному крестьянскому сословию и медали не получил.

В 1836 году Орлов стал изображать модели на фоне пейзажа или в интерьере. Если верить версии, что изображенный на «Портрете неизвестного из рода Строгановых» действительно принадлежит к роду Строгановых, то, возможно, заказ на этот портрет Орлов мог получить через графиню Софью Владимировну Строганову. Графиня была знакома с художником, и благодаря ее инициативе в 1841 году были собраны деньги на его поездку в Италию⁵.

Этим же годом датируется портрет жены графа Виктора Никитича Панина Натальи Петровны, урожденной графини Тизенгаузен (1810–1899). Художник приступил к работе в ноябре, после рождения у графини дочери Ольги, и Панина сделала в своем дневнике несколько записей о работе Орлова над портретом⁶.

Молодая прелестная женщина позирует возле туалета с милыми сердцу безделушками и дамскими украшениями.

Художник, по сравнению с работами предыдущего года, проявил немалое мастерство в передаче сходства не только индивидуальных черт модели. Он ввел в композицию предметный «натюрморт», расширил пространство интерьера при помощи зеркала, умело передал фактуру тканей нарядного платья и драпировки занавеса, драгоценных камней и металла, жемчуга, хрупкость прозрачного стекла (ваза).

Миловидное лицо, нарядное цветовое решение композиции создают радостное восприятие от портретного искусства этого мастера.

Портрет ценили и сохраняли в семейном собрании Паниных. Однако личность художника, по его собственному признанию, «с детства вынужденного пробиваться в жизни тяжелой дорогой», «без лоска», с «малороссийским» говором, не произвела на графиню — «прибалтийскую немку, привыкшую к петербургскому свету и не вкушившую русского воспитания» должного впечатления⁷.

В сентябре 1836 года на публичной художественной выставке в Академии художеств автор впервые представил свои работы⁸. Любители изящных искусств увидели портреты «госпожи Демидовой», командира Кавалергардского полка Н. И. Депрерадовича (1767–1843), князя Кочубея, мальчика, играющего с обручем, «г. Карамзина», а также портрет без обозначения модели («портрет вверху»).

Выставку, открывшуюся 27 сентября, посетили Николай I, Александра Федоровна и члены августейшего семейства. Это событие было освещено в периодических изданиях, и почти все петербургское общество устремилось на выставку. Были на выставке и А. С. Пушкин с женой. Президент Академии А. Н. Оленин представил поэту скульптора Н. С. Пименова, инспектор А. И. Крутов — Айвазовского. Думаем, поэт обратил внимание и на портреты кисти П. Орлова.

Портрет Андрея Карамзина члены семьи историографа и их знакомые считали очень удачным. Александр Карамзин, посетивший выставку, поделился с братом впечатлением: «Вчера утром я был с Аркадием (А. О. Россет. — А. П.) на выставке, где твой портрет прекрасно выглядит и где среди кучи мерзостей есть очень красивые, даже прекрасные вещи»⁹.

К Пимену Орлову пришел заслуженный успех. Зрители и критика благожелательно приняли его картины. «Художественная газета» посвятила выставке 1836 года несколько публикаций. Автор одного из обзоров отметил достоинства молодого художника: «Его многочисленные портреты отличаются необыкновенным сходством, присутствием вкуса и тщательным письмом. Остается желать продолжения похвальных усилий; в чем трудно сомневаться. В особенности нам нравится портрет играющего с обручем»¹⁰.

1837-й год стал для П. Н. Орлова судьбоносным. Признание таланта не только заказчиками, коллегами, но и Императорской Академией художеств предоставило ему возможность получить звание свободного художника «с правом, по силе Всемилостивейше дарованной Академии Привилегии пользоваться с его потомством вечною и совершенною свободою и вольностию вступить в службу в какую сам яко Свободный Художник пожелает». Двадцать четвертого сентября 1837 года «по прошению постороннего ученика Пимена Орлова, при коем представляя два портрета, писанные им с натуры, также рисунок деланный в классах», Совет Академии «возвел» его в звание свободного (неклассного) художника¹¹. (Аттестат, датированный 29 апреля 1838 года, художник увез в Италию и хранил до конца жизни.)

«Портрет неизвестной в придворном русском платье» Орлов подписал июнем 1837 года. Ю. Ю. Гудыменко пред-

положил, что на портрете изображена фрейлина Анна Алексеевна Окулова (1794–1861). Модель изображена в придворном русском платье. Цвета платья (синий с серебряным шитьем), отсутствие шифра, который полагался только фрейлинам императрицы, дают возможность предположить, что перед нами — фрейлина при великой княжне¹².

В 1837 году в Академии художеств состоялась небольшая (не для публики) годовая отчетная выставка художественных произведений (без каталога)¹³. Рассуждая о портретной живописи, автор статьи в «Художественной газете» посвятил несколько строк молодым мастерам: «Еще следовало бы поговорить о трудах, по сей части, художников Орлова и Будкина. — Но заслуженные похвалы на прежних выставках, в настоящую, не могут ни уменьшены, ни увеличены. Повторять одного и того же не следует; от самих художников будет зависеть дать нам возможность говорить о их трудах с большой подробностью»¹⁴.

К работам художника 1838 года принадлежит небольшого формата «Портрет графа А. Х. Бенкендорфа» (частное собрание). Вероятно, этот портрет понравился заказчику. С него Орлов «снял» рисунок, а А. О. Мошарский исполнил по нему литографию. Одна литография находилась в собрании портретов Императорской главной квартиры¹⁵.

В этом же году «свободный художник» Пимен Орлов получил большую (первую) серебряную медаль Академии художеств «за портреты с натуры князя Голицына, Г-жи Тимофеевой и девицы Эссен»¹⁶. (Возможно, речь идет о графине А. П. фон Эссен (1816–1868), дочери петербургского военного губернатора.) Эти картины были представлены на академической выставке 1838 года и, как и год назад, удостоились положительных отзывов современников: «...произведения г. Орлова поддержали с честью приобретенное им внимание

и одобрение публики; все они портреты случайные, работанные, так сказать, не на хвост, но для выставки, почему они еще более представляют прав на похвалу»¹⁷.

Впечатлениями о большой выставке 1839 года в стенах Академии художеств поделился П. Каменский в статье «Письмо в Италию»: «Читайте, добрый друг мой, волею-неволею, перечень мыслей и чувств, меня волновавших, когда я обходил залы Академии, занятые выставкою художественных произведений за нынешний год. <...> Я назову тебе несколько портретов, между которыми в особенности замечательны портреты художников Орлова и Заряно: смотришь, любишься оконченностью отделки и, не зная того, с кого они писаны, убеждаешься в сходстве»¹⁸. А вот как отзывались о художнике «Санкт-Петербургские ведомости» два года спустя (в 1841 году): «Известный портретный живописец наш Орлов, которого работы (Портреты В. А. Олениной и Князя Голицына) были одним из привлекательных украшений последней Академической выставки»¹⁹. «Привлекательное украшение выставки» — это портрет Варвары Алексеевны Олениной (1802–1877), дочери президента Императорской Академии художеств, старой знакомой А. С. Пушкина.

Часто модели Орлова принадлежали к военной элите. Художник писал портреты гвардейской молодежи, служащей в полках, расквартированных в Петербурге. Среди произведений 1839 года — портрет сына генерал-адъютанта А. Д. Балашова. Иван Александрович Балашов (1816–1841) изображен среди пейзажа с грозовым небом. На нем кираса поверх военного сюртука, а также эполеты обер-офицера, адъютантские аксельбанты. Портрет имеет подпись и дату²⁰.

Небольшого формата «Портрет графини Каролины-Марии Хрептович (1783–1842)» и «Портрет Марии Аркадьев-

ны Бек (1819–1889)» также выполнены в 1839 году. Их модели принадлежали к российскому дипломатическому кругу. Графиня Хрептович — жена графа Иеринея Хрептовича (1770 (1775?)–1850), действительного камергера, гофмаршала, дипломата (в Неаполе, Брюсселе, Лондоне). Ее сын Михаил (1809–1892) был женат (с 1832) на Елене Нессельроде, дочери министра иностранных дел Российской империи, а дочь Мария (1811–1890) была женой (с 1834) дипломата А. П. Бутенева. Муж Марии Аркадьевны, Иван Александрович Бек (1807–1842), также служил в Министерстве иностранных дел.

Графиня изображена на фоне пейзажа. Художник мастерски владеет сдержанной палитрой красок. Облик пожилой, по тем временам, дамы своей гармонией так же привлекает зрителя, как и двадцатилетняя супруга дипломата. Портрет Марии Бек представляет тип «портрет-прогулка».

Подобная композиция — портрет-прогулка — использован и при создании портрета Анны Петровны Фрейганг (1822–1852). Портрет Фрейганг воспроизведен в гравюре на стали и помещен В. А. Владиславлевым в издании «Утренняя заря, альманах на 1842 год» (СПб., 1842) с подписью: «Гравюра с портрета Анны Петровны Фрейганг работы Орлова». Картина была создана до отъезда художника в Италию; ее можно датировать 1840 или 1841 годом. Портреты М. А. Бек и А. П. Фрейганг работы Орлова наиболее напоминают нам о влиянии К. П. Брюллова.

Пимена Орлова часто называют учеником Карла Брюллова, но прямым учеником он не являлся и впервые со знаменитым живописцем встретился не ранее конца мая 1836 года, когда после длительного пребывания за границей Брюллов приехал в Петербург. В северной столице молодой

человек, безусловно, видел огромное полотно «Последний день Помпеи», выставленное в 1834 году в Императорском Эрмитаже (Шепелевский дом), а с 1835 года — в зале Академии художеств. Видел и другие произведения замечательного мастера. Непосредственно с «Великим Карлом» он встречался в академических мастерских, в квартире конференц-секретаря В. И. Григоровича. П. Н. Орлов был вхож не только в семейство Григоровича, который покровительствовал ему; к 1837 году молодой художник уже «выстроил» связи со многими преподавателями Академии и ее учениками. Из дневника А. Н. Мокрицкого известно, что 28 апреля 1837 года в здании Академии художеств на квартире семейства архитектора А. И. Мельникова собрались художники К. П. Брюллов, П. Н. Орлов, А. В. Тыранов, П. З. Захаров (Чеченец), М. П. Вишневецкий, чиновник и любитель искусства Н. Н. Менцов, музыкант Черлицкий. «Долго просидели мы, забавляясь всячески», — писал Мокрицкий. Орлов посещал и Брюллоva. Для лучшего усвоения приемов письма знаменитого художника он выполнил копию с брюлловского портрета графа Михаила Юрьевича Виельгорского 1828 года²¹.

В 1840 и 1841 годах художник продолжает исполнять портреты как частных лиц, так и государственных деятелей. Орлов мастерски передавал богатое шитье мундиров, золото и эмали орденов, старался разнообразить композиции: помещал модель на фоне неба, в пейзаже или в интерьере рабочего кабинета.

Портрет сенатора Александра Михайловича Безобразова (1783–1871), знакомого А. С. Пушкина, был признан одной из лучших работ художника. «...Совершенствуясь мало-помалу в портретном искусстве, он подарил публику несколь-

кими прекрасными портретами; лучшие же из них: полковника Голицына, Г-жи Олениной, Князя Голицына²² и Сенатора Безобразова. Последний написан во весь рост», — писали в августе 1841 года «Санкт-Петербургские ведомости»²³. Портрет был литографирован. Представление о портрете дает и живописная копия 1850-х годов художника О. И. Тимашевского. Копия выполнена в большом формате, видимо, для украшения губернаторского дома в Ярославле, где Безобразов на посту губернатора показал себя «опытным, просвещенным и заботливым об общей пользе администратором». Она находится в собрании Ярославского художественного музея.

Благодаря помощи членов Общества поощрения художников осенью 1841 года Орлов уехал в Италию. К этому времени им были исполнены портреты членов императорского дома (цесаревича Александра Николаевича, 1837), высших военных и гражданских чинов, их жен и детей. Заказчики ценили работы художника за то, что они «отличаются верным подражанием натуре, начиная с лица, как главное в портрете, до самомалейшей безделицы, составляющей аксессуар, и нам кажется, что это самое и дает прелесть его работам, исполненным, кроме того, большого вкуса и оконченности»²⁴. Как оказалось, художник покинул Россию навсегда, но связи с русскими заказчиками у него не прервались. И в прекрасной Италии он писал портреты представителей петербургского светского общества, среди которых мы находим и имена знакомых А. С. Пушкина (например, супруга знаменитой княгини Зинаиды Волконской).

Произведения Пимена Орлова востребованы и сегодня. Они интересны зрителю, историку русского искусства, человеку, изучающему отечественную историю первой половины XIX века.

Примечания

- ¹ Родился на хуторе Мало-Хвощеватом Острогожского уезда Воронежской губернии.
- ² Сборник материалов для истории императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / изд. под ред. П. Н. Петрова. СПб. 1865. Ч. II: 1811–1843. С. 362.
- ³ Художественная газета. 1841. № 16. С. 4.
- ⁴ См.: Россия. Взгляд через столетия. Произведения ювелирного искусства и живописи из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2006. С. 67, № 80; Идеал и действительность. Русский портрет первой половины XIX века из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2006. С. 53, № 41. — Возможно, существовала копия с портрета фрейлины, т. к. в 2006 г. мы видели ее живописную «головку» (вырезанную?), принесенную на экспертизу в «Арт-консалтинг», Москва.
- ⁵ В дате (1836) последняя цифра плохо читается. В инвентарной книге ГЭ записан как «Портрет молодого графа Строганова». См.: Идеал и действительность. С. 54. Определение имен моделей принадлежит Ю. Ю. Гудыменко.
- ⁶ Дневник Н. П. Паниной готовится к публикации Г. М. Седовой, любезно сообщившей нам эти сведения.
- ⁷ *Вейнер П.* Марфино // Старые годы. 1910. Июль — сентябрь. С. 125.
- ⁸ См.: Краткий обзор выставки Императорской Академии художеств. 1836 // Первое прибавление к «Художественной газете». 1836. 28 сент. С. 7. № 261–266.
- ⁹ Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.;Л., 1960. С. 117. Весной 1837 г. Е. И. Мойер, знакомая Андрея Карамзина, также отметила портрет кисти П. Н. Орлова: «Ах, Андрей, так похож! точь в точь его задумчивый взгляд, его ленивая поза, и как приятно смотреть! точно он!» (Там же. С. 198). Ныне портреты Андрея Карамзина (1814–1854), его брата Александра (1815–1888) и Софьи (1802–1856) находятся в частном собрании в Финляндии. В 1916 г. портрет Софьи Николаевны копировала Е. Б. Барсукова. Эта копия хорошо известна пушкинистам и находится в ВМП.
- ¹⁰ Выставка художественных произведений. С.-Петербургская выставка Императорской академии художеств (окончание) // Художественная газета. 1836. Дек. № 11, 12. С. 171. Упомянутый портрет ныне под названием «Портрет мальчика, играющего с обручем» находится в ГРМ. Это портрет Сергея Дмитриевича Бибикова (1828 — не ранее 1855). Мы видим, нашему художнику удался и детский портрет.
- ¹¹ Сборник материалов... С. 368.
- ¹² По правилам Академии художеств каждые три года — 1830, 1833, 1836, 1839 — устраивались большие публичные выставки. Эти художественные

выставки в течение нескольких дней могла посещать самая разная «прилично одетая» публика. Выставки имели перечень или каталог. В другие (промежуточные) годы в Академии художеств устраивались выставки, которые имели характер отчета за академический год учащихся, педагогов, членов Академии. Об этих выставках (1837 и 1838 гг.), которые не посещались «посторонней» публикой, узнавали из публикаций в периодике.

- 13 Годовая художественная выставка художественных произведений в Императорской академии художеств (статья II) // Художественная газета. 1837. № 19, 20. Окт. С. 316.
- 14 Годовая выставка художественных произведений в Императорской Академии художеств // Художественная газета. 1838. № 19–24. С. 768.
- 15 См.: Столетие военного министерства. 1802–1902. Императорская Главная Квартира. История государевой свиты. Царствование Императора Николая I. СПб. 1908. С. 392.
- 16 Портрет неизвестной в придворном русском платье (фрейлины Анны Алексеевны Окуловой (?). 1837. Предположительное определение имени изображенной принадлежит Ю. Ю. Гудыменко (2005). См.: Идеал и действительность. № 44. С. 54.
- 17 Сборник материалов... С. 374.
- 18 *П. К-м-ий*. Письмо в Италию // Отечественные записки. 1839. Т. 1. Отд. IV: Художества. С. 34, 42.
- 19 Общество Поощрения Художников (окончание) // Санкт-Петербургские ведомости. 1841. № 165. 24 июля. С. 747.
- 20 Одна из таких работ (лот 1088) кисти П. Орлова в ноябре 2007 г. была продана на аукционе «Van Ham Kunstauktionen» в Кельне.
- 21 В конце XIX — начале XX в. копия Орлова принадлежала Е. В. Сабуровой; в 1902 г. экспонировалась на выставке русских исторических портретов, которую организовал Н. Н. Врангель.
- 22 «Портрет князя Голицына» (дерево, масло, 55 × 45) как произведение кисти П. Н. Орлова продавался 12 января 2004 г. на аукционе Сотбис.
- 23 Санкт-Петербургские ведомости. 1841. № 189. 22 авг. С. 850.
- 24 Художественная газета. 1841. № 16. С. 4.

Тема придворной жизни в музейной экспозиции (опыт прочтения)

Постоянная экспозиция «Пушкин и его эпоха» была открыта Государственным музеем А. С. Пушкина 1 декабря 1997 года после масштабной реконструкции и реставрации архитектурного комплекса усадьбы Хрущевых-Селезневых на Пречистенке. Размещенная в просторном дворянском особняке — замечательном памятнике московского ампира начала XIX века, новая экспозиция сменила прежнюю — «Жизнь и творчество А. С. Пушкина», унаследовав от нее основные принципы отбора материалов и хронологическую последовательность их экспонирования. Практическое воплощение получила и органичная для литературного музея идея включить в биографическую канву «творческие» залы, посвященные «Евгению Онегину», «Пиковой даме», «Медному всаднику», «Истории пугачевского бунта», «Капитанской дочке». Вместе с тем, два главных обстоятельства: расширение экспозиционного пространства и значительное увеличение, с момента открытия музея в 1961 году, фондовых коллекций — позволили гораздо полнее и обстоятельнее рассказать о поэте и его современниках в контексте

Невская Вера Александровна — заведующая научным отделом Государственного музея А. С. Пушкина (Москва). Автор многочисленных научных статей в различных изданиях. Сфера исследовательских интересов: история московского пушкинского музея и его коллекций.

политической, культурной, общественной жизни пушкинского времени.

Над созданием экспозиции трудился большой творческий коллектив во главе с директором музея Е. А. Богатыревым. Заместителем директора по научной работе Н. И. Михайловой была подготовлена научная концепция, на основе которой авторы тематических разделов отбирали материалы и составляли тематико-экспозиционные планы. Художественный проект принадлежал профессору московского отделения Международной академии архитектуры Е. А. Розенблюму и сотрудникам руководимой им Центральной студии художественно-проектного творчества.

В новой экспозиции, занимающей почти двадцать залов и прослеживающей едва ли не все этапы событийной и творческой биографии поэта, широкое развитие получили сквозные сюжеты, к которым можно отнести и тему придворной жизни. Причем, если учитывать не только многообразные связи Пушкина с членами царской семьи и представителями большого света, но и бытование императорского двора в его художественных произведениях, критике и публицистике, то оказывается, что тема придворной жизни так или иначе представлена почти в каждом как «биографическом», так и «творческом» зале; в одних случаях она выделена в особые экспозиционные разделы, в других — вплетена в ткань более общего тематического повествования.

Вводные залы «Пролог» и «Эпоха Пушкина», расположенные в пристроенном к главному дому жилком флигеле, являются своего рода историко-культурным предисловием к основной экспозиции и служат вступлением к рассматриваемой теме. Зал «Пролог» (автор Т. Н. Евстафьева), посвященный XVIII веку, его военным победам, литературе, философским исканиям и культурным достижениям,

акцентирует внимание на тех лицах и событиях, которые входили в круг исторических и литературных размышлений Пушкина. Украшенный живописными портретами Петра I, Екатерины II, цесаревича Павла Петровича, их соратников и сподвижников, этот зал композиционно опирается на пушкинские «Заметки по русской истории XVIII века», представленные копией рукописи поэта. Обращаясь к содержательной стороне «Заметок...», нельзя не отметить показательный факт: характеризуя в своем первом историографическом опыте свойства личности и формы правления российских монархов, Пушкин в качестве яркой дефиниции эпохи Екатерины II выбрал двор императрицы, его внешний блеск и крайнюю развращенность, инициированную институтом фаворитизма. Разоблачительный аспект пушкинской статьи «поддерживает» на экспозиции и полотно С. Тончи, запечатлевшее опальную Е. Р. Дашкову. С ее секретными «Записками», раскрывавшими тайны ближайшего екатерининского окружения, Пушкин был хорошо знаком.

В ином ракурсе тема предстает на офорте 1830-х годов с известного живописного оригинала П. Д. Мартена «Сражение при Лесной 28 сентября 1708», где среди свиты Петра I выделяется фигура молодого темнокожего преображенца — как думают исследователи, А. П. Ганнибала. Приближенность своего прадеда к монаршим особам Пушкин подчеркивал в «Арапе Петра Великого», в стихотворениях «К Языкову» («Петра питомец, царей, цариц любимый раб и их забытый однодомец»), «Моя родословная», в полемических статьях и эпиграммах. Копии рукописей «Моей родословной», а также писем Ганнибала к Петру I и Екатерине II представлены в горизонтальной витрине.

Следующий зал — «Эпоха Пушкина» (авторы Н. И. Михайлова, Л. Л. Ивченко) повествует о войне 1812 года, евро-

пейских походах русской армии, восстании на Сенатской площади, персидской и турецкой военных кампаниях 1827–1829 годов, а также о том, как большая история отражалась в частной судьбе той или иной дворянской семьи. Здесь же демонстрируются реалии мирной жизни: сцена охоты, домашние альбомы, купчие крепости, подорожные билеты, медицинские рецепты, модные картинки с образцами парижских причесок и туалетов. Среди доминирующих экспонатов, как и в зале «Пролог», — живописные портреты российских императоров и императриц, выполненные неизвестными художниками. Здесь молодой Александр I (это изображение сразу вызывает в памяти пушкинскую строчку «Дней Александровых прекрасное начало»), нежная и задумчивая Елизавета Алексеевна (повторение оригинала Е. Виже-Лебрен), Николай I, изображенный Г. Ботманом грозно стоящим на фоне московского Кремля, и его супруга Александра Федоровна — строгая, холодная, в платье и кокошнике *à la russe*. Портрет Александры Федоровны выполнен по известному оригиналу «придворного» художника Николая I Ф. Крюгера.

Расположенные на противоположных стенах зала, эти изображения властителей России, столь разные по времени и манере исполнения, служат яркой иллюстрацией традиционного противопоставления двух царствований: более либерального и славного военными победами александровского и бюрократического николаевского. Поддерживает данную оппозицию и литография, запечатлевшая Николая I, его супругу и цесаревича Александра Николаевича на морской прогулке: передав иконографическое сходство, неизвестный художник лишил лица августейших особ всякой выразительности. Иное впечатление оставляют предметы декоративно-прикладного искусства, бытовавшие в дворцо-

вом обиходе 1830-х годов: фарфоровый молочник, стеклянный графин и стаканы с тонким, изящным гербом Александры Федоровны, выполненным по рисунку учителя русского языка императрицы поэта В. А. Жуковского.

В разделе «Лица эпохи», который занимает весь торец зала, представлены гравированные и литографированные портреты современников поэта, разных по общественному статусу и сфере занятий. Среди них — портреты московского митрополита Филарета, писателя и историка Н. М. Карамзина, политического реформатора М. М. Сперанского, героя войны 1812 года и покорителя Кавказа А. П. Ермолова, знаменитого кучера Александра I Ильи Бойкова. Придворный круг, помимо Карамзина и Сперанского, дополняют изображения великой княгини Екатерины Павловны и командира лейб-гвардии Конного полка А. Ф. Орлова. В отдельный экспозиционный фрагмент выделена политическая элита николаевского царствования: глава III отделения А. Х. Бенкендорф, военный министр А. И. Чернышев, министр народного просвещения С. С. Уваров. В центре зала — Пушкин, чьим именем названа эпоха.

Многие из представленных в зале «Эпоха Пушкина» современников поэта и прежде всего лиц императорского двора будут встречаться и в других залах. Подобные повторы, носящие концептуальный характер, вполне закономерны. В разделе «Петербург: 1817–1820», занимающем часть балкона зала (авторы Е. В. Гарбер, О. В. Мельник), наряду с портретами Н. И. Тургенева, членов литературного общества «Зеленая лампа», драматурга А. А. Шаховского и прославленных актрис петербургского театра, снова появляется изображение А. Ф. Орлова. Однако здесь, в соседстве с генерал-адъютантом светлейшим князем П. М. Волконским, А. Ф. Орлов выступает не как лицо эпохи, а прежде всего как

один из тогдашних «светских львов», к общению с которыми Пушкин испытывал непонятную для его друзей тягу. Александр I на гравюре С. Карделли 1810-х годов воспринимается не как вершитель судеб России и Европы, а как человек, определивший судьбу политически неблагонадежного, склонного к дерзкому фрондерству молодого поэта. В верхнем, будто в соответствии с законом сословной иерархии, ряду экспозиционного пространства, несколько поодаль от Александра I, находится гравированное К. Тернером с оригинала Ж.-Л. Монье изображение Елизаветы Алексеевны. Сама отдаленность друг от друга монарших портретов подчеркивает разность отношения Пушкина к императору — «кочующему деспоту», адресату тираноборческих эпиграмм, и к императрице, которой в стихотворении «К Н. Я. Плюсковой» (1818) посвящены строки:

Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой (II, 65).

В контексте опосредованных связей Пушкина с придворными кругами могут быть рассмотрены и другие персоналии раздела. Это архимандрит Фотий и министр просвещения князь А. Н. Голицын — адресаты его политической лирики, управляющий Коллегией иностранных дел И. А. Каподистрия — по словам Н. М. Карамзина, «умнейший человек нынешнего двора», начальник поэта по службе, и петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович, принимавший участие в расследовании относительно пушкинских политических стихов. Особого внимания достоин упомянутый выше П. М. Волконский. Он доводился родным братом той самой камер-фрейлины императрицы Ели-

заветы Алексеевны — княжны В. М. Волконской, которую юный и пылкий поэт пытался поцеловать в темном коридоре Екатерининского дворца, приняв ее за горничную Наташу. Неслучайно именно князь Волконский пожаловался Александру I на непростительное поведение лицеиста Пушкина. В петербургский период поэт, по словам равнодушного к общению со столичной знатью И. И. Пущина, «вертелся» около него в театральных антрактах, а позднее, в 1830-е годы, когда Волконский занимал уже пост министра двора, Пушкин будет встречаться с ним на балах и великосветских собраниях, вести деловую переписку.

Непосредственные взаимоотношения Пушкина с двором начинаются 8 сентября 1826 года, когда новый император Николай I удостоивает вызванного из михайловской ссылки поэта высочайшей аудиенции. Разделом, посвященным этой встрече, во многом определившей дальнейший путь Пушкина, открывается экспозиция «Возвращение в Москву в 1826 году. Годы странствий» (автор С. Т. Овчинникова), расположенная в угловой гостиной. Композиция раздела лаконична. На стене — литографированный Л. Деруа по оригиналу О. Кадоля вид Красной площади 1825 года и гравированный И. Г. Робинсоном с оригинала Дж. Доу портрет Николая I 1826 года. Датировка изображений играет здесь первостепенную роль, ведь именно так выглядела Красная площадь в тот день, когда фельдъегерь доставлял Пушкина к императору в Чудов дворец московского Кремля, и именно таким, тридцатилетним, почти ровесником увидел поэт только что коронованного императора.

Во время беседы с царем, вселившим в поэта надежды на возможность быть полезным трону, речь шла и о степени его причастности к мятежу на Сенатской площади. Тогда, в 1826 году, перед Пушкиным впервые встала та нравствен-

ная дилемма, которая на протяжении нескольких лет находила отражение в его поэтическом творчестве. Вот почему в витрине представлены гравированный по оригиналу Дж. Доу портрет начальника Главного штаба барона И. И. Дибича, в «комнатах» которого Пушкин ожидал аудиенции; карандашный рисунок, запечатлевший декабриста А. И. Одоевского (более позднее повторение оригинала Н. А. Бестужева); акварель Н. П. Репина «Декабристы во дворе читинского острога» конца 1820-х годов; рукописные копии стихотворений «Стансы», «Арион», «Друзьям», «Во глубине сибирских руд» и стихотворения-ответа А. И. Одоевского «Струн вещей пламенные звуки» — соединили монументальную и декабристскую темы.

О том, что встреча Пушкина с Николаем I в 1826 году проходила в разгар коронационных торжеств, напоминает литография Л. Куртена и В. Адама «Отъезд их Императорских величеств из Петровского замка в Москву». Представляя собой лист из коронационного альбома, увидевшего свет в 1828 году, эта литография связывает материалы данного раздела с залом «Эпоха Пушкина», где экспонируется «Праздничный обед на Девичьем поле» из того же альбома. Отъезда императорского кортежа из Петровского путевого дворца Пушкин не застал — он находился в то время еще в Михайловском, а вот на праздничном обеде для народа присутствовал и в доверительных разговорах с приятелями сожалел, что на празднике «было мало драки, мало движения».

В целом экспозиция угловой гостиной, посвященная одному из самых динамичных периодов пушкинской жизни (1826–1831), прослеживает попеременное пребывание поэта в Москве и Петербурге, странствия по России, путешествие в Арзрум, три месяца болдинской осени, обретение семьи. В этом зале много портретов: друзья, близкие и дальние

знакомые, хозяйки петербургских и московских салонов, светские красавицы — само это экспозиционное многолюдье рождает образ шумной, суетной, рассеянной жизни, проведенной Пушкиным в том числе «в тревоге пестрой и бесплодной / Большого света и двора» (III, 284).

Из числа великосветских знакомых поэта — хозяйка политического и литературного салона Е. М. Хитрово, ее дочери графиня Д. Ф. Фикельмон — жена австрийского посланника в Петербурге Ш. Л. К. Л. Фикельмона и фрейлина Е. Ф. Тизенгаузен, фрейлина княжна С. А. Урусова, с 1833 года жена флигель-адъютанта Л. Л. Радзивилла. Здесь же графиня Е. М. Завадовская — ее имя связывали с образом Нины Воронской в VIII главе «Евгения Онегина», озаглавленной в черновой рукописи «Большой свет». В центре портретной галереи, на замечательной крупноформатной литографии Е. И. Гейтмана с оригинала Дж. Доу — «беззаконная комета» А. Ф. Закревская, чьи победы над мужскими сердцами горячо обсуждались в гостиных обеих столиц.

Завершает экспозицию «Возвращение в Москву в 1826 году. Годы странствий» раздел, рассказывающий о лете 1831 года, проведенном Пушкиным и его женой Натальей Николаевной на даче в Царском Селе. Здесь рассказывается о знакомстве и общении с Н. В. Гоголем, о беседах с цензором Петербургского комитета иностранной цензуры Е. Е. Комаровским, о творческом соревновании с В. А. Жуковским, который, будучи воспитателем великого князя Александра Николаевича, должен был на летние месяцы покинуть Петербург и вместе с императорским двором перебраться в Царское Село. Среди экспонатов особенно важен литографированный по оригиналу Ф. Крюгера портрет императрицы Александры Федоровны 1830-х годов, сопровождаемый гравированными видами Камероновой галереи

в Царском Селе и Большого каскада в Павловске. Ведь именно летом 1831 года во время одной из прогулок в царскосельском парке произошло знакомство Пушкиных с Александрой Федоровной, пожелавшей, вместе со своим августейшим супругом, видеть Наталью Николаевну на придворных балах. Возможно, эта нечаянная встреча с императорской четой явилась прообразом другой нечаянной царскосельской встречи — Маши Мироновой и Екатерины II. По-домашнему непринужденный облик Екатерины, не позволивший героине в простой доброй женщине сразу узнать императрицу, Пушкин, по всей видимости, перенес на страницы повести с широко известной гравюры Н. И. Уткина по оригиналу В. Л. Боровиковского, представленной в зале «Капитанская дочка».

Самое прямое отношение к теме придворной жизни имеет экспозиция «Пиковая дама». Она расположена в боскетной — небольшой уютной комнате, выполненной в форме садовой беседки-ротонды с купольным потолком, украшенным красивой цветочной росписью. Поскольку хозяйкам усадьбы Хрущевым боскетная служила парадной спальней, само ее интерьерное пространство выступает в роли комментария к повести: так могла выглядеть спальня старой графини Анны Федотовны. Анна Федотовна у Пушкина — знатная дама, в прошлом фрейлина Екатерины II. В молодые годы она посетила Париж, была там принята при дворе, играла в карты с королевой и герцогом Орлеанским. Парижскую великосветскую жизнь героини иллюстрируют гравюры с изображением дворца Тюильри, Елисейских полей — места прогулок французской аристократии, Версаля.

На ломберном столике, рядом с разложенной колодой карт — гравированный Л. Ф. Марветом с оригинала

Ш.-А. ван Лоо портрет герцога Л. Ф. Д. Ришелье (1760). В повести «Пиковая дама» герцог Ришелье был так впечатлен «московской Венерой», что «чуть было не застрелился от ее жестокости» (VIII, 228). Раскрашенная гравюра К. Бегрова 1820-х годов «Петербург. Зимний дворец со стороны Адмиралтейства» подчеркивает высокий статус Анны Федотовны в петербургском обществе. Столь же высокое положение в свете занимали и те почтенные дамы, которых современники поэта считали прототипами старой графини.

В зале представлены портреты Н. К. Загряжской — кавалерственной дамы, родственницы Гончаровых; Е. А. Архаровой — бабушки писателя В. А. Соллогуба, частой собеседницы императрицы Марии Федоровны. В них, живых свидетелях минувшего столетия, находили много сходства с пушкинской героиней. Но в роли главного прототипа старой графини первые читатели повести видели фрейлину «при пяти императорах» княгиню Н. П. Голицыну, чей большой портрет предположительно работы Б. И. Митура является центром экспозиции зала.

В горизонтальной витрине — первое издание «Пиковой дамы» во втором томе «Библиотеки для чтения» за 1834 год и воспроизведение рукописей Пушкина, в том числе страницы его дневника с записью от 7 апреля 1834 года: «При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...». Эта дневниковая запись крайне интересна: она не только подтверждает причастность Н. П. Голицыной к творческой истории «Пиковой дамы», но и констатирует факт придворного культурного быта — чтения и обсуждения пушкинской повести.

В качестве совершенно самостоятельного раздела экспозиции тема великосветского общения поэта представлена только в одном зале — «Последние годы жизни А. С. Пуш-

кина» (автор Н. С. Нечаева). Этот просторный, с колоннами, лепниной и плафонной росписью в «помпейском» стиле зал, завершающий круговую парадную анфиладу, хозяину дома А. П. Хрущеву служил кабинетом. Прежнее назначение зала, где когда-то могли находиться книжные шкафы, картины, эстампы, продиктовало художественное решение. Здесь почти нет бытовых предметов, зато широко представлены живописные, акварельные, гравированные портреты современников на стенах, несколько видов Петербурга, мемории, связанные с последними днями и гибелью поэта. Композиционная основа экспозиции — шесть стеклянных шкафов с книгами, повторяющими домашнюю библиотеку Пушкина, находившуюся в последней квартире поэта на набережной Мойки. В центре — письменный стол с рукописями Пушкина. Здесь представлены воспроизведения автографов тех произведений и писем поэта, которые напрямую связаны с тематическими разделами зала. Книги и рукописи на столе, являясь экспозиционной доминантой зала, создают возвышенный образ литературного труда, «ученого кабинета», который, по мнению Пушкина, и есть «настоящее место писателя».

Расположенные торцом к стене книжные шкафы разделяют зал на несколько камерных замкнутых пространств, раскрывающих экспозиционные темы: «Издание Пушкиным журнала „Современник“, „Последний приезд Пушкина в Москву (3 мая — 20 мая 1836)“, „Пушкин и светский Петербург“, „Пушкин в кругу писателей, музыкантов, актеров и художников“, „Враждебный Петербург“, „Последние встречи“, „Последние дни и прощание с Пушкиным“». Сама последовательность сюжетов имеет свою драматургию: переходя от темы к теме, мы все ближе подходим к роковой развязке.

Тема великосветского Петербурга неслучайно выделена в зале «Последние годы жизни А. С. Пушкина» в особый раздел. Тридцать первого декабря 1833 года поэт был пожалован придворным званием камер-юнкера. Отныне, направляясь в один из императорских дворцов, Аничков или Зимний, он был обязан надевать придворный мундир, а в обязанности ему вменялось участие в торжественных «выходах» и «выездах» императора, устраиваемых по тому или иному случаю. С этого времени, собственно, и начинается придворная жизнь Пушкина.

Раздел «Пушкин и светский Петербург» включает небольшую галерею столичной знати, которую открывает гравированный по оригиналу Ф. А. Крюгера портрет Николая I в сопровождении свиты (1830-е гг.). Этим подчеркивается, что камер-юнкерство включало поэта в императорскую свиту.

Камерный живописный портрет императрицы Александры Федоровны 1820-х годов работы неизвестного художника с оригинала Дж. Доу, где она представлена с венком из роз, украшающим прическу и придающим лицу еще большее очарование, напоминает о записи в дневнике Пушкина от 8 апреля 1834 года: «Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36». Рядом с императрицей акварельный портрет ее фрейлины графини С. А. Бобринской кисти П. Ф. Соколова, супруги церемониймейстера графа А. А. Бобринского. В доме Бобринских Пушкин часто бывал в 1830-х годах.

На карандашном рисунке К. К. Гампельна давний знакомый поэта — министр внутренних дел граф В. П. Кочубей. Рисунок выполнен в начале 1830-х годов, незадолго до смерти графа, и хронологически соответствует времени общения с ним Пушкина. В доме Кочубеев на набережной Фонтанки Пушкин и Наталья Николаевна часто бывали и по другой

причине — там жила Н. К. Загряжская, которую они по-родственному (Наталье Николаевне она доводилась внучатой теткой) навещали. Ее портрет (литография А. А. Васильевского с оригинала П. Ф. Соколова), являясь вариантом представленного в зале «Пиковая дама», в данном разделе экспозиции играет другую роль. Он побуждает вспомнить о Загряжской не только как о возможном прототипе старой графини, но прежде всего как о человеке, занимавшем важное место не только в великосветской, но и в семейной жизни Пушкина.

В 1830-е годы большой свет часто оборачивался к Пушкину своим холодным и недружелюбным ликом, и тем дороже поэт ценил знаки расположения и искреннего участия. По словам В. А. Жуковского, «очень любила» Пушкина принцесса Вюртембергская Елена Павловна, супруга великого князя Михаила Павловича. Пушкин представлялся Елене Павловне 27 мая 1834 года во дворце на Каменном острове, а в 1836 году дважды бывал в Михайловском дворце. Литографированный портрет Елены Павловны (Г. Энгельман с оригинала П. Сюдре 1836 г.), передающий ее изысканную красоту и грацию, соседствует с гравюрой неизвестного художника с оригинала И. Штилера, запечатлевшей другую признанную красавицу — баронессу А. М. Крюднер, за которой, по словам Вяземского, Пушкин ухаживал на балах.

Оба портрета могли бы с полным основанием занять место в разделе «Последние встречи»: и великая княгиня Елена Павловна, и баронесса Амалия Крюднер присутствовали на бале у М. Г. Разумовской 26 января 1837 года, где Пушкин и секундант д'Антеса д'Аршиак обговаривали условия предстоящей дуэли. С другой стороны, поскольку Елена Павловна, узнав о ранении поэта на роковом поединке, не-

однократно справлялась через В. А. Жуковского о состоянии здоровья поэта, ее изображение могло бы дополнить раздел «Последние дни и прощание с Пушкиным», а портреты лиц в разделе «Враждебный Петербург» (А. Х. Бенкендорфа, С. С. Уварова, Н. Г. Репнина-Волконского) — расширить круг великосветского общения поэта. Таким образом, разделы зала «Последние годы жизни Пушкина» тесно переплетены и взаимосвязаны тематически.

Настоящая статья, разумеется, не исчерпывает тему придворной жизни в экспозиции «Пушкин и его эпоха». Следуя из зала в зал по обычному хронологическому маршруту, мы лишь попытались выделить из общего экспозиционного текста наиболее значимые, на наш взгляд, фрагменты и прокомментировать их. Вполне возможно, отражение данной темы не входило в задачу авторов того или иного раздела. В любом случае музейная экспозиция подчиняется непреложному закону любого творения: с момента появления на свет оно начинает жить своей, отдельной от творца жизнью.

Художественные надгробия пушкинской эпохи в собрании Государственного музея городской скульптуры

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу;
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А. С. Пушкин

Некрополь в составе Государственного музея городской скульптуры можно считать историко-художественным заповедником, где «любовь к отеческим гробам» воплощена в художественных памятниках и произведениях мемориальной пластики.

Собрание мемориальной скульптуры занимает особое место в коллекции музея. В 1935–1937 годах была проведена уникальная работа по превращению бывшего Тихвинского кладбища в мемориальный музейно-парковый ансамбль, не имеющий аналогов, — Некрополь мастеров искусств и современников А. С. Пушкина (его открытие было приурочено к 100-летней годовщине со дня смерти поэта). В условиях

Валегина Карина Олеговна — методист по научно-просветительской деятельности Государственного музея городской скульптуры. Сфера научных интересов: источниковедение и история России XIX в.

Иощенко Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, начальник экскурсионно-массового отдела Государственного музея городской скульптуры. Сфера научных интересов: история отечественного искусства.

идеологической пропаганды 30-х годов XX века сохранить дворянские захоронения в центре Ленинграда представлялось невыполнимой задачей. Музеефикация стала единственной возможностью перенести ценнейшие памятники с ликвидируемых городских кладбищ и осуществить перезахоронение останков выдающихся личностей. Работы по реконструкции Некрополя велись по методическим рекомендациям, составленным первым директором музея Николаем Викторовичем Успенским, который основное внимание уделял пушкинской эпохе, выбрав ее одной из основных тем при формировании мемориальной коллекции.

Музей-некрополь — уникальное собрание выдающихся художественных памятников, ставшее подлинным национальным пантеоном. «И не напрасно на протяжении многих лет сохраняется за ним признание единственного и исключительно самобытного музея скульптурных и архитектурных форм под открытым небом среди живой природы. Перед нами по-настоящему уникальный пласт отечественной истории, культуры, искусства»¹, — отмечалось в документах общества «Старый Петербург».

Захоронения людей «пушкинского круга»: Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, В. А. Жуковского, Н. И. Гнедича и других, представляющие собой высокохудожественные памятники, находятся в центре мемориального собрания Некрополя мастеров искусств. В большинстве своем это произведения мемориального искусства эпохи историзма и неоклассики второй половины XIX века.

Историк Н. М. Карамзин был похоронен на Тихвинском кладбище в июле 1826 года. Памятник на его могиле представляет собой прямоугольный саркофаг из белого мрамора с бронзовым позолоченным лавровым венком, возложенным на крышку, «чистотой и благородством форм отвечаю-

щий характеру творчества создателя „Истории государства российского“»². Со временем участок рядом с могилой историка превратился в семейный склеп Карамзиных: здесь похоронены вдова писателя, его дочери и зять. Рядом с Карамзиным было выбрано место и для надгробного памятника В. А. Жуковскому, созданного при участии скульптора П. К. Клодта.

Мысль похоронить Василия Андреевича Жуковского в Александро-Невской лавре принадлежала другу поэта, литератору Петру Александровичу Плетневу. Писатель обратился к наследнику престола — будущему императору Александру II — в 1852 году, сразу после кончины Жуковского, и цесаревич распорядился о перевозе тела поэта из Баден-Бадена в Петербург. День похорон был также назначен вел. кн. Александром Николаевичем. В полдень 29 июля началась панихида, на которой присутствовали наследник и великая княгиня Мария Николаевна. По воспоминаниям Плетнева, «государь наследник первый взялся, чтобы нести гроб с другими, и не отошел до самой могилы, со слезами провожая своего друга и наставника»³. Подробно рассказывал о похоронах Жуковского и Николай Вессель: «Жуковского забыли! Похороны были очень холодны... О Жуковском почти никто не знал, когда привезли его тело. Желających почтить память собралось немного. Все позабыли его: ведь он в 1847 г. выехал из России и с тех пор не возвращался... Во время панихиды даже разговаривали и смеялись! Только Его Высочество был очень печален и плакал»⁴.

Первоначально могилу отмечал крест на скромном холмике. К сооружению надгробия приступили лишь в 1854 году. Была открыта подписка на сооружение памятника; собрали значительную сумму — более 20 000 рублей серебром (4,5 тыс. пошли на сооружение надгробия, осталь-

ные — на стипендии в Московском университете, Тульской гимназии и на посмертное издание сочинений Жуковско-го)⁵. Александр II внимательно наблюдал за ходом выполнения работ. В начале декабря 1857 года он осмотрел уже готовый памятник, заметив, что день рождения Жуковского не 28, как значилось, а 29 января⁶. Когда памятник возводился, в Москве 26 ноября 1856 года скончалась вдова Жуковского Елизавета Алексеевна, тело которой было перевезено в Петербург и захоронено рядом с мужем.

Памятник был открыт 26 декабря 1857 года и представлял собой саркофаг из темно-серого гранита, с двускатной крышей, рельефными головками херувимов на прямоугольном основании и плите; на торце — восьмиконечный крест. На боковых сторонах вырублены цитаты из евангельских текстов.

В Некрополе покоятся М. М. Сперанский, по замыслу которого был основан Царскосельский Лицей; Е. И. Загряжская, тетушка Натальи Николаевны Пушкиной; Н. В. Строганова (урожд. Кочубей), адресат лицейской лирики поэта; О. С. Павлищева, сестра Пушкина; лицеисты I выпуска А. А. Дельвиг, К. К. Данзас, Ф. Ф. Матюшкин; современница Пушкина, юная поэтесса Е. Кульман; поэт, переводчик «Илиады» Гомера, пьес Шекспира и Шиллера Н. И. Гнедич⁷.

Надгробие Антона Антоновича Дельвига (1798–1831) работы А. Трискорни выполнено в виде колонны серого гранита с фигурой «плакальщицы», символизирующей Психею. Пушкин тяжело переживал смерть друга. В письме к П. А. Плетневу 21 января 1831 года он писал: «Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная куч-

ка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё» (XIV, 147).

Надгробие однокашника Пушкина, адмирала Федора Федоровича Матюшкина (1799–1872) — гранитный четырехконечный крест на глыбе-«голгофе», обработанной в виде поднимающейся волны.

Шестого февраля 1833 года на похороны Н. И. Гнедича пришли его друзья и знакомые: А. С. Пушкин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. Н. Оленин. Средства на сооружение памятника-жертвенника из серого гранита, увенчанного мраморной вазой, с овальным мраморным медальоном на лицевой стороне, собирались несколько лет по подписке. В начале 1836 года газета «Северная пчела» отмечала: собрано 1120 руб., из которых употреблено на изготовление медальона под руководством скульптора Самуила Ивановича Гальберга 320 руб., а на монумент 800 руб. Это дало основание считать медальон работой С. И. Гальберга, однако впоследствии появилась версия, что автором был его ученик Антон Андреевич Иванов. Основанием для подобной версии стало сообщение в «Художественной газете» за 1841 год, где среди работ Иванова был упомянут барельеф Гнедича. Памятник открыли в 1835 году. В 1961 году подлинник барельефа был заменен мраморной копией, оригинал помещен в музейную экспозицию «Знаки памяти».

Недалеко от могилы Гнедича в 1843 году был похоронен первый директор Императорской Публичной библиотеки А. Н. Оленин. В нескольких шагах от его могилы покоится Е. А. Баратынский, скончавшийся в Неаполе в 1844 году, откуда его прах был перевезен на Тихвинское кладбище. Первоначально на надгробии находился утраченный позднее мраморный медальон с барельефным портретом. Воссозда-

ние барельефа выполнено скульптором Н. В. Дыдыкиным в 1950 году.

В 1936 году после перенесения с Новодевичьего кладбища в Некрополе появилась надгробная плита с вырубленной в центре надписью и 6-конечным крестом на могиле старшей сестры Пушкина Ольги Сергеевны Павлицевой (1798–1868). Первое надгробие было установлено ее сыном Л. Н. Павлицевым. Согласно «Петербуржскому некрополю», на плите была надпись: «Отдых от жизни тяжелой могила одна дает! Пусть же с улыбкой веселой страдалица к смерти идет. От любящего сына»⁸. Состояние могилы вызвало тревогу в обществе «Старый Петербург», о чем писала «Красная газета» в 1925 и 1926 годах⁹. Ко времени перезахоронения сохранилась лишь затерянная в траве плита без стихотворной эпитафии.

В Некрополе XVIII века покоится и Наталья Николаевна Ланская (урожд. Гончарова, 1812–1863), вдова Пушкина, во втором браке — супруга генерала-адъютанта, командира лейб-гвардии Конного полка Петра Петровича Ланского. Надгробие выполнено в виде саркофага из монолита с профилированным верхом в ограде. Надгробие сильно пострадало во время грозы 1966 года, был разрушен массивный 8-конечный крест в торце саркофага. В 1998 году после реставрации памятника он был установлен вновь.

Памятник младенца в виде саркофага на прямоугольном цоколе установлен на могиле Николая Сергеевича Волконского (1826–1828), малолетнего сына князя Сергея Григорьевича и Марии Николаевны (урожд. Раевской) Волконских. Семья Раевских была в дружеских отношениях с А. С. Пушкиным, княжна Мария Николаевна являлась адресатом стихотворных произведений поэта. Именно Пушкин сочинил эпитафию на смерть младенца Волконского:

«В сиянье, в радостном покое, / У трона вечного Творца, / С улыбкой он глядит в изгнание земное, / Благословляет мать и молит за отца» (III, 95). Памятник со временем врос в землю и считался утраченным, и только в 1952 году был обнаружен, очищен от грунта и установлен на подготовленное основание¹⁰.

Большая часть мемориальной пластики пушкинской поры перешла в собрание Музея городской скульптуры из собрания Духовской церкви Александро-Невской лавры, возведенной в начале XIX века. В 1936 году она оказалась под угрозой разорения, и только благодаря усилиям Н. В. Успенского, а также при содействии ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и Ленинградского отделения Союза писателей уникальную коллекцию мемориальных памятников удалось спасти. В 1939–1941 годах она вошла в состав фондов Музея городской скульптуры, пополнив экспозиции некрополей XVIII века, Лазаревской и Благовещенской усыпальниц.

Небольшая каменная Лазаревская усыпальница была построена для погребения сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны и освящена в 1717 году. Впоследствии усыпальница была перестроена. До нашего времени она дошла в том виде, в котором была перестроена в 1835–1836 годах. Погребения в усыпальнице продолжались до конца XIX века. Сегодня здесь находится более 85 захоронений, среди которых — могилы выдающихся политических и военных деятелей отечественной истории. Здесь захоронены: генерал-поручик И. А. Ганнибал (1736–1801), двоюродный дед Александра Сергеевича; родственник Пушкина со стороны супруги, действительный тайный советник, дипломат Г. А. Строганов (1770–1857), взявший на себя организацию похорон поэта и возглавивший опеку над его детьми и иму-

ществом, героиня пушкинской лирики («Принцесса Ноктюрн») княгиня Е. И. Голицына (1780–1850); хозяйка известного петербургского салона Е. М. Хитрово (1783–1839); одна из участниц травли Пушкина М. Д. Нессельроде (1786–1849). Здесь также похоронен государственный деятель и литератор Д. В. Дашков (1788–1839) — один из создателей и активных участников литературного общества «Арзамас».

Одно из самых старых строений Петербурга — Благовещенская усыпальница — редкий образец стиля «петровское барокко». Она включает два храма: верхняя церковь была освящена во имя святого Александра Невского; нижняя — во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Нижняя церковь строилась как усыпальница для членов царской фамилии и выдающихся государственных, военных и церковных деятелей. Здесь покоятся сановники Екатерины II, выдающиеся полководцы, среди которых — А. В. Суворов.

В экспозиции Благовещенской усыпальницы — деревянные надгробные плиты, сходные по технике изготовления. Это захоронения современников пушкинской поры генерала от инфантерии, военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга Михаила Андреевича Милорадовича и адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Частью экспозиции Благовещенской усыпальницы является семейный склеп графов Бобринских. Сохранилось надгробие Софьи Александровны Бобринской (урожд. Самойловой), фрейлины императрицы Марии Федоровны. В салоне С. А. Бобринской бывали Пушкин, Жуковский, Вяземский.

Таким образом, усилиями сотрудников Музея городской скульптуры был создан единый экспозиционный комплекс, успешно функционирующий уже более полувека. Он включает около двух тысяч мемориальных памятников, которые

являются важными источниками по истории, генеалогии и геральдике российских дворянских родов. Некрополь позволяет проследить этапы зарождения и расцвета одного из интереснейших жанров изобразительного искусства — мемориальной скульптуры — от простейших форм до сложных многофигурных скульптурных композиций. Научно-просветительская деятельность сотрудников музея призвана не только сохранить это наследие для потомков, но и сделать его опорой для развития осознания новыми поколениями своих исторических корней, о которых Пушкин писал:

На них основаны от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его (III, 849).

Примечания

- ¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8. Материалы общества «Старый Петербург».
- ² Там же. Л. 225.
- ³ Там же. Л. 140.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Л. 141.
- ⁶ Там же. Л. 142.
- ⁷ *Кобак А. В., Пирютко Ю. М.* Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.; СПб., 2009. С. 232.
- ⁸ Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. Научный каталог. Т. 2: Некрополь Мастеров искусств. СПб., 2005. С. 146.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. Научный каталог. Т. 3: Некрополь XVIII в. СПб., 2006. С. 62.

Указатель имен

- Абрамович С. Л. 36–38, 41, 43
Адам В. 160
Адлерберг В. Ф. 136
Айвазовский И. К. 144
Аладьин Е. В. 80
Александр I, имп. 100, 106, 156–159
Александр II, имп. 37, 39, 98, 100, 130, 150, 156, 161, 170, 171
Александр III, имп. 95, 98, 99, 101
Александр Александрович, вел. кн. см. Александр III
Александр Николаевич, вел. кн. см. Александр II
Александр Ярославич Невский, кн. 175
Александра Николаевна, вел. кнж. 30, 31, 39, 40
Александра Федоровна, имп. 30, 31, 135, 142, 144, 156, 161, 162
Алексей Михайлович, царь 16, 19, 21, 22, 25, 28
Аммосов А. Н. 120–122, 139
д'Антес Ж.-Ш. 119, 127, 129, 132, 133, 136, 137, 139, 166
Апраксина Л. А., гр. 98
Арапова А. П., урожд. Ланская 75
Арендт Н. Ф. 138
Архангельский А. Н. 76
Архарова Е. А. 163
д'Аршиак Л.-А.-О., виконт 166
Архарова С. И. см. Соллогуб С. И.
Аснан С. М. 76
Афанасий Александрийский, свт. 69, 70
- Багратион-Мухранели И. Л. 73
Балакин А. Ю. 5, 8, 79–85
Баратынский Е. А. 49, 172
Барсукова Е. Б. 151
Барятинская М. И., кнж. 98
Барятинская М. Ф., кн. 33
Беггров К. П. 163
Безобразов А. М. 149, 150
Бек И. А. 148
Бек М. А. 148
Белосельская-Белозерская А. Г., кн., урожд. Козицкая 95
- Белосельская-Белозерская Е. П., кн., урожд. Бибикова 38
Белосельские-Белозерские, кн. 38
Белосельский-Белозерский Э. А., кн. 36, 38
Бенкендорф А. Х., гр. 109, 120–122, 129, 131, 135, 136, 142, 146, 157, 167
Бенкендорф К. К. 36
Бернар, св. 93
Бестужев Н. А. 160
Бетанкур А. А. 36
Бибиков С. Д. 151
Бибикова В. П., урожд. Мятлева 94, 95
Блудова А. Д. 90, 96, 99
Блудовы 97
Бобринская С. А., гр., урожд. Самойлова 36, 135, 165, 175
Бобринские, гр. 165, 175
Бобринский А. А., гр. 165
Богатырев Е. А. 154
Богословский М. М. 29
Бойков И. И. 157
Борис Годунов, царь 12, 13
Боровиковский В. Л. 162
Бороздина А. М. 98
Ботман Г. И. 156
Брож К. О. 66, 75
Бруни Ф. А. 65, 67, 68
Брюллов К. П. 65, 75, 148, 149
Будкин Ф. О. 146
Булгарин Ф. В. 52
Бутенев А. П. 148
Бутенева М. И., урожд. Хрептович 148
Бушкович П. 29
Бюлер Ф. А. 70, 76
- Валегина К. О. 6, 8, 168–176
Василий Великий, свт. 70, 72
Васильевский А. А. 166
Васильчиков И. В., кн. 96, 101
Васильчиковы, кн. 101
Вейнер П. П. 151
Венецианов А. Г. 65
Вересаев В. В. 115
Веселовский С. Б. 11, 12, 28

Указатель имен

- Вессель Н. Х. 170
Виардо П.-М.-Ф., урожд. Гарсиа 97
Вигель Ф. Ф. 100
Виельгорский М. Ю., гр. 149
Виже-Лебрен Е. 156
Виноградов В. В. 72
Виттекер Ц. Х. 115
Вишневецкий М. П. 149
Владислав, польский королевич 13
Владиславлев В. А. 148
Воейков А. Ф. 98
Воейкова А. Ал. 94, 98
Воейкова А. Андр., урожд. Протасова 99
Воейковы 99
Волков-Муромцев Н. В. 11, 115
Волконская В. М., кн. 101, 159
Волконская З. А. кн., урожд. кн.
Белосельская-Белозерская 150
Волконские, кн. 173
Волконский Н. С., кн. 173
Волконский П. М., св. кн. 100, 157–159
Волконский Ф. И., кн. 13
Врангель Н. Н., бар. 152
Вяземский П. А., кн. 67, 73, 82–85, 132,
137, 138, 166, 172, 175
Вяземский П. П., кн. 140
- Галахов А. П. 99
Галахов С. П. 99
Галахова С. П., урожд. Мятлева 94
Галахова Н. А., урожд. Пещурова 107
Галаховы 94, 99
Галкина Т. И. 5, 8, 44–52, 86
Гальберг С. И. 172
Гампельн К. К. 165
Ганнибал А. П. 155
Ганнибал И. А. 174
Гарбер Е. В. 157
Гейтман Е. И. 161
Геккертн Л.-Я.-Т., ван, бар. 119, 121–123,
127, 132, 133, 135–140
Геккерны, бар. 128, 136
Гермоген, патриарх 13
Герштейн Э. Г. 140
Гефс (Geefs) Г. 111
Гнедич Н. И. 57, 169, 171, 172
Гогенлоэ Х.-Л.-Ф., кн. 37
Гоголь Н. В. 5, 46–52, 161
Годунов Борис Федорович см. Борис
Годунов
- Годунов Федор Борисович см. Федор
Годунов
Годуновы 13
Голенищева-Кутузова П. М. 100
Голицын, кн. 146, 147, 150, 152
Голицын А. А., кн. 22
Голицын А. Н., кн. 158
Голицын Б. А., кн. 23, 24
Голицын В. В., кн. 24
Голицын Д. В. св. кн. 98, 101
Голицын С. Г., кн. 95
Голицына Е. А., кн., урожд. Корсакова 112
Голицына Е. И., кн. 175
Голицына Н. П., кн., урожд. гр. Чернышева
98, 163
Голицына С. В. см. Строганова С. В.
Голицына Т. В., кн., урожд. Васильчикова
101
Головин Ф. А., гр. 27
Гомер 171
Гончаров И. А. 79
Гончарова А. Н. 35, 42
Гончарова Е. Н. 34, 35, 42, 136
Гончарова Н. И., урожд. Загряжская 61
Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
Гончаровы 64, 70, 163
Гораций 82
Горчаков А. М., кн. 87, 91, 92, 97, 98
Грибоедов А. С. 47, 52
Григорий Богослов, свт. 70, 71, 76
Григорович В. И. 149
Гроссман Л. П. 139
Груздева Т. Н. 115
Гудыменко Ю. Ю. 145, 151, 152
Гурьева М. Д. см. Нессельроде М. Д.
Гусев Н. Н. 112, 115
- Давид, царь 61
Давыдов В. Н. 67, 76
Давыдов С. 73
Данзас К. К. 120, 121, 132, 139
Данилевский А. С. 50
Дантес-Геккертн см. д' Антес Ж. Ш.
Дашков Д. В. 175
Дашкова Е. Р., кн., урожд. гр. Воронцова
155
Дельвиг А. А. 98, 171
Дельвиг С. М. см. Салтыкова С. М.
Дементьев М. А. 42
Демидова А. К. см. Шернваль фон Вален
Аврора К.

Указатель имен

- Депрерадович Н. И. 144
Деруа Л. 159
Дибич И. И., гр. 160
Дмитриев И. И. 81, 85
Добролюбов Н. А., священник 90
Долгорукий В. В., кн. 81
Долгоруков П. И., кн. 74
Дондуков М. А. см. Дондуков-Корсаков М. А.
Дондуков-Карсаков Н. И. см. Дондуков-Корсаков Н. И.
Дондуков-Корсаков А. М., кн. 102, 104, 107, 114, 115
Дондуков-Корсаков М. А., кн. 5, 102–114
Дондуков-Корсаков Н. И., кн. 104–106
Дондукова В. И. см. Дондукова-Корсакова В. И.
Дондукова-Корсакова А. Н., кн., урожд. Окунева 113, 114
Дондукова-Корсакова В. И., кн., урожд. кнж. Дондукова 104–106
Дондукова-Корсакова М. М., кнж. 105, 111, 113–115
Дондукова-Корсакова М. Н., кн. 104, 105
Дондуковы, кн. 104, 105
Дондуковы-Карсаковы см. Дондуковы-Корсаковы
Дондуковы-Корсаковы 102, 104, 105, 111, 112, 115
Дорошенко П. Д. 62
Доу Дж. 159, 161, 165
Дубельт Л. В. 73
Дундук см. Дондуков-Корсаков М. А.
Дундук см. Дондуков-Корсаков М. А.
Дурова Н. А. 76
Дыдыкин Н. В. 173
- Евстафьева Т. Н. 154
Екатерина II Великая, имп. 155, 162, 175
Екатерина Павловна, вел. кн. 157
Елена Павловна, вел. кн. 31, 42, 166
Елизавета Алексеевна, имп. 156, 158
Ермолов А. П. 157
Ермолов М. А. 35
Ермолова Ж.-III. 35
Есаков С. С. 33
Ефремов П. Е. 75
- Жанлис С.-Ф. 87
Жевахов Н. Д. 111, 115
Желябужский И. А. 29
- Жуковская Е. А., урожд. Рейтерн 171
Жуковский В. А. 38, 50, 65, 68, 70, 75, 79, 81–85, 157, 166, 167, 170–172, 175
- Завадовская Е. М. 161
Загряжская Е. А. см. Пушкина Е. А.
Загряжская Е. И. 171
Загряжская Н. К. 39, 163, 166
Загряжские 64
Закревская А. Ф. 161
Захаров П. З. 149
Зеленой А. И. 74
- Иван Алексеевич, царь 23, 24
Иванов А. А. 172
Ивченко Л. Л. 155
Игнатий Богоносец, свт. 69, 70
Измайлов Н. В. 73, 98, 121, 123, 126, 127, 133, 139
Инзов И. Н. 56, 57
Иоанн, апостол 76
Иоанн Богослов 69
Иоанн Златоуст 70, 71, 76
Иоанн Креститель 76
Иощенко А. С. 5, 8, 168–176
Ирод, царь 76
- Кадоль О. 159
Казанский Б. В. 123, 126, 127, 131, 133, 139, 140
Калиновская О. И. 36
Каменский П. П. 147
Каподистрия И. А., гр. 158
Карамзин Александр Н. 33, 145, 151
Карамзин Андрей Н. 144, 145, 151
Карамзин Н. М. 157, 158, 169, 171
Карамзина С. Н. 40, 151
Карамзины 42, 43, 97, 151, 170
Каратыгин В. А. 75
Каратыгин П. А. 75
Карделли С. 158
Карсаков А. С. см. Корсаков А. С.
Карсаков М. А. см. Дондуков-Корсаков М. А.
Карсаков Н. И. см. Дондуков-Корсаков Н. И.
Карсаковы см. Корсаковы
Келлер, графиня 33
Кибальник С. А. 73
Кирилл Александрийский, свт. 69, 70
Кичатов Ф. З. 73, 76

Указатель имен

- Клодт П. К. 170
Кобак А. В. 176
Козицкая А. Г. см. Лаваль А. Г.
Козлов А. А. 65, 67, 76
Козловский И. П. 21
Колодяжная Л. И. 73
Комаровский Е. Е. 161
Корнева Н. М. 115
Корсак В. Ж. 102
Корсаков А. А. 103
Корсаков А. С. 103
Корсаков М. А. см. Дондуков-Корсаков М. А.
Корсаков Н. А. 103
Корсаков П. А. 103
Корсаков Т. А. 103
Корсакова В. А. 103
Корсакова Елена А. 103
Корсакова Екатерина А. 112
Корсаковы 102–104
Корф М. А., бар. 137, 140
Котельников В. А. 73
Кочубей 165
Кочубей В. П., кн. 165
Кочубей Н. В. см. Строганова Н. В.
Краевский А. А. 108, 110
Криднер К. А. 37
Крутов А. И. 144
Крылов И. А. 169
Крюгер Ф. А. 156, 161, 165
Крюднер А. М., бар. 166
Кукольник Н. В. 68, 76
Кульман Е. Б. 171
Курген Л. 160
Кутузов М. И. 100
Куштский А., преподобный 69
- Лаваль А. Г., гр., урожд. Козицкая 97, 101
Лаваль Е. И., гр. 89
Лаваль И. С., гр. 101
Ланская Н. Н., урожд. Гончарова см. Пушкина Н. Н.
Ланской П. П. 173
Лепахин В. В. 73
Лермонтов М. Ю. 119
Лесскис Г. А. 73
Лжедмитрий I, царь 13
Лобанов В. В. 85
ван Лоо III.-А. 163
Лузянина Л. Н. 73
Луи-Филипп I, герцог Орлеанский 162
- Мазур Т. Р. 5, 8, 102–116
Маковицкий Д. П. 115, 116
Максимович М. А. 49
Мальчукова Т. Г. 73, 76
Марвет Л. Ф. 162
Мария Александровна, имп. 98
Мария Ильинична, урожд. Милославская, царица 22, 23
Мария Николаевна, вел. кнж. 39, 99
Мария Федоровна, имп. 163, 175
Мартен П. Д. 155
Марьянов Б. М. 73
Матвеев А. А. 26
Матвеев А. С. 16, 22, 23, 26
Матюшкин Ф. Ф. 171, 172
Мейендорф Е. Ф. 36
Мельник О. В. 157
Мельников А. И. 149
Менцов Н. Н. 149
Миллер П. И. 129
Милорадович М. А. 158, 175
Милославские 22, 23–25
Милославский И. М. 26
Минин К. М. 14
Мигуар Б. И. 163
Михайлова Л. Б. 5, 8, 44, 74, 86–101
Михайлова Н. И. 154, 155
Михаил Павлович, вел. кн. 31, 132, 166
Михаил Федорович, царь 10, 12, 14, 27, 28
Модзалевский Б. Л. 11, 12, 28, 84, 85, 98, 115
Модзалевский Л. Б. 85
Мойер Е. И. 151
Мокрицкий А. Н. 66, 68, 75, 149
Монье Ж.-Л. 158
Морозов М. И. 22
Морозова Ф. П., урожд. Соковина 25
Мошарский А. О. 146
Мусина-Пушкина Э. К., гр. урожд. бар. Шернваль 41
Мятлев И. П. 94
Мятлев П. П. 99
Мятлева П. И. 94
Мятлева С. П. см. Галахова С. П.
Мятлевы 94, 99
- Наполеон, имп. 103
Нарышкины 22, 23
Наталья Алексеевна, царевна 174
Наталья Кирилловна, урожд. Нарышкина, царица 22

Указатель имен

- Невская В. А. 6, 8, 153–167
Некрасов С. М. 5, 7–8
Нессельроде Д. К., гр. 136
Нессельроде Е. К., гр. 148
Нессельроде К. В., гр. 96, 97, 100, 120, 135
Нессельроде М. Д., гр., урожд. Гурьева 100, 175
Нечаева Н. С. 164
Никитенко А. В. 90, 98
Николай I, имп. 30, 39, 99, 100, 101, 120, 132, 136, 138, 142, 156, 159, 160, 165
Нисельрод см. Нессельроде К. В.
Новосильцев Н. Н. 33
- Ободовская И. М. 42
Овчинникова С. Т. 159
Одоевский А. И., кн. 160
Одоевский В. Ф., кн. 110
Окулова А. А. 145, 152
Оленин А. Н. 144, 172
Оленина В. А. 147, 156
Ольга Николаевна, вел. кнж. 30, 39, 40, 42
Ольденбургский П. Г., принц 32, 33, 39
Оранский В., принц 139
Орлов А. Ф., кн. 33, 157
Орлов В. Е. 5, 8, 119–140
Орлов И. А. 142
Орлов П. Н. 8, 141–152
Орлова-Денисова С. В., гр. 142
Охлестышева М. П. 79, 80, 81, 85
- Павел I, имп. 155
Павлицева О. С., урожд. Пушкина 58, 59, 171, 172
Павлицев Л. Н. 173
Павлова С. В. 44, 86
Пальчикова С. А. см. Пещурова С. А.
Панин В. Н., гр. 143
Панина Н. П., гр., урожд. гр. Тизенгаузен 143, 151
Панины, гр. 144
Панченко А. М. 73
Петр III, имп. 27
Петр I Великий, имп. 14, 23–29, 74, 155, 174
Петров В. А. 111
Петрово-Соловово Г. Ф. 34, 35
Петрово-Соловово Н. А. 35
Петров П. Н. 151
Пещуров А. Н. 87, 89, 91, 98
- Пещурова В. А. 90, 91
Пещурова Е. Н. 92
Пещурова Е. Х., урожд. Комнено 87
Пещурова М. А. 5, 86–94, 97–99
Пещурова Н. А. 94
Пещурова С. А. 87, 88, 90, 93
Пещуровы 87–92, 94, 99
Пещуровы-Горчаковы 98
Пименов Н. С. 144
Пирютко Ю. М. 176
Плетнев П. А. 50, 52, 82–85, 170, 171
Плюскова Н. Я. 158
Погодин М. П. 49
Погодина А. А. 6, 8, 141–152
Пожарский Д. М., кн. 14
Позов А. С. 73
Полетика А. М. 35
Полетика И. Г. 35
Протасова А. А. см. Воейкова А. А.
Пумпянский Л. В. 73
Пушкин А. А. 60
Пушкин А. П. 27
Пушкин А. С. 5, 7, 8, 11, 14, 15, 19, 20, 26–28, 30, 31, 33–37, 39–44, 46, 48–58, 61–76, 79–87, 93, 94, 97–103, 108–110, 114, 115, 119–123, 125–133, 135–141, 144, 149–151, 153–155, 157–169, 171–176, 183
Пушкин Б. И. 13, 19
Пушкин В. Л. 70
Пушкин Гаврила Григорьевич Слепой 13, 17
Пушкин Григорий Гаврилович 15, 19
Пушкин Е. М. 17
Пушкин И. М. 12, 14, 17
Пушкин И. Ф. 23
Пушкин Л. А. 27
Пушкин Л. С. 59, 60
Пушкин М. Е. 12
Пушкин М. С. 19, 20, 23–27
Пушкин П. М. (Желтоух) 22
Пушкин П. П., отец 20, 22
Пушкин П. П., сын 21, 23
Пушкин С. Г. 15, 19
Пушкин С. Л. 58, 59, 62, 63, 74, 75
Пушкин Ф. М. 24–27
Пушкин Я. С. 23
Пушкина А. А. 60, 61
Пушкина Е. А., урожд. Загряжская 62
Пушкина Е. Н. 137
Пушкина М. А. 60, 61, 64, 65

Указатель имен

- Пушкина Н. Н., урожд. Гончарова 31, 35–42, 63, 64, 73, 161, 162, 165, 166, 173
- Пушкина Н. О., урожд. Ганнибал 35, 58, 59, 63, 64, 74
- Пушкины 11, 12, 14, 15, 17, 19, 22–28, 36–39, 61, 63, 162
- Пушкины-Ганнибалы 74
- Пуштин И. И. 73, 74, 159
- Радзивилл Л. Л., кн. 161
- Раевская М. Н. 173
- Раевские 173
- Разумовская М. Г., гр. 166
- Раскольников Ф. А. 73
- Резанов Н. П. 103
- Резанова Е. П. 103
- Репин Н. П. 160
- Репнин-Волконский Н. Г., кн. 167
- Рихтер Н. 98
- Ришелье Л. Ф. Д. 162, 163
- Робинсон И. Г. 159
- Розенблюм Е. А. 154
- Романов Михаил см. Михаил Федорович, царь
- Романовы 12, 19, 27
- Россет А. О. 145
- Сабурова Е. В. 152
- Сайтов В. И. 129
- Салтыкова Е. В., св. кн. 32, 110
- Салтыкова С. М. 87
- Самойлова С. А. см. Бобринская С. А.
- Свиный П. П. 85
- Свистунова Н. Л., урожд. гр. Соллогуб 93, 97
- Седов П. В. 5, 7, 11–29
- Седова Г. М. 5, 8, 53–76, 151
- Сенявин Д. Н. 175
- Серяков Л. А. 66, 75
- Сигизмунд III, польский король 13
- Сидоров И. С. 5, 8, 30–42, 115
- Силин Г. 25
- Сицкие 15
- Сицкий Ю. А. 15
- Смирдин А. Ф. 83
- Смирнов-Сокольский Н. П. 85
- Соковнин А. П. 25–27
- Соковнин В. А. 26
- Соковнины 25
- Соколов П. Ф. 165, 166
- Соллогуб В. А., гр. 92, 97, 122, 123, 130, 132, 163
- Соллогуб Л. А., гр. 92
- Соллогуб Л. Л., гр. 93
- Соллогуб Н. Л., гр. 93
- Соллогуб С. И., гр. урожд. Архарова 92
- Соллогубы, гр. 92
- Соловьев С. М. 28
- Сомов А. И. 76
- Софья, царевна 23, 24
- Сперанский М. М. 157, 171
- Старк В. П. 73
- Стороженко А. П. 51, 52
- Строганов, гр. 151
- Строганов Г. А., гр. 174
- Строганов П. А., гр. 98
- Строганова Н. В., гр., урожд. гр. Кочубей 171
- Строганова С. В., гр., урожд. кнж. Голицына 93, 94, 98, 99, 142, 143
- Строгановы 143
- Струговщиков А. Н. 65, 66
- Ступина Е. А. 74, 75
- Суворов А. В., кн. 175
- Сурат И. 3, 73
- Сюдур П. 166
- Тархова Н. А. 36, 38, 41, 85
- Татищев С. С. 96, 99
- Тернер К. 158
- Тизенгаузен Н. П. см. Панина Н. П.
- Тизенгаузен Е. Ф., гр. 161
- Тимашевский О. И. 150
- Тимофеева 146
- Толстая А. А., гр. 36
- Толстая М. Н., гр. 112
- Толстая С. А., гр. 112, 113, 115
- Толстой И. М. (Жанно) 96, 100
- Толстой Л. Н., гр. 44, 102, 112–115
- Толстой М. Ф. 100
- Толстой Н. Н., гр. 112
- Толстой С. Н., гр. 112
- Тончи С. 155
- Трискорни А. 171
- Трубецкая Д. В. см. Фредерикс Д. В.
- Трубецкая Е. И., кн. урожд. гр. Лаваль 102
- Трубецкая М. А., урожд. Пенцурова см. Пенцурова
- Трубецкие, кн. 90

Указатель имен

- Трубецкой А. В., кн. 136
Трубецкой В. А., кн. 89, 90, 91
Трубецкой С. П., кн. 89
Тургенев Н. И. 157
Тыранов А. В. 149
Тюфякин В. М., кн. 13
- Уваров С. С., гр. 108–110, 115, 157, 167
Урусова С. А., кнж. 161
Успенский Н. В. 169, 174
Уткин Н. И. 162
Ушакова Е. Н. 70
- Федор Алексеевич, царь 16
Федор Годунов, царь 13
Фикельмон Д. Ф., гр., урожд. гр.
 Тизенгаузен 161
Фикельмон Ш.-Л., гр. 161
Филарет, митрополит 71, 157
Фотий, архимандрит 158
Фредерикс Д. В., бар., урожд. кнж.
 Трубецкая 90
Фрейганг А. П. 148
Фридрих Вильгельм Карл Прусский,
 принц 136
- Хвостов Д. И. 5, 8, 79, 80–85
Хитрово Е. М., урожд. Голенищева-
 Кутузова 161, 175
Ходасевич В. Ф. 130
Хрептович И. Е. 148
Хрептович Е. К., урожд. Нессельроде 148
Хрептович К.-М. 147, 148
Хрептович Мария И. см. Бутенева М. И
Хрептович М. И. 148
Хрущев А. П. 164
Хрущевы 162
Хрущевы-Селезневые 153
- Цыклер И. Е. 25–27
Цявловский М. А. 28
Черейский Л. А. 103, 115
Черлицкий И. К. 149
Чернышев А. И., св. кн. 157
Чернышева Н. П. см. Голицына Н. П.
Чириков М. 21
- Шакловитый Ф. Л. 24, 29
Шаликов П. И. 81
Шатров Н. М. 81
Шаховской А. А., кн. 157
Шевич М. Х., урожд. гр. Бенкендорф 142
Шекспир В. 171
Шепелева Н. С. 63
Шерваль фон Валлен Аврора К., бар.
 41, 144
Шерваль фон Валлен Александра К., бар.
 36, 41
Шиллер Ф. 171
Шляпкин И. А. 109, 115
Штилер И. 166
Шуберт Ф.-П. 88
Шуйский В. И., царь 13
Щеголев П. Е. 98, 132, 140
- Эйдельман Н. Я. 139
Энгельман Г. 166
Эскин Ю. М. 28
Эссен А. П., фон, гр. 146
Юрьева И. Ю. 76
- Языков Н. М. 82
Языков И. М. 16
Яхонтов А. Н. 76
Яхонтов Н. П. 101
Яшин М. 36, 37, 41, 43

Научное издание

ПУШКИН И ПРИДВОРНАЯ СРЕДА
ЕГО ВРЕМЕНИ

Беляевские чтения

Сборник научных статей

Выпуск V

Редакторы *А. В. Ильичев, В. С. Кизило*
Составитель указателя *Ю. А. Зигерн-Корн*
Технический редактор *М. Л. Куракина*
Верстка *Л. В. Васильевой*

Подписано в печать 25.11.2015. Формат 60×84¹/₁₆.
Печ. л. 11,5. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 1121

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А

Мастерская Богатыревых. Икона «Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст». 1814–1822. Дерево, левкас, темпера, золочение, цировка
Екатеринбургский музей изобразительных искусств

К статье Г. М. Седовой

А. Н. Струговщиков. Пушкин на смертном одре. 29 января 1837
Бумага, карандаш. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

А. Н. Мокрицкий. Пушкин на смертном одре. 29 января 1837
Бумага, карандаш. Всероссийский музей А. С. Пушкина

К статье Г. М. Седовой

Л. А. Серяков по рисунку К. О. Брожа, восходит к оригиналу А. Н. Мокрицкого
Пушкин на смертном одре. Гравюра. 1880
Всероссийский музей А. С. Пушкина

К статье Г. М. Седовой

А. А. Козлов. Пушкин в гробу. 30 января 1837. Бумага, карандаш
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

А. А. Козлов. Пушкин в гробу. 1837. Холст, масло
Всероссийский музей А. С. Пушкина

К статье Г. М. Седовой

Ф. А. Бруни. Пушкин в гробу. 30 января 1837. Бумага, карандаш
Всероссийский музей А. С. Пушкина

П. Ф. Борель с оригинала Ф. А. Бруни 1837 г. Пушкин в гробу. Литография
Всероссийский музей А. С. Пушкина

К статье Г. М. Седовой

В. А. Жуковский. Пушкин в гробу. 1837. Бумага, карандаш
Всероссийский музей А. С. Пушкина

Ладанка с частицей Ризы Господней, принадлежавшая роду Пушкиных
Металл, чернение. Частное собрание

А. Никкельс. Портрет М. А. Дондукова-Корсакова. 1835. Литография
Всероссийский музей А. С. Пушкина

К статье Т. Р. Мазур

Неизвестный художник. Глубокое, имение Дондуковых-Корсаковых
1-я половина XIX в. Литография
Всероссийский музей А. С. Пушкина

К статье Т. И. Галкиной

Н. В. Гоголь. Портрет А. С. Пушкина. Конец 1830-х — начало 1840-х гг.
Бумага, чернила. Российская Национальная библиотека

К статье А. А. Погодиной

Е. Б. Барсукова с оригинала П. Н. Орлова 1840 г. Портрет С. Н. Карамзиной
1916. Холст, масло. Всероссийский музей А. С. Пушкина

К статье А. А. Погодиной

П. Н. Орлов. Портрет генерал-майора И. А. Орлова. 1835
Холст, масло. Государственный Эрмитаж

К статье А. А. Погодиной

П. Н. Орлов. Портрет фрейлины С. В. Орловой-Денисовой (?). 1835
Холст, масло. Государственный Эрмитаж

П. Н. Орлов. Портрет неизвестной в русском придворном платье (фрейлины А. А. Окуловой (?)). 1837. Холст, масло. Государственный Эрмитаж

К статье А. А. Погодиной

П. Н. Орлов. Портрет графа А. Х. Бенкендорфа. 1838
Холст, масло. Частное собрание

К статье А. А. Погодиной

П. Н. Орлов. Портрет И. А. Балашова. 1839
Холст, масло. Частное собрание

К статье А. А. Погодиной

П. Н. Орлов. Портрет М. А. Бек. 1839. Холст, масло
Государственная Третьяковская галерея

К статье А. А. Погодиной

П. Н. Орлов. Мальчик, играющий с обручем. Портрет С. Д. Бибикова. 1836
Холст, масло. Государственный Русский музей

К статье В. Е. Орлова

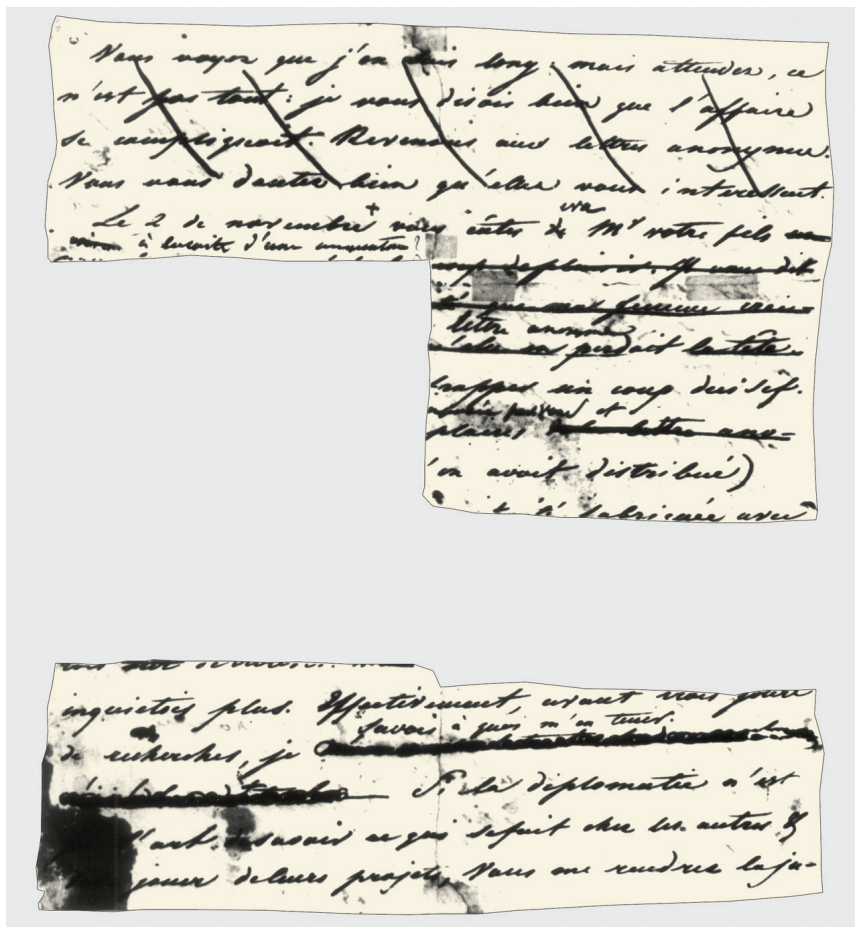

Рис. 1. Ноябрьское письмо Пушкина к Л. Геккерну 1836 г.
1-я редакция. Лицевая сторона второго листа

étais sûr de trouver mon auteur et je ne m'en
inquiétais plus. Effectivement, avant trois jours
de recherches, je découvris l'instigateur embarras-
sé ^{je} ^{l'} ^{é-}
s'invérédencieusement. — Si la diplomatie n'est
que l'art des ruses et qui se fait chez les autres &
se jouer leurs projets, vous me rendrez la ju-

Рис. 2. Реконструкция двух вымаранных полустрок на лицевой стороне второго листа 1-й редакции письма Пушкина к Л. Геккерну

Рис. 3. Ноябрьское письмо Пушкина к Л. Геккерну 1836 г. 2-я редакция. Лицевая сторона первого листа письма

К статье В. Е. Орлова

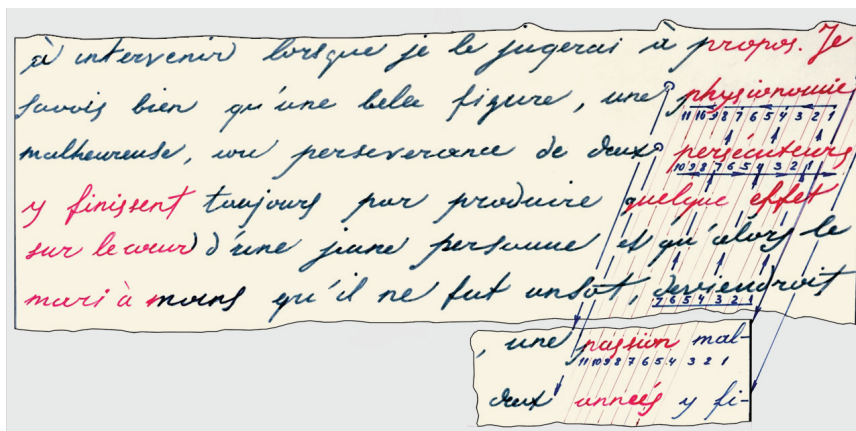

Рис. 4. Реконструкция фрагмента текста на лицевой стороне первого листа 2-й редакции письма Пушкина к Л. Геккеру

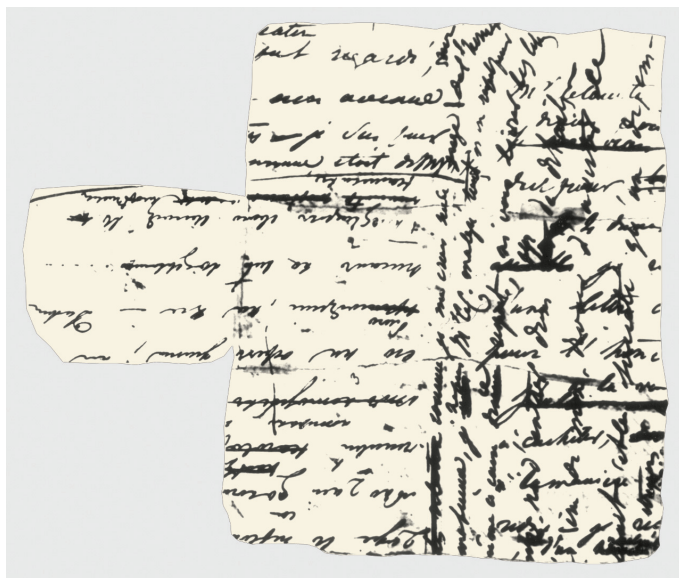

Рис. 5. Черновое письмо Пушкина к Бенкендорфу (до 21 ноября 1836 г.)
Первый лист, оборотная сторона

К статье В. А. Невской

Усадьба Хрущевых-Селезневых
Главный дом

Государственный музей А. С. Пушкина
Зал «Пролог»

К статье В. А. Невской

Государственный музей А. С. Пушкина
Зал «Годы странствий»

Государственный музей А. С. Пушкина
Зал «Последние годы жизни поэта»

К статье К. О. Валегиной, А. С. Иощенко

Надгробие В. А. Жуковского
Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры

Надгробие Н. Н. Ланской
Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры